

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2024

№ 51

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Гайстлингер Михаэль** – доктор юридических наук, профессор Зальцбургского университета (Австрия); **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша); **Мешко Горазд** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российской государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Осокина Г.Л.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Артамонова Е.А. О прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа как особой форме окончания предварительного расследования	5
Брянская Е.В. Тактические приемы сторон и судьи при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции	14
Евдокимов В.Б., Кожевников О.А., Савоськин А.В. Кто вправе официально толковать конституции (уставы) субъектов Российской Федерации после конституционных поправок 2020 г.?	25
Клевцов К.К. Правовые основы международной передачи и принятия уголовного преследования (судопроизводства) в зарубежных государствах: компаративистский анализ	39
Старостин С.А. Размышления об административном усмотрении	58
Тепляшин П.В., Заборовская Ю.М., Малышева И.В. Особенности отбывания пенальных наказаний лицами пожилого возраста в период распространения новой коронавирусной инфекции (зарубежный опыт)	76
Филимонов Ю.В. Конституционно-правовая природа постановлений Конституционного Суда Российской Федерации	91

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Алиев Т.Т., Юдин А.В. Обязательность указаний суда вышестоящей инстанции для лиц, участвующих в деле, при направлении дела на новое рассмотрение	99
Борзило Е.Ю. Обзор антимонопольных ограничений для односторонних действий недоминирующих хозяйствующих субъектов в зарубежном законодательстве	108
Гончарова В.А. Экспертизы в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением	120
Стрельникова И.А., Харина О.А. Анализ инструментов обеспечения стрессоустойчивости ЕС и АСЕАН	135
Чернов С.Н., Чернова Т.И. Результаты реализации в Арктике государственных программ по ограничению выбросов парниковых газов	149

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Artamonova E.A. On the termination of criminal proceedings with the imposition of a judicial fine as a special form of termination of the preliminary investigation	5
Bryanskaya E.V. Tactical techniques of the parties and the judge during the consideration of a criminal case in the court of first instance	14
Evdokimov V.B., Kozhevnikov O.A., Savoskin A.V. Who has the right to officially interpret constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation after the constitutional amendments of 2020?	25
Klevtsov K.K. Legal bases of international transfer and acceptance of criminal prosecution (proceedings) in foreign states: comparativist analysis	39
Starostin S.A. Reflections on administrative discretion	58
Teplyashin P.V., Zaborovskaya Yu.M., Malysheva I.V. Peculiarities of serving penal sentences by elderly persons during the period of spread of a new coronavirus infection (foreign experience)	76
Filimonov Yu.V. Constitutional and legal nature of rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation	91

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Aliev T.T., Yudin A.V. Binding of the instructions of the higher court on the persons involved in the case when the case is sent for a new hearing	99
Borzilo E.Yu. Review of antimonopoly restrictions for unilateral actions of non-dominant business entities in foreign legislation	108
Goncharova V.A. Expertise in cases of compensation for moral damage caused by a crime	120
Strelnikova I.A., Kharina O.A. Analysing EU and ASEAN stress resilience tools	135
Chernov S.N., Chernova T.I. Results of state programmes for limiting greenhouse gas emissions in the Arctic	149

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья

УДК 343.112

doi: 10.17223/22253513/51/1

О прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа как особой форме окончания предварительного расследования

Елена Александровна Артамонова¹

¹ *Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
ea.artamonova@yandex.ru*

Аннотация. Обосновывается вывод о том, что вынесение постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа есть новая самостоятельная упрощенная форма окончания предварительного расследования. Указывается на необходимость усилить роль прокурора на этапе направления с таким ходатайством уголовного дела в суд для его разрешения. Сформулированы соответствующие предложения по изменению действующего УПК РФ.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, судебный штраф, форма окончания предварительного расследования

Для цитирования: Артамонова Е.А. О прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа как особой форме окончания предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 5–13. doi: 10.17223/22253513/51/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/51/1

On the termination of criminal proceedings with the imposition of a judicial fine as a special form of termination of the preliminary investigation

Elena A. Artamonova¹

¹ *North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
ea.artamonova@yandex.ru*

Abstract. The article analyses the current criminal procedural legislation and the practice of its application on the issue of sending to court a criminal case with a motion of the investigator (inquirer) to terminate the criminal case (criminal prosecution) with the subsequent imposition of a judicial fine. It is noted that the data of judicial statistics show the demand for the institute of judicial fine in law enforcement.

At present, exemption from criminal liability in connection with the imposition of a judicial fine is procedurally possible in two forms. Firstly, at the request of the defendant or

his defence counsel, stated directly in the court session during the consideration on the merits of the criminal case, received by the court with an accusatory document (indictment, indictment or indictment). Secondly, based on the results of consideration by the court of the investigator's (inquirer's) decision to initiate a petition for termination of criminal case (criminal prosecution) and imposition of a judicial fine. The paper analyses the legislative regulation of the latter. The conclusion is substantiated that the decision of the investigator (inquirer) to apply to the court with a petition for the application of a judicial fine in accordance with Chap. 51.1 of the RF CCP represents a special (simplified) form of the end of the preliminary investigation. Despite the simplified nature of this procedure, it is considered unjustified to completely exclude the prosecutor from the stage of sending the criminal case from the body of preliminary investigation to the court for its resolution.

Based on the results of the study, a number of proposals aimed at amending and supplementing the current criminal procedure law have been formulated. Firstly, it is necessary to give the investigator (inquirer) the obligation to send the prosecutor a copy of the decision on the initiation of a petition to the court to terminate the criminal case (criminal prosecution) and the imposition of a judicial fine, which should be added to Part 3 of Article 446.2 of the CPC of the RF. Secondly, the necessity to change the title of Article 446.2 of the CPC of the RF is substantiated, stating it in the following wording: "Article 446.2. Termination of preliminary investigation and the procedure for termination of criminal proceedings or criminal prosecution in connection with the imposition of a measure of criminal-legal nature in the form of a judicial fine". Thirdly, it is proposed at the legislative level to recognise the sending of the criminal case by the investigator (inquirer) to the court with a request to terminate the criminal case in connection with the imposition of a judicial fine as an independent form of termination of the preliminary investigation, and to make a corresponding addition to Part 1 of Article 158 of the CPC of the RF.

Keywords: termination of criminal case, judicial fine, form of termination of preliminary investigation

For citation: Artamonova, E.A. (2024) On the termination of criminal proceedings with the imposition of a judicial fine as a special form of termination of the preliminary investigation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/1

Институт судебного штрафа, введенный в отечественное законодательство в 2016 г., весьма востребован в современной правоприменительной практике. Вначале, с момента появления рассматриваемого института, наблюдался резкий рост его применения. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в связи с назначением судебного штрафа было прекращено уголовных дел в 2017 г. – 8 583, в 2018 г. – 17 200; уголовное преследование прекращалось в 2017 г. в отношении 9 638, в 2018 г. – 18 986 лиц. Пик «популярности» пришелся на 2019 и 2020 гг. – по первому показателю – 30 678 и 32 427; по второму – 34 583 и 35 917 соответственно. Затем наблюдается спад: в 2021 г. с назначением судебного штрафа прекратили уголовных дел 9 437, в 2022 г. – 5 508, в первом полугодии 2023 г. – 1 316; уголовное преследование прекращалось в 2021 г. в отношении 10 513 лиц, в 2022 г. – 6 482, в первом полугодии 2023 г. – 1 584¹.

¹ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, первое полугодие 2023 гг. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 25.10.2023).

Несмотря на заметное снижение числа разрешаемых таким образом случаев привлечения к уголовной ответственности, рассматриваемый институт стабильно применяется на практике.

Фактически в ныне действующем российском уголовно-процессуальном законе предусмотрены две формы прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с последующим назначением судебного штрафа:

- основная, когда применение ст. 25.1 УПК РФ инициируется в ходе предварительного расследования, которое, в случае положительного решения данного вопроса, заканчивается постановлением следователя (дознавателя) о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;

- дополнительная, применяемая в тех случаях, когда в суд уголовное дело направлено с обвинительным заключением (обвинительным постановлением, обвинительным актом), и уже в судебном заседании сторона защиты инициирует прекращение уголовного дела (уголовного преследования) с применением судебного штрафа.

Построение правовых норм и законодательная регламентация основной формы применения ст. 25.1 УПК РФ содержат ряд неясностей и неточностей.

Прежде всего, законом не предусмотрено участие прокурора в процедуре обращения следователя в суд с ходатайством о применении судебного штрафа в соответствии с гл. 51.1 УПК РФ.

Если при производстве дознания дознаватель согласовывает свое решение об этом с прокурором, то следователь, согласно прямому указанию закона, взаимодействует по данному вопросу только с руководителем следственного органа (ч. 2 ст. 466.2 УПК РФ). В процессуальной литературе высказываются различные мнения по этому поводу. Так, Ю.А. Цветков не видит никакой катастрофы в том, что с введением в 2016 г. института судебного штрафа следователь «взаимодействует с судом напрямую, без посредничества прокурора» [1]. О.Н. Тиссен пишет о необходимости дополнить уголовно-процессуальный закон нормой о согласовании прокурором ходатайства следователя о применении института судебного штрафа [2]. Аналогичной позиции придерживается Я.А. Климова [3. С. 90].

О расширении полномочий прокурора при применении института судебного штрафа пишут и другие авторы, внося различные предложения. Так, Т.К. Рябинина, опираясь на результаты проведенного опроса практических работников (судей, адвокатов, прокуроров), предлагает дополнить ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ положением, расширяющим круг лиц, уполномоченных инициировать прекращение уголовного дела по этому основанию, включив в него в том числе и прокурора [4. С. 182]. А.Г. Халиулин указывает на необходимость при применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа «исключить направление в суд уголовных дел, минуя прокурора» [5. С. 60]. А.В. Спирин, продолжая эту мысль, настаивает на изме-

нении порядка направления такого дела в суд, оставив руководителю следственного органа ведомственный контроль и наделив прокурора полномочием утверждать такое постановление [6. С. 45].

Представляется, что вынесение решения о направлении уголовного дела в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением судебного штрафа, по сути, является новой особой формой окончания предварительного расследования. Это утверждение обусловлено следующим. Во-первых, в данном случае неординарно определена роль прокурора на этапе окончания досудебного производства. Закон не предусматривает процедуры утверждения прокурором документа, которым завершается предварительное расследование, и последующего направления дела в суд, как это происходит в других подобных формах окончания следствия или дознания, когда следователь или дознаватель все материалы законченного расследования представляет прокурору для решения вопроса о дальнейшем движении дела (п. 1 ч. 1 ст. 221, п. 1 ч. 1 ст. 226, п. 1 ч. 1 ст. 226.8, п. 1 ч. 5 ст. 439 УПК РФ). По окончании предварительного расследования прокурору по букве закона даже не направляется копия постановления, которым следователь (дознаватель) инициирует применение судебного штрафа. Прокурор остается в стороне, фактически в данном случае он лишен полномочий по надзору за законностью принятого следователем итогового решения [3. С. 89; 7. С. 38]. Органы расследования направляют дело непосредственно в суд, минуя его. Институт судебного штрафа – это еще одна упрощенная процедура, которая введена законодателем в целях процессуальной экономии, скорейшего, без неоправданных задержек рассмотрения уголовных дел. Именно поэтому, думается, и не предусмотрена громоздкая процедура утверждения прокурором рассматриваемого решения следователя (дознавателя). Но полное отстранение прокурора от этапа направления уголовного дела в суд для разрешения по существу из органа предварительного расследования противоречит смыслу уголовно-процессуального закона, особенно учитывая то, что в судебном заседании прокурор участвует (ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ), и именно он поддерживает позицию стороны обвинения. Последнее подтвердил Верховный Суд Российской Федерации. В пункте 11 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа он указал, что «участие прокурора в рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа является обязательным»¹. Получается некая нелогичность, если прокурору не направляется копия решения, которым завершается предварительное расследование по делу, и с ним не согласуется вопрос о возможности инициировать перед судом применение судебного штрафа, каким образом прокурор

¹ См.: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/thematics/> (дата обращения: 11.04.2021).

может подготовиться к рассмотрению такого ходатайства в судебном заседании? Сформировать позицию относительно целесообразности и возможности применения такой меры уголовно-правового характера?

Следует отметить, что на практике и следователи, и дознаватели постановления о возбуждении перед судом такого ходатайства направляют прокурору. Действуют они так, с одной стороны, по аналогии (все прочие итоговые акты предварительного расследования закон предписывает направлять прокурору), а с другой – исходя из нормативных предписаний о статистической отчетности по результатам уголовного судопроизводства¹.

Вместе с тем отсутствие законодательного предписания об уведомлении прокурора об инициировании применения судебного штрафа представляется неоправданным. Этот пробел необходимо устранить, предусмотрев в действующем уголовно-процессуальном законе обязанность следователя (дознавателя) ставить в известность прокурора о принятом решении посредством направления ему копии постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Соответствующие изменения необходимо внести в ч. 3 ст. 446.2 УПК РФ, включив в перечень лиц, которым направляется копия данного постановления, прокурора.

Во-вторых, положения ст. 25.1 и гл. 51.1 УПК РФ существенной особенностью применения данного института устанавливают, что решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа принимать уполномочен только суд. Лицо, производящее расследование, не имеет подобного правомочия. Это единственное предусмотренное законом основание для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), которое лицо, осуществляющее уголовное преследование, не вправе применять. Возложение обязанности прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по данному основанию исключительно на суд является вполне оправданным и обоснованным. Во-первых, оно влечет за собой применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа – последствия, которое не предусмотрено при прекращении уголовных дел (уголовного преследования) по другим основаниям. Во-

¹ См.: О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 24.07.2023) (ст. 51). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/; Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации : Федер. закон от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ (ред. от 28.02.2023). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72844/; О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15.10.2019) (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30 декабря 2005 г. № 7339). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/ (дата обращения: 05.11.2023).

вторых, в отличие от всех других оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) оно не является безусловным, так как принятое решение может быть отменено ввиду неуплаты штрафа [8. С. 124].

Законодательная регламентация этого вопроса позволяет авторам говорить о прекращении уголовного дела по этому основанию судом в досудебном производстве [9. С. 133–134]. Представляется это некорректным. Предварительное расследование должно быть окончено принятием соответствующего процессуального решения. Принимать это решение уполномочен тот субъект уголовного процесса, который и проводил расследование. В данном случае таким документом и выступает постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Эта процедура сходна с окончанием производства предварительного следствия вынесением постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера. Как и судебный штраф, принудительную меру медицинского характера может применить только суд (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК РФ).

Вот только порядок окончания предварительного расследования с целью применения судебного штрафа законом предусмотрен как упрощенный: отсутствует процедура утверждения прокурором итогового акта предварительного расследования, орган расследования свое решение направляет непосредственно в суд. Хотя это вряд ли дает право говорить о прекращении уголовного дела судом на досудебном производстве. Прекращение уголовного дела в досудебном производстве – несвойственное для суда правомочие, правильное говорить об окончании предварительного расследования органом расследования и направлении уголовного дела в суд для разрешения по существу.

В законе речь идет о праве суда применить рассматриваемое основание по собственному усмотрению или по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства, поданного лицом, расследующим уголовное дело. На практике, как правило, инициативу правоприменителя о применении судебного штрафа инициирует сторона защиты. На предварительном расследовании именно обвиняемый (подозреваемый) или его защитник вначале обращается к следователю (дознавателю) с ходатайством о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа. И уже это ходатайство кладется в основу обращенного к суду постановления о применении данной меры уголовно-правового характера. То же происходит и в суде, когда непосредственно в ходе судебного заседания уголовно-преследуемое лицо или его защитник ходатайствует об окончании производства по уголовному делу в такой форме. Независимо от того, кем и когда инициируется применение основания, предусмотренного ст. 25.1 УПК РФ, суд в судебном заседании проверяет сведения об участии обвиняемого в совершении преступления. Он устанавливает фактические обстоятельства совершенного преступления, обоснованность предъявленного обвинения, подтвержденность его собранными по делу доказательствами, заслушивает мнения сторон, и прежде всего

подсудимого, о возможности прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа¹. Все это говорит о судебной деятельности при отправлении правосудия и разрешении уголовного дела по существу.

В этой связи представляется некорректным название ст. 446.2 УПК РФ. В настоящее время она называется «*Порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства по уголовному делу*». Но по данному основанию уголовное дело (уголовное преследование) не может быть прекращено на стадии предварительного расследования. Мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа может быть применена исключительно по решению суда (п. 3.1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ). Да и в содержании ст. 446.2 УПК РФ речь идет об окончании предварительного расследования направлением уголовного дела в суд для применения судебного штрафа, а также о полномочиях суда по поступившему делу с таким ходатайством следователя (дознателя). Причем закон в этом случае не предусматривает возможность суду принять какое-либо иное решение по делу. Возможно либо прекращение с судебным штрафом, либо возвращение дела в орган расследования для окончания следствия (дознания) в более традиционной форме. В этой связи представляется необходимым изменить название ст. 446.2 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «Статья 446.2. Окончание предварительного расследования и порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа».

Прекращение судом уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, есть форма разрешения уголовного дела по существу, которой завершается производство по уголовному делу [10. С. 45; 11. С. 152]. Инициирование следователем (дознателем) применения к обвиняемому (подозреваемому) судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера представляет собой самостоятельную форму окончания предварительного расследования (расследование завершается, а уголовное пресле-

¹ См., например: Постановление Чусовского городского суда Пермского края от 23 декабря 2022 г. Дело № 1-336/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Tjxi3AvPh5Uu/>; Постановление Ясенского районного суда Оренбургской области от 19 декабря 2022 г. Дело № 1-100/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ruCQ1Fln7dJu/>; Постановление Ленинского районного суда г. Ставрополя от 11 января 2021 г. Дело № 1-179/2021. URL: https://lenynsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=159073307&delo_id=1540006&new=&text_number=1; Постановление Промышленного районного суда г. Ставрополя от 27 января 2021 г. Дело № 1-316/2021. URL: https://promyshlenny--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=161507210&delo_id=1540006&new=&text_number=1; Постановление Ленинского районного суда г. Ставрополя от 01 февраля 2021 г. Дело № 1-135/2021. URL: https://lenynsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=161449189&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 05.11.2023).

дование продолжается). В этой связи представляется необходимым на законодательном уровне закрепить эту форму окончания предварительного расследования, включив в ч. 1 ст. 158 УПК РФ новый пункт следующего содержания: «3) составлением постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа».

Список источников

1. Цветков Ю.А. Следователи применяют судебный штраф // Уголовный процесс. 2018. № 3. URL: <https://e.ugpr.ru/622635> (дата обращения: 20.12.2020).
2. Тиссен О.Н. Судебный штраф: разъяснения ВС РФ и спорная практика // Уголовный процесс. 2019. № 10. URL: <https://e.ugpr.ru/757783> (дата обращения: 18.12.2020).
3. Климова Я.А. Полномочия прокурора на завершающем этапе досудебного производства, оканчивающемся прекращением уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 87–92.
4. Рябинина Т.К. Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти. М. : Юрлитинформ, 2021. 216 с.
5. Халиулин А.Г. О роли прокурора в условиях состязательного построения российского уголовного процесса // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича : материалы конференции 24–25 октября 2019 г., Москва. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 58–61.
6. Спирин А.В. Участие прокурора в рассмотрении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 40–46.
7. Кругликов А.П. Роль прокурора в прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с освобождением от уголовной ответственности и назначением судебного штрафа // Законность. 2017. № 5. С. 37–41. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Качалова О.В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 121–129.
9. Евстигнеева О.В., Лавнов М.А., Спесивцев Н.В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в российском уголовном процессе : учеб. пособие. Саратов : СГЮА, 2018. 184 с.
10. Антонов И.А., Мамонтов А.Г. Допустимость прекращения уголовного дела в ходе досудебного производства: больше вопросов, чем ответов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 42–46.
11. Попов Д.П. Функция разрешения уголовного дела и форма ее выражения в досудебном производстве: анализ теории, законодательства и практики // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3. С. 150–154.

References

1. Tsvetkov, Yu.A. (2018) Sledovateli primenyayut sudebnyy shtraf [Investigators apply a court fine]. *Ugolovnyy protsess*. 3. [Online] Available from: <https://e.ugpr.ru/622635> (Accessed: 20th December 2020).
2. Tissen, O.N. (2019) Sudebnyy shtraf: raz"yasneniya VS RF i spornaya praktika [Judicial fine: Clarifications of the RF Armed Forces and controversial practice]. *Ugolovnyy protsess*. 10. [Online] Available from: <https://e.ugpr.ru/757783> (Accessed: 18th December 2020).
3. Klimova, Ya.A. (2017) Polnomochiya prokurora na zavershayushchem etape dosudebnogo proizvodstva, okanchivayushchemsya prekrashcheniem ugovnogo dela v svyazi s naznacheniem sudebnogo shtrafa [The powers of the prosecutor at the final stage of

pre-trial proceedings, ending with the termination of the criminal case in connection with the imposition of a judicial fine]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 4(43). pp. 87–92.

4. Ryabinina, T.K. (2021) *Deyatel'nost' suda po naznacheniyu i podgotovke ugovornogo dela k sudebnomu zasedaniyu v mekhanizme realizatsii sudebnoy vlasti* [The activities of the court in assigning and preparing a criminal case for a hearing in the mechanism for the implementation of judicial power]. Moscow: Yurlitin-form.

5. Khaliulin, A.G. (2019) O roli prokurora v usloviyakh sostyazatel'nogo postroeniya rossiyskogo ugovornogo protsessa [On the role of the prosecutor under the adversarial construction of the Russian criminal process]. *Priroda rossiyskogo ugovornogo protsessa i printsip sostyazatel'nosti* [The nature of the Russian criminal process and the principle of adversariality]. Proc. of the Conference. October 24–25. Moscow: Yurlitin-form. pp. 58–61.

6. Spirin, A.V. (2023) Uchastie prokurora v rassmotrenii voprosa o prekrashchenii ugovornogo dela v svyazi s naznacheniem sudebnogo shtrafa [Participation of the prosecutor in considering the issue of termination of a criminal case in connection with the imposition of a court fine]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 1(93). pp. 40–46.

7. Kruglikov, A.P. (2017) Rol' prokurora v prekrashchenii ugovornogo dela ili ugovornogo presledovaniya v svyazi s osvobozhdeniem ot ugovornoj otvetstvennosti i naznacheniem sudebnogo shtrafa [The role of the prosecutor in the termination of a criminal case or criminal prosecution in connection with exemption from criminal liability and the imposition of a court fine]. *Zakonnost'*. 5. pp. 37–41.

8. Kachalova, O.V. (2018) Uskorennoe dosudebnoe proizvodstvo po ugovornym delam: perspektivy razvitiya [Expedited pre-trial proceedings in criminal cases: development prospects]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4(89). pp. 121–129.

9. Evstigneeva, O.V., Lavnov, M.A. & Spesivtsev, N.V. (2018) *Prekrashchenie ugovornogo dela (ugovornogo presledovaniya) v rossiyskom ugovornom protsesse* [Termination of a criminal case (criminal prosecution) in Russian criminal proceedings]. Saratov: SGYuA.

10. Antonov, I.A. & Mamontov, A.G. (2018) Dopustimost' prekrashcheniya ugovornogo dela v khode dosudebnogo proizvodstva: bol'she voprosov, chem otvetov [Admissibility of termination of a criminal case during pre-trial proceedings: more questions than answers]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 4(82). pp. 42–46.

11. Popov, D.P. (2020) Funktsiya razresheniya ugovornogo dela i forma ee vyrazheniya v dosudebnom proizvodstve: analiz teorii, zakonodatel'stva i praktiki [The function of resolving a criminal case and the form of its expression in pre-trial proceedings: An analysis of theory, legislation and practice]. *Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*. 3. pp. 150–154.

Информация об авторе:

Артамонова Е.А., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: ea.artamonova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Artamonova E.A., North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: ea.artamonova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022;
одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 12.02.2022;
approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 18.03.2024.

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.17223/22253513/51/2

Тактические приемы сторон и судьи при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции

Елена Васильевна Брянская¹

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, veret.1976@mail.ru

Аннотация. Состязательность в суде видится в качестве активной процессуальной деятельности сторон, которые на стадии предварительного расследования собрали, исследовали, проверили и оценили доказательства по уголовному делу, а далее сформировали тактику своей позиции для участия в суде первой инстанции во благо достижения задач, предусмотренных ст. 6 УПК РФ, посредством убеждения суда. Нами предпринята попытка проанализировать отдельные тактические приемы аргументации в суде.

Ключевые слова: аргументация, тактика убеждения, доказывание, тактические приемы

Для цитирования: Брянская Е.В. Тактические приемы сторон и судьи при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 14–24. doi: 10.17223/22253513/51/2

Original article
doi: 10.17223/22253513/51/2

Tactical techniques of the parties and the judge during the consideration of a criminal case in the court of first instance

Elena V. Bryanskaya¹

¹ Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation, veret.1976@mail.ru

Abstract. Nowadays, due to the principle of adversarial nature of the parties, the questions concerning the means of realisation of this principle are more and more relevant. For us it was cognitive to consider some tactical techniques that can be used by the parties and the court during the consideration of a criminal case in the court of first instance. In particular, we believe that from a creative point of view the techniques proposed by modern authors are of interest. For example, in the analysed scientific article we have given the speech tactics of the parties, which had an effective impact on the internal conviction of the judge, as well as some tactical errors.

The scientific literature distinguishes tactical techniques formed for the benefit of realisation of the planned strategy of psychological influence, which is distinguished by universality, and directly or indirectly can be used by all participants of criminal proceedings.

The authors, based on the study of communicative tactics, consider psychological tactics as tools of verbal nature. For example, the tactics of the prosecutor are aimed at exerting psychological influence on the defendant, as the authors write: "to make him admit his guilt". The defence counsel "uses tactics as one of the means of defence, allowing him to seize the initiative in the process of judicial investigation and present to the court an alternative version of the incident with possible new suspects, motives for their crime". Such tactical directions predetermine speech styles of behaviour of the defence lawyer, prosecutor. Psychological tactics are realised through the emotional state of judicial discourse, as well as their desire to effectively influence each other, provokes the use of psychological influence tactics.

Tactics for the benefit of strategy implementation, through tactical techniques and combinations, should pursue the implementation of the fundamental principles of criminal proceedings: legality, adversarial proceedings, presumption of innocence, respect for the honour and dignity of the individual, and all other principles regulated by the second chapter of the CPC of the Russian Federation. In addition, since in the development of the norms of federal legislation, each judicial and prosecutor's office and the legal profession has developed, adopted and operate ethical rules that should accompany a professional in the process of arguing a case in court.

Having considered the specifics of argumentation tactics, we concluded that its use in the speech of a professional defender, prosecutor consists of several objectives: harmonized and logical persuasion through interrelated evidence, building a constructive dialogue and respectful mutual understanding, activation of influence on the internal conviction of the judge in the light of the following principles of criminal procedural law - legality, adversarial, presumption of innocence and respect for the honor and dignity of the individual.

Keywords: argumentation, persuasion tactics, proof, tactical techniques

For citation: Bryanskaya E.V. (2024) Tactical techniques of the parties and the judge during the consideration of a criminal case in the court of first instance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 14–24. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/2

«Уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства Российской Федерации» [1]. Уголовное судопроизводство основано на состязательных началах (ч. 1 ст. 15 УПК РФ). Состязательность сторон предусматривает обязанность суда создать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Принцип состязательности сторон направлен на реализацию стратегических начал уголовного процесса, которые заключаются в защитительных началах судопроизводства. «Право на полную, справедливую и эффективную судебную защиту на основе равенства всех перед законом и судом включает в себя не только право на законный суд, но и гарантии объективности, независимости и беспристрастности судей, а обеспечение этих гарантий является важнейшей целью государства» [2].

Во благо реализации состязательности и справедливой судебной защиты, стороны уголовного судопроизводства, пытаясь воплотить в жизнь свои процессуальные права, руководствуются тем, что «установление фактической и процессуальной основы любого уголовного дела в судопроизводстве основано на логических правилах доказательной аргументации» [3. С. 385]. Столкновение различных точек зрения, необходимость отстоять свою позицию определяют применение различных коммуникативных тактик.

Однако, еще в истоках классической философии мы можем стать свидетелями размышлений о том, что в официальном речевом взаимодействии противоположные стороны не озадачиваются заботой о соблюдении правил аргументационного убеждения. Чаще всего их место занимают логические и психологические манипуляции и речевые тактики, получившие название «эристические уловки» [4. С. 39]. Великий мыслитель Аристотель писал об эристических уловках как о средствах спора нечестными средствами, в чем видел даже целое искусство.

Для нас познавательно то, что состязательность в суде, реализуемая посредством дискурса, по своим тактическим правилам схожа с тактиками политического дискурса. В частности, достаточно часто можно встретить в научных публикациях мнение о том, что одной из важных форм политической коммуникации является аргументация (аргументативный дискурс) – процесс, служащий обоснованию точки зрения адресанта с целью ее понимания и принятия/непринятия адресатом [5. С. 99]. Ключевым моментом здесь так же, как и в суде, является вектор направленности общения между партнерами по коммуникации, а именно в этом вопросе имеет значение, есть ли интерес и настроена ли противоположная сторона на взаимодействие и преимущественно на компромиссное решение вопросов, вне конфликта. Насколько продуктивен настрой противоположной стороны на достижение общих задач уголовного судопроизводства, имеет ли место направленность на конструктивную коммуникацию или же проявляется антогонистический настрой против стороны, с конфронтационной или же нейтральной стратегией реализации состязательности, настолько будет результативным итог в решении дискутируемых вопросов [6. С. 98].

В одной из своих работ мы писали о логических формах проявления аргументации, о том, что такое выдвигаемый тезис, антитезис, довод, формирующееся убеждение [7]. В принципе, так же, как и в криминалистике: версия, тактические приемы, комбинации, построение вывода – логика формирования умозаключения очень схожая. Однако представляют интерес научные исследования, в которых приводятся ошибочные приемы аргументации, которые могут быть полезными нашим правоприменителям, дабы их не совершать. Например, как подчеркивает Н.А. Ощепкова, описывая все известные в литературе ошибки: Ч. Хэмблин выделяет ошибки «ad». Такие ошибки совершаются тогда, когда выдвигаемый тезис, как предположение, аргументируется не на основе сведений, отвечающих относимости, допустимости, достаточности и достоверности, а на основе пристрастных мотивов, намерений.

Ч. Хэмблин перечисляет известные ошибки «ad», относя их к «ignoratio elenchi». Следственная и судебная практика показывает, что наиболее распространенными ошибками «ad» являются:

- во-первых, “ad hominem” – аргумент, направленный не на защиту тезиса, а на личность оппонента, “навешивание ярлыков”;
- во-вторых, “ad verecundiam” – аргумент к авторитету, когда тезис признается приемлемым, потому что человек или письменный источник утверждает, что нечто происходит именно так;
- в-третьих, “ad misericordiam” – обращение к жалости;
- в-четвертых, “ad baculum” – обращение к силе, к палке («палочный аргумент»), «метод кнута» – аргумент, содержащий угрозу, имеющую цель помешать другой стороне свободно выдвигать и защищать свою точку зрения, или высказывать критику точки зрения оппонента;
- в-пятых, “ad ignorantiam” – аргумент, содержащий утверждение, что тезис верен, так как не было доказано обратное» [6. С. 98].

Данные ошибочные приемы идут в разрез тем требованиям, которые регламентированы действующим УПК РФ, правилам процесса доказывания. В частности, «навешивание ярлыков» противоречит принципу уважения чести и достоинства личности, закон запрещает обращение, унижающее человеческое достоинство личности, кем бы он не был по уголовному делу, подсудимым или потерпевшим (ч. 1 ст. 9 УПК РФ), презумпции невиновности, когда разные накладываемые «клише» идут в прямое противоречие правилу о том, что подсудимый может считаться невиновным до тех пор, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в установленном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК РФ). «Обращение к жалости» – тот прием, который может быть приемлемым только применительно к последнему слову подсудимого, который раскаивается и просит о прощении, в иных случаях, которые касаются участия профессиональных сторон, «жалость» не может выступать в качестве убедительного доказательственного сведения, относящегося к сущности дела.

Применение «палочной» системы, правил «доказывания обратного» так же противоречат упомянутым нами принципам презумпции невиновности и уважения чести и достоинства личности. Тогда как правило «ad verecundiam» может быть признано и не вполне ошибочным. С одной стороны, можно согласиться с авторами, а с другой – видится правильным привести пример участия по уголовному делу авторитетного специалиста, который владеет специальными познаниями и в силах дать суду убедительные выводы, например, на предмет качества приобщенного к материалам уголовного дела заключения эксперта.

Конечно, мнение авторитетного специалиста может послужить в качестве убедительного аргумента, но не стоит забывать и то правило УПК РФ, которое предусматривает норму, регламентированную ч. 1 ст. 17 УПК РФ – имеющиеся по уголовному делу доказательства оцениваются в совокупности. Соответственно, нельзя мнение авторитетного специалиста возводить в

ранг вершины всех имеющихся по делу доказательств. Все доказательства по делу не имеют заранее преимущественной силы, поэтому каким бы ни был авторитетным источник доказательств, все они, проходящие сведения по уголовному делу, должны оцениваться вне преимущества и в общей системе.

В научной литературе выделяются тактические приемы, сформированные во благо реализации запланированной стратегии психологического воздействия, которая отличается универсальностью и прямо либо косвенно может использоваться всеми участниками уголовного судопроизводства.

Авторы на основании изучения коммуникативных тактик рассматривают психологическую тактику как инструментарий вербального характера. Например, тактика прокурора направлена на оказание психологического воздействия на подсудимого, как пишут авторы, «заставить его признать свою вину». Защитник-адвокат «использует тактику как одно из средств защиты, позволяющее ему завладеть инициативой в процессе судебного следствия и представить суду альтернативную версию происшествия с возможными новыми подозреваемыми, мотивами их преступления» [8]. Такие тактические направления предопределяют речевые стили поведения защитника-адвоката, прокурора. Психологическая тактика реализуется через эмоциональное состояние судебного дискурса, равно как и их стремление эффективно воздействовать друг на друга, провоцирует использование тактики психологического воздействия.

Интерес представляет тактика «упрека». В первую очередь прием посредством упрека направлен на регуляцию поведения оппонента. В этой связи заметим, что «речевая тактика упрека с регулятивной функцией может заключаться в выражении говорящим своего эмоционально-оценочного отношения к поведению адресата или к реальному состоянию вещей» [9. С. 206]. Заметим, что применительно к этой тактике в целях достижения коррекции поведения оппонента в коммуникативном фокусе имеет место проявление негативного эмоционального окраса. С одной стороны, побуждение к действию может усилиться, а с другой стороны, приемлемо ли такое поведение при рассмотрении дела в суде. Думается, что в рамках корректности суд позволит проявлять эмоциональное окрашивание выступления, однако если будет иметь место оскорбительное наклонение, судья сделает замечание. Кстати, замечание является так же тактическим проявлением тактики упрека, которым могут воспользоваться и оппоненты. Далее более жесткой формой упрека выступает тактика требования. Требование может быть эффективным приемом, когда участник уголовного судопроизводства, к примеру, свидетель, отказывающийся от дачи показаний, тем самым нарушает уголовно-процессуальные нормы, вводит в заблуждение суд, может привести к негативному исходу уголовного дела.

Тактика «уточнения» применяется с целью дополнения, разъяснений, детализации показаний. Данный тактический прием применяется для детализации, корректировки фактов. Например, уточнение может реализовываться при помощи вопросов как суда, так и сторон процесса [9. С. 206].

В этой связи авторы видят достаточно потенциальные возможности «реализации речевой тактики упрека посредством тактик намека, уточнения, замечания, требования и угрозы, которые отличаются степенью эмоциональности выражения упрека и категоричности». Однако эмоциональная окраска речей, возможностей убеждения посредством процессуальных действий не всегда может выражаться в рамках этики и корректности, поэтому справедливым является мнение о том, что любые отступления от норм поведения получают негативную оценку, в нашем случае суда. В то же время имеют место так называемые косвенные тактики, которые могут возыметь значение конструктивного диалога в судопроизводстве [9. С. 206].

Для нас очевидно, что «от степени владения юристом словом как основным инструментом и средством деятельности, от уровня его ораторского мастерства зависят результаты и эффективность ведения разного рода судебных процессов» [10]. Однако в судебной практике имеет место ложь, которая может проявляться в ложных показаниях, в фальсификации доказательств, в манипуляциях. В психологической литературе под ложью понимается следующее: «Ложь – феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей; чаще всего выражается в содержании речевых сообщений, немедленная проверка коих затруднительна или невозможна. Представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющий своей целью ввести реципиентов (слушателей) в заблуждение» [11. С. 634].

Для нас представилось полезным исследование С.В. Купрейченко, который достаточно разумно полагает, что порою средства по устранению лжи бывают неэффективными и бесцельными, потому что ложь разная: либо имеющая, либо не имеющая процессуальное значение. Совершенно верно и то, что «ложные утверждения, звучащие из уст участника уголовного процесса или изложенные в составленных им процессуальных документах, не делают чести, но далеко не все из них являются достойными процессуального реагирования, поскольку не всегда являются процессуально значимыми» [12. С. 145].

В целях изобличения лжи предлагаются следующие тактические приемы, в частности, в целях установления показаний соответствующих действительности:

- во-первых, предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого;
- во-вторых, предъявление доказательств, требующих от допрашиваемого детализации показаний, которая приведет к противоречиям между ним и участниками;
- в-третьих, логический анализ противоречий, имеющихся в показаниях допрашиваемого;
- в-четвертых, логический анализ противоречий между интересами допрашиваемого и его соучастников;
- в-пятых, доказательство бессмысленности занятой позиции.

Для наиболее эффективной реализации тактики рекомендуется использовать как индивидуальный темп общения (форсированный, замедленный, сочетание форсированного и замедленного темпа), так и индивидуальный тембр голоса. Как отмечает Г.Г. Доспулов, «темп допроса должен избираться допрашиваемым в соответствии с психологическими особенностями допрашиваемого и характером информации, подлежащей выяснению» [13. С. 84].

Интерес представляет тактический прием «внезапности», он наиболее актуален на стадиях предварительного расследования в целях устранения противоречий в ранее данных показаниях в процессе допроса, но и видится целесообразным и на судебных стадиях. Обычно «внезапность» применяется в процессе очной ставки. В рамках рассмотрения уголовного дела в суде данный тактический прием может быть применим. А именно «внезапность» реализуется в неожиданной постановке допрашиваемому вопросов, в котором нет логической связи с ранее задаваемыми вопросами, с предыдущими вопросами. Смысл заключается в том, что допрашиваемый должен дать незамедлительный ответ. Данный тактический прием рекомендуется «применять в отношении исключительно недобросовестного допрашиваемого». В противном случае то лицо, которое дает правдивое показание, относится к числу добросовестных допрашиваемых, может воспринять данный факт как недоверие к его показаниям, что может привести к нарушению психологического контакта, который восстановить будет достаточно сложно посредством каких-либо тактических приемов [14. С. 211].

Возникает вопрос, применяет ли профессиональный судья определенные тактики, преследует ли стратегии, по интересам схожие с целями противоборствующих сторон? Думается, стратегия, что у сторон, что у суда должна быть одна – воплощение защитительных и восстановительных начал, обусловленных назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). А вот что касается тактики судьи, в представляющими интерес изложенными современными учеными воззрениями, предлагаются в силу обобщения определенного опыта, следующие тактики (стили процессуального поведения): «1) судья-человек, способный делиться собственным опытом; 2) судья-информатор, доводящий до сведения участников процесса важную информацию; 3) судья-знаток, апеллирующий к важным фактам о судебных делах; 4) судья-командир, эксплицирующий открытые волеизъявления; 5) судья-реципиент, выполняющий роль адресата» [15. С. 27].

Разумеется, каждый автор в силу своего профессионального опыта, в силу личностных характеристики судьи может подчеркнуть ту или иную тактику поведения, которая должна соответствовать нормам УПК РФ. Однако не стоит забывать и о той стратегии, которая регламентирована п. 1 ст. 4 Кодекса судейской этики: «...судья при исполнении своих обязанностей по осуществлению правосудия должен исходить из того, что судебная защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов судебной власти» [16]. Тактически «судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в

любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи» (п. 1 ст. 6 Кодекса судейской этики) [16]. Аналогичные правила, сформулированные в развитие принципа уважения чести и достоинства личности, регламентированы нормами об этичности поведения в специальном законодательстве прокурора и адвоката-защитника. В частности, прокурор должен воздерживаться от противозаконного влияния на судопроизводство после поступления дела в суд; быть непредвзятым, корректным, принципиальным, но уважительным к участникам рассматриваемого в судебном порядке дела (п. 10, 11 Кодекса этики, установленных Приказом Генпрокуратуры № 114 от 17.03.2010).

Применительно к адвокатской деятельности предусмотрены следующие правила, которые должны пронизывать любые тактические приемы, избранные адвокатом-защитником. То есть кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности (ст. 1); адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии (ст. 4); профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (ст. 5).

Следовательно, мы можем сделать следующий вывод: стратегически что суд, что стороны процесса должны стремиться к воплощению в жизнь назначения уголовного судопроизводства, которое направлено на восстановление законных прав и интересов в нашем государстве. Посредством тактических приемов и комбинаций стратегия должна преследовать реализацию основополагающих начал уголовного процесса: и законности, и состязательности, и презумпции невиновности, и уважения чести и достоинства личности, да и всех остальных принципов, регламентированных второй главой УПК РФ. Кроме того, в развитие норм федерального законодательства в каждом судебном и прокурорском ведомстве, адвокатском образовании разработаны, приняты и действуют этические правила, которые должны сопровождать профессионала в процессе аргументации по делу в суде.

Таким образом, рассмотрев специфику тактики аргументации, можно сделать вывод, что их использование в речи профессионального защитника, обвинителя включает в себе несколько целей: гармонизированное и логичное убеждение посредством взаимосвязанных доказательств, построение конструктивного диалога и уважительного взаимопонимания, активизацию оказания влияния на внутреннее убеждение судьи в свете принципов уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Президиума

Верховного Суда Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2015 г. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision195834.pdf> (дата обращения: 16.12.2023).

2. «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарёва и И.С. Пушкарёва» : постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2018 г. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision362256.pdf> (дата обращения: 16.12.2023).

3. Шадринова Л.А. Тактика в технологии установления ошибочной правоприменительной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (2011). С. 382–385.

4. Василькова Н.Н. Политический дискурс: коммуникативные стратегии регулирования // Дискурс-Пи. 2018. С. 38–43.

5. Космодемьянская В.И. Стратегии и тактики в аргументированном полемическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 3. С. 99–103.

6. Ощепкова Н.А. Контекстуальная аргументация vs универсальная аргументация // Международный журнал гуманитарных и специальных наук. 2017. № 11. С. 98–101.

7. Брянская Е.В. Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 193 с.

8. Шишкина Е.В. Коммуникативные стратегии и тактики судебного допроса (на материале русского и немецкого языков). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-sudebnogo-doprosa-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov/viewer> (дата обращения: 02.08.2023).

9. Шалацкий Д.Л. Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 206–211.

10. Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Образные средства языка в выступлениях судебных ораторов как один из приемов эффективной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraznye-sredstva-yazyka-v-vystupleniyah-sudebnyh-oratorov-kak-odin-iz-priemov-effektivnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 31.07.2023).

11. Словарь психолога-практика / под ред. С.Ю. Головина. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Харвест, 2007. С. 634.

12. Купрейченко С.В. Введение в заблуждение и обман в уголовном процессе: соотношение понятий, последствия и процессуальное реагирование // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 144–152.

13. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1976. 112 с.

14. Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 1999. 272 с.

15. Рябова И.Ю. Персуазивные стратегии, тактики и приемы речевого воздействия судьи в художественно-правовом дискурсе (на материале англоязычного романа И. Макьюэна «Закон о детях») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 4. С. 25–33.

16. Кодекс судейской этики. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Kodeks/Pages/Chapter2.aspx> (дата обращения: 02.08.2023).

References

1. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 5 stat'i 11 Zakona Rossiyskoy Federatsii "O statute sudey v Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zaprosom Prezidiума Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 maya 2015 g.* [On verifying the constitutionality of Paragraph 5 of Article 11 of the Law of the Russian Federation "On the status of judges in the Russian Federation" in connection with a request from the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May

14, 2015]. [Online] Available from: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision195834.pdf> (Accessed: 16th December 2023).

2. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2018) *Po delu o proverke konstitutsionnosti chastey pervoy i tret'ey stat'i 1, chastey pervoy, tret'ey i chetvertoy stat'i 35 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan A.V. Lushnikova, A.S. Pushkareva i I.S. Pushkareva: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 9 noyabrya 2018 g.* [On verifying the constitutionality of Parts One and Three of Article 1, Parts One, Three and Four of Article 35 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens A.V. Lushnikova, A.S. Pushkarev and I.S. Pushkarev: Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 9, 2018]. [Online] Available from: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision362256.pdf> (Accessed: 16th December 2023).

3. Shadrinova, L.A. (2011) *Taktika v tekhnologii ustanovleniya oshibochnoy pravoprimeritel'noy deyatel'nosti* [Tactics in the technology of establishing erroneous law enforcement activities]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6(2011). pp. 382–385.

4. Vasilkova N.N. (2018) *Politicheskiy diskurs: kommunikativnye strategii regulirovaniya* [Political discourse: Communicative strategies of regulation]. *Diskurs-Pi*. 3-4 (32-33). pp. 38–43.

5. Kosmodemyanskaya, V.I. (2016) *Strategii i taktiki v argumentirovannom polemicheskom disкурse* [Strategies and tactics in reasoned polemical discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 3. pp. 99–103.

6. Oshchepkova, N.A. (2017) *Kontekstual'naya argumentatsiya vs universal'naya argumentatsiya* [Contextual argumentation vs universal argumentation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i spetsial'nykh nauk*. 11. pp. 98–101.

7. Bryanskaya, E.V. (2015) *Argumentiruyushchaya sila dokazatel'stv pri rassmotrenii ugovnykh del v sude pervoy instantsii* [Argumentative power of evidence when considering criminal cases in the court of first instance]. Irkutsk: ISU.

8. Shishkina, E.V. (2012) *Communication strategies and tactics of judicial interrogation (based on the Russian and German languages)*. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 1. (In Russian).

9. Shalatskiy, D.L. (2014) *Pryamye i kosvennye taktiki rechevoy strategii upreka v politicheskom disкурse* [Direct and indirect tactics of the speech strategy of reproach in political discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 1(47). pp. 206–211.

10. Zemlyakova, N.V. & Garbovskaya, N.B. (2018) *Figurative language in speeches of judicial speakers as one of the effective communication techniques*. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 6. (In Russian).

11. Golovin, S.Yu. (ed.) (2007) *Slovar' psikhologa-praktika* [Dictionary of a Practicing Psychologist]. 2nd ed. Minsk: Kharvest. p. 634.

12. Kuprychenko, S.V. (2016) *Vvedenie v zabluzhdenie i obman v ugovnom protsesse: sootnoshenie ponyatiy, posledstviya i protsessual'noe reagirovanie* [Misrepresentation and deception in criminal proceedings: the relationship of concepts, consequences and procedural response]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 8(69). pp. 144–152.

13. Dospulov, G.G. (1976) *Psikhologiya doprosa na predvaritel'nom sledstvii* [Psychology of Interrogation During the Preliminary Investigation]. Moscow: Yurid. lit.

14. Ekman, P. (1999) *Psikhologiya lzhi* [Psychology of Lies]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

15. Ryabova, I.Yu. (2021) *Persuazivnye strategii, taktiki i priemy rechevogo vozdeystviya sud'i v khudozhestvenno-pravovom disкурse (na materiale angloyazychnogo romana I. Mak'yuna "Zakon o detyakh")* [Persuasive strategies, tactics and techniques of speech influence of a judge in artistic and legal discourse (based on the material of the English-language novel "The Law on Children" by Ian McEwan)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika*. 18(4). pp. 25–33.

16. Russian Federation. (n.d.) *Kodeks sudeyskoy etiki* [The Code of Judicial Ethics]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Kodeks/Pages/Chapter2.aspx>

Информация об авторе:

Брянская Е.В., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: veret.1976@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bryanskaya E.V., St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: veret.1976@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.12.2023;
одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 16.12.2023;
approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.*

Научная статья

УДК 342.41

doi: 10.17223/22253513/51/3

Кто вправе официально толковать конституции (уставы) субъектов Российской Федерации после конституционных поправок 2020 г.?

**Вячеслав Борисович Евдокимов¹, Олег Александрович Кожевников^{2,3},
Александр Владимирович Савоськин^{4,5}**

¹ *Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Россия*

^{2,4} *Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия*

^{3,5} *Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия*

¹ *vevdokimov@list.ru, ORCID 0000-0002-7420-4124*

^{2,3} *jktu1976@yandex.ru, ORCID 0000-0003-1371-7249*

^{4,5} *savoskinav@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7112-6845*

Аннотация. Официальное делегированное нормативное толкование конституции (устава) субъекта Российской Федерации (РФ) возлагается, как правило, на парламент субъекта РФ либо такое полномочие вообще не закрепляется ни за одним органом власти. Официальное делегированное казуальное толкование конституций (уставов) субъектов РФ возлагается только на федеральные суды. Созданные в республиках Адыгея, Башкортостан и Саха (Якутия) конституционные советы официальное толкование конституций не осуществляют.

Ключевые слова: толкование, конституция, устав, конституционный совет, уставный совет

Для цитирования: Евдокимов В.Б., Кожевников О.А., Савоськин А.В. Кто вправе официально толковать конституции (уставы) субъектов Российской Федерации после конституционных поправок 2020 го.? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 25–38. doi: 10.17223/22253513/51/3

Original article

doi: 10.17223/22253513/51/3

Who has the right to officially interpret constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation after the constitutional amendments of 2020?

Vyacheslav B. Evdokimov¹, Oleg A. Kozhevnikov^{2,3},
Alexander V. Savoskin^{4,5}

¹ *Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

^{2,4} *Ural State University of Law, Ekaterinburg, Russian Federation*

^{3,5} *Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation*

¹ *vevdokimov@list.ru, ORCID 0000-0002-7420-4124*

^{2,3} *jktu1976@yandex.ru, ORCID 0000-0003-1371-7249*

^{4,5} *savoskinav@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7112-6845*

Abstract. After the abolition of constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation the issue of official interpretation of constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation has become more relevant. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which gave the right of normative control of compliance with the Basic Law of the constituent entity of the Russian Federation only to the bodies of regional constitutional justice, now turned out to be unenforceable. The situation is aggravated by the fact that many constituent entities of the Russian Federation that abolished their constitutional (charter) courts have not transferred the right of official interpretation of constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation to other bodies of state power. This situation has developed, for example, in the Sverdlovsk and Kaliningrad oblasts, the Republic of Karelia, the Chechen Republic and some other constituent entities of the Russian Federation. Thus, the purpose of the publication is to identify at the federal and regional level the circle of subjects authorised for official authentic interpretation and official delegated normative and casual interpretation of constitutions (charters) of constituent entities of the Russian Federation.

Taking into account the peculiarities of the adoption of constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation, it is concluded that only delegated, and not authentic (author's) interpretation of them is admissible, since they are either adopted by the people, or several authorities participate in the process of their adoption. Official delegated casual interpretation of constitutions (charters) of constituent entities of the Russian Federation is entrusted only to federal courts. The Constitutional Court of the Russian Federation interprets constitutions (charters) of constituent entities of the Russian Federation for compliance with the Constitution of the Russian Federation. Courts of general jurisdiction carry out interpretation when checking normative legal acts of constituent entities of the Russian Federation and local self-government bodies for compliance with constitutions (charters) of constituent entities of the Russian Federation as acts of higher legal force. The official delegated normative interpretation of the constitution (statutes) of a constituent entity of the Russian Federation is usually entrusted to the parliament of the constituent entity of the Russian Federation, or such authority is not assigned to any authority of the constituent entity of the Russian Federation.

ation at all. Other variants (as, for example, in the city of federal significance St. Petersburg, where the interpretation of the charter takes place in the same procedure as its adoption) are exceptions to the general rule.

The currently established constitutional councils (in the republics of Adygea, Bashkortostan and Sakha (Yakutia)) have been given varying amounts of authority for normative and causal interpretation of their constitutions, but such interpretation is not official, as the decisions of the councils are only of a recommendatory nature.

Keywords: interpretation, constitution, statute, constitutional council, statutory council

For citation: Evdokimov, V.B., Kozhevnikov, O.A. & Savoskin, A.V. (2024) Who has the right to officially interpret constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation after the constitutional amendments of 2020? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 25–38. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/3

Поправки 2020 г. к Конституции РФ повлекли значительные корректировки законодательства, которые зачастую имеют далеко идущие для государственно-правового строительства последствия, которые еще только предстоит осмыслить [1. С. 6]. При этом нельзя не отметить, что одни конституционные новеллы широко обсуждались и обсуждаются в научной литературе, другие пока остаются в тени и, очевидно, еще ждут своего глубокого исследования. Так, практически не замеченным ни в рамках научных дискуссий и мероприятий, ни в научной литературе оказался вопрос о том, кто в настоящее время вправе официально толковать конституции и уставы субъектов РФ после внесения изменений в Конституцию РФ и Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», повлекшие за собой упразднение органов конституционной юстиции в субъектах РФ.

Прежде чем сформировать собственные выводы по обозначенному вопросу, полагаем необходимым остановиться на видах толкования норм права, поскольку от этого прямым образом зависит определение субъекта толкования.

Первоначально следует разграничить официальное и неофициальное толкование. Последнее не влечет никаких юридически значимых последствий, поскольку субъекты неофициального толкования не обладают полномочиями на обязательное к применению разъяснений правовых норм.

Результаты официального толкования, наоборот, имеют обязательную юридическую силу, поскольку официальное толкование дается только специально уполномоченным на это органом публичной власти. При этом нельзя не акцентировать свое внимание на том обстоятельстве, что юридическая сила официального толкования неодинакова. Она напрямую связана с компетенцией органа власти, осуществившего официальное толкование, прежде всего с его конкретным полномочием разъяснять правовые нормы.

Так, высшей формой официального толкования является нормативное толкование, результаты которого имеют юридическую силу для всех субъектов права. При таком толковании можно говорить если и не о создании еще одной нормы права, то о значимом расширении толкуемой

нормы права, наполнении ее ранее неизвестным и лишь предполагавшимся смыслом.

Нормативное официальное толкование подразделяется на аутентическое и делегированное. Аутентическое толкование дается только субъектом права, принявшим правовую норму. Право аутентического толкования редко закрепляется законодательно отдельно, поскольку оно всегда подразумевается, так как прямо следует из хронологически предшествовавшего толкованию правомочия органа власти принять норму права (то есть происходит из правомочия осуществлять правотворчество). Особенность процедуры аутентического толкования в том, что она повторяет процедуру принятия толкуемой нормы. Такой подход к данному виду толкования, очевидно, порождает вопрос о субъектах толкования и о допустимости (возможности) аутентического толкования законов субъектов РФ, к числу которых относятся и конституции (уставы) субъектов РФ.

В советской юридической литературе отдельными исследователями право аутентического толкования законов признавалось за соответствующими президиумами верховных советов [2. С. 127]. Однако полагаем, что такой подход можно отнести к разряду дискуссионных, поскольку во всех случаях, когда нормативное толкование дается иным субъектом права (группой субъектов права) нежели субъект права, принявший правовую норму, речь можно вести только о делегированном нормативном толковании. В связи с этим для авторов настоящего исследования предпочтительней выглядит позиция В.В. Лазарева, который полагает, что «толкование законов президиумами верховных советов – это не аутентическое, а легальное толкование» [3. С. 87].

Конституционно-правовое толкование вопроса о способах и юридической силе разъяснений норм федерального закона, принятого в Российской Федерации, был предметом рассмотрения и в Конституционном Суде Российской Федерации. Так, в Постановлении от 17.11.1997 № 17-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «разъяснения соответствующих норм федеральных законов являются официальными государственными предписаниями, обязательными для исполнения, адресованными персонально не определенному кругу лиц и рассчитанные на многократное применение. Кроме того, разъяснения содержат конкретизирующие нормативные предписания, общие правила, имеющие нормативный правовой характер и притом наделенные той же юридической силой, что и разъясняемые ими акты – федеральные законы. Следовательно, разъяснения федерального закона должно приниматься, подписываться и обнародоваться в том же порядке, что и разъясняемый им законодательный акт»¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11 октября 1996 г. № 682-П

Проецируя вышеназванные точки зрения на современные реалии, можно заметить, что в Российской Федерации нормативное аутентическое толкование применительно к законам не используется, а допускается только нормативное делегированное толкование, поскольку последнее должно даваться иным по отношению к субъекту принятия правовой нормы органом власти [4. С. 87]. В качестве примера можно привести положения п. 10 ст. 3 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», в соответствии с которыми разъяснения по вопросам применения названного федерального закона даются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Само по себе делегированное толкование (иногда его называют легальным) может быть как нормативным, так и казуальным. Однако, если говорить именно о нормативном делегированном толковании закона, то вслед за иными исследователями мы должны отметить его схожесть с нормотворчеством. Эта схожесть диктует, в частности, необходимость четкой дифференциации полномочий по делегированному толкованию наряду с дифференциацией полномочий осуществлять правотворчество. Иными словами, нельзя поручать официальное нормативное делегированное толкование одного и того же нормативно-правового акта разным органами власти, поскольку это может повлечь принятие нескольких актов толкования в отношении одной и той же нормы и, как следствие, породить правовую неопределенность.

Условной противоположностью официального нормативного толкования является официальное казуальное толкование, которое традиционно осуществляется судами и иными органами власти при осуществлении правоприменения. Результаты такого толкования обязательны только для участников соответствующего правоотношения [5. С. 117]. Казуальное толкование может исходить как от самого органа, принявшего толкуемую нормы (его иногда называют аутентическим казуальным толкованием [6. С. 29]), так и от иных уполномоченных органов власти. Не случайно А.Ф. Черданцев отмечал, что «любой нормотворческий орган... имеет право толковать свои акты применительно к конкретному делу, если такая необходимость возникает» [4. С. 293–294]. Вместе с тем говорить о казуальном аутентическом толковании в отношении законов не приходится по уже упомянутой выше причине – отсутствия в процессе такого толкования того же набора субъектов права, который участвовал в создании закона. Иными словами, казуальное толкование законов (разновидностью которых является и Основой закон) всегда является делегированным и здесь на первый план выходит вопрос: кому и в каких случаях это право доверено?

Так закон (обычно его отдельная норма) подлежат толкованию в двух случаях: первый – его применение к правоотношениям, которые он регулирует

ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.11.1997. № 47. Ст. 5492.

(традиционно реализуется всеми уполномоченными органами власти, включая суды общей юрисдикции и арбитражные суды); второй случай – проверка закона вышестоящему Основному закону (проводится исключительно Конституционным Судом РФ).

Переходя к вопросу о видах, субъектах и случаях официального толкования непосредственно конституций (уставов) субъектов РФ, следует отметить особую правовую природу последних как учредительных актов, обладающих особой правовой связью с федеральной конституцией. Конституции (уставы) субъектов РФ хоть и принимаются в форме законов субъектов РФ¹, но обособлены от них. В частности, они принимаются в особой усложненной процедуре квалифицированным числом голосов и подлежат специальной правовой охране [7. С. 48].

Об особой природе и связи конституций (уставов) субъектов РФ с Конституцией РФ еще в 2003 г. отмечал в своем решении Конституционный Суд РФ, указавший, что «конституции и уставы субъектов Российской Федерации, в отличие от иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, находятся в особой связи с Конституцией Российской Федерации и не могут считаться разновидностью нормативных правовых актов, контроль за законностью которых производится в порядке гражданского или административного судопроизводства. Это вытекает из всего содержания Конституции Российской Федерации, которая последовательно различает конституции (уставы) и другие нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации»².

В отдельных субъектах РФ еще сохраняют свое действие конституции (уставы), принятые на референдумах. Аутентическое толкование таких законов невозможно даже теоретически, поскольку крайне сложно представить себе процедуру участия народа в толковании нормативного акта [8. С. 48]. Однако, даже те конституции (уставы) субъектов РФ, которые не выносились на референдум, принимаются при участии сразу двух (а иногда и более) органов власти: парламента субъекта РФ и главы субъекта РФ. Таким образом, говорить об официальном нормативном аутентическом толковании конституций (уставов) субъектов РФ не приходится в принципе, что не исключает официального делегированного толкования, даваемого парламентом субъекта РФ (о чем подробнее будет изложено далее). Здесь можно

¹ Исключение может устанавливаться только конституцией республики. См. п. 1 ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. 28.07.2003. № 30. Ст. 3101.

отметить схожесть выводов с ситуацией, которая была предметом рассмотрения в упоминаемом ранее Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П.

До конституционных поправок 2020 г., а также изменений в Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», повлекших упразднение региональной конституционной юстиции, право делегированного официального нормативного толкования конституций (уставов) субъектов РФ могло предоставляться конституционным (уставным) судам субъектов РФ. Это полномочие было прямо предусмотрено в федеральном законодательстве¹ и воспроизведено почти во всех законах о конституционных (уставных) судах². В тех же субъектах РФ, где создание конституционных (уставных) судов не предусматривалось, это правомочие традиционно предоставлялось парламентам субъектов РФ³.

После 2020 г. признание законов о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, утратившими силу, не всегда сопровождалось наделением иного органа полномочием по официальному нормативному толкованию Основного закона субъекта РФ. Так, например, произошло в Свердловской области, Челябинской области, Республике Якутия, Республике Адыгея и некоторых других, конституции (уставы) которых не могут быть официально нормативно истолкованы вне рассмотрения конкретного дела. Было бы логично предположить, что условные «наследники» региональных судов – конституционные (уставные) советы субъектов РФ⁴ при их создании получают право официального нормативного и (или) казуального толкования Основного закона субъекта РФ. Однако, как показала практика создания вышеупомянутых советов, этого не произошло.

На начало 2023 г. всего три субъекта РФ приняли свои законы о конституционных советах: Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия) и все три по-разному подошли к вопросу официального толкования своих Основных законов субъектов РФ.

Так, Конституционному совету Республики Саха (Якутия) предоставлено отдельное правомочие нормативного толкования Конституции Саха

¹ Ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» до внесения изменений Федеральным конституционным законом от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы».

² Например, ч. 2 ст. 4 Закона Свердловской области от 6 мая 1997 г. № 29-ОЗ «Об Уставном Суде Свердловской области» или ч. 2 ст. 3 Закона Республики Татарстан от 22.12.1992 № 1708-ХП «О Конституционном суде Республики Татарстан» и др.

³ Например, ч. 1 ст. 58 Устава (Основного закона) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28.12.1998.

⁴ Создание конституционных (уставных) советов субъектов РФ при законодательных органах власти в субъектах РФ допускается ч. 7 ст. 5 Федерального конституционного закона от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы».

(Якутии) и правомочие проверять акты на соответствие Конституции Саха (Якутии)¹, т.е. право казуального толкования.

Конституционному совету Республики Башкортостан предоставлено право готовить только проект нормативного толкования Конституции Башкортостана и осуществлять нормоконтроль на соответствие Конституции Башкортостана², т.е. право осуществлять казуальное толкование. Однако из законодательства Республики Башкортостан неясно, кто в последующем рассматривает этот проект и принимает решение о толковании Конституции Республики. Скорее всего, это должен делать парламент Башкирии, но советующие нормы отсутствуют (возможно, еще просто не приняты).

О праве Конституционного совета Республики Адыгея осуществлять толкование Конституции Республики Адыгея судить сложно, поскольку его единственное полномочие – рассматривать проекты конституционных поправок³. При этом из закона о Конституционном совете Республики Адыгея не ясно, на соответствие чему проверяются эти поправки. Можно предположить, что проверка должна проходить на соответствие Конституции РФ и федеральному законодательству (но в этом случае не приходится говорить о толковании Конституции Адыгеи). Еще один вариант – проверка на соответствие конституционному строю Республики Адыгея, поскольку, согласно ст. 17 Конституции Республики Адыгея, нормы о нем являются незыблемыми и иные конституционные нормы не могут им противоречить⁴ (в последнем случае можно говорить о толковании Конституционным советом Республики Адыгея конституционных норм, но не всех, а только нормы главы 1).

Однако все эти три субъекта РФ отказали своим конституционным советам в праве *официального* толкования Основного закона субъекта РФ (как нормативного, так и казуального), поскольку решения всех учрежденных советов носят исключительно рекомендательный характер, т.е. не обладают юридической силой⁵.

Право официального казуального толкования конституций (уставов) субъектов РФ при их проверке на соответствие Конституции РФ доверено

¹ Ч. 1 и 2 ст. 3 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 № 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)».

² Пункт 2 и 3 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Башкортостан от 21.11.2022 № 625-З «О Конституционном совете Республики Башкортостан».

³ Часть 3 ст. 1 Закона Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея».

⁴ Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995.

⁵ Часть 7 и 8 ст. 8 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 № 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)», ч. 2 ст. 12 Закона республики Башкортостан от 21.11.2022 № 625-З «О Конституционном совете Республики Башкортостан» и ч. 5 ст. 3 Закона Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» соответственно.

только Конституционному Суду РФ и не может осуществляться иными федеральными судами, что недвусмысленно отражено в п. 1 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П¹. Что же касается права проверять нижестоящие акты на соответствие конституции (уставу) субъекта РФ, то это право ранее закреплялось исключительно за органами конституционной юстиции (при их наличии в субъекте РФ). Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, в силу ст. 76 Конституции РФ, федеральные суды не обладают правом «признавать нормативные акты субъектов Российской Федерации не соответствующими их конституциям (уставам)»², поскольку это право может предусматриваться лишь за органами конституционного судопроизводства³.

Невозможность судов общей юрисдикции и арбитражных судов осуществлять нормоконтроль на предмет соответствия Основному закону субъекта РФ проистекает из учредительного характера и особой правовой связи конституций (уставов) субъектов РФ с федеральной конституцией, что «вытекает из всего содержания Конституции Российской Федерации, которая последовательно различает конституции (уставы) и другие нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации»⁴. Таким образом сложилась ситуация, когда возможность проверки актов на соответствие конституции (уставу) субъекта РФ предоставляется только органам конституционного правосудия, которые на уровне субъектов РФ упразднены, а их полномочия Конституционному Суду РФ не переданы [9. С. 30] (и вряд ли стоит ожидать такой передачи в будущем [10. С. 165]), а иные федеральные конституционные суды в России не созданы [11. С. 115].

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан».

² Пункт 6 описательно-мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 25. 22.06.1998. Ст. 3004.

³ Например, п. 1.2 описательно-мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге” в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Собрание законодательства РФ. 16.12.2013. № 50. Ст. 6669.

⁴ Пункт 2 описательно-мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан».

Вместе с тем уже в 1998 г. Конституционный Суд РФ допустил возможность для судов общей юрисдикции признавать эти же акты недействующими, но не конкретизировал эти положения, указав лишь на необходимость установления соответствующей правовой процедуры для этого¹.

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ в совокупности с его толкованием, изложенным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», фактически скорректировало правовую позицию Конституционного Суда РФ. Суды общей юрисдикции получили право проверять нормативные правовые акты субъектов РФ и органов местного самоуправления на соответствие конституциям (уставам) субъектов РФ, но только при отсутствии в субъекте РФ конституционного (уставного) суда субъекта РФ².

Упразднение конституционной юстиции в субъектах РФ актуализировало вопрос допустимости проверки актов субъектов РФ и органов местного самоуправления на соответствие конституции (уставу) субъекта РФ и можно было ожидать реформы процессуального законодательства или федеральной судебной системы. В частности, можно было бы предположить, что, лишив субъекты РФ возможности создавать свои органы конституционного судопроизводства, федеральный законодатель наделит Конституционный Суд РФ правом проверять нормативные акты на соответствие конституциям (уставам) субъектов РФ либо создаст иные специализированные федеральные суды для охраны конституций (субъектов) РФ. Однако этого не произошло (что вполне логично в силу большой загруженности Конституционного Суда РФ и явной избыточности и нелогичности существования специализированных федеральных судов для толкования конституций (уставов) субъектов РФ при осуществлении нормоконтроля). Поэтому вполне закономерно, что сегодня единственным органом власти, наделенным правом официального казуального толкования конституций (уставов) субъектов РФ при рассмотрении споров о соответствии им нижестоящих нормативных правовых актов, являются только суды общей юрисдикции.

Что же касается официального нормативного толкования конституций (уставов) субъектов РФ, то федеральные органы власти этим полномочием не обладали и не обладают в принципе, а субъекты РФ не демонстрируют в этом вопросе единообразной практики. Часть субъектов РФ никого не наде-

¹ Пункт 7 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 25. 22.06.1998. Ст. 3004.

² Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. 15.01.2019. № 6.

ляет правом делегированного официального нормативного толкованию своего Основного закона¹, а часть предоставляет это право исключительно парламенту², который при толковании Основного закона получает избыточные полномочия, что в известной мере противоречит конституционному принципу разделения государственных властей. Противоречие мы усматриваем в том смысле, что в процедуре принятия и изменения конституции (устава) субъекта РФ принимает участие не только парламент субъекта РФ, но и глава субъекта РФ, а в официальном толковании – только парламент. Если до конституционных поправок 2020 г. это противоречие так четко не просматривалось в силу того, что глава субъекта РФ юридически был лишен возможности заблокировать принятие (изменение) конституции (устава) субъекта РФ, то сегодня такая возможность у него появилась. Глава субъекта РФ по-прежнему не обладает правом вето в отношении конституции (устава) субъекта РФ, принятого парламентом субъекта РФ, но может до его подписания обратиться к Президенту РФ с просьбой направить запрос в Конституционный Суд РФ для проверки его конституционности (п. «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ).

Наверное поэтому в последние годы появились и нетипичные варианты, когда толкование Основного закона дается в форме закона субъекта РФ, принимаемого в том же порядке, что и конституция (устав) субъекта РФ, т.е. парламентом и главой субъекта РФ³. Однако, в таком случае теряется какой-либо смысл в процедуре официального нормативного толкования, поскольку фактически она заменяется законодательной процедурой.

В соответствии с идеей существования системы сдержек и противовесов, с учетом права субъекта РФ самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти (ч. 1 ст. 77 Конституции РФ), а также с учетом особой правовой природы конституции (устава) субъекта РФ оптимальным видится наделить правом ее (его) официального нормативного толкования отдельный специализированный орган, который бы не входил ни в законодательную, ни в исполнительную, ни в судебную ветви государственной власти субъекта РФ. В этом смысле не принципиально, будет ли этим правом наделен именно конституционный (уставный) совет субъекта РФ [9. С. 72] или это будет иной специализированный орган правовой охраны Основного закона.

Что же касается права конституционных (уставных) советов субъектов РФ осуществлять официальное казуальное толкование конституций (уставов) субъектов РФ, то совершенно очевидно, что оно, во-первых, ограничено ст. 72 и 73 Конституции РФ, во-вторых, вступает в противоречие с компетенцией иных органов власти, в том числе федеральных судов, особенно

¹ Например, Свердловская, Калининградская и Челябинская области, Республика Марий Эл, город федерального значения Москва и др.

² Например, Иркутская и Брянская области, город федерального значения Севастополь и др.

³ Например, ст. 76.1 Устава Санкт-Петербурга от 28.02.1998 в редакции Закона Санкт-Петербурга от 12.04.2021 № 147-33 «О внесении изменений в Устав Санкт-Петербурга».

на фоне качества текста Основных законов субъектов РФ, заимствующих положения Конституции РФ и федеральных актов, тем самым не позволяя должным образом разграничить компетенцию толкованию отдельных положений конституций (уставов) субъектов РФ между уполномоченными субъектами толкования федерального и регионального уровней.

В качестве примера можно привести отдельные положения Устава Свердловской области. Так, ст. 2 названного нормативного акта определяет, что «на территории Свердловской области гарантируются защита и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а ст. 3 вообще напрямую повторяет положения Конституции РФ, но с «региональной спецификой»: «...источником власти в Свердловской области является народ. Никто не может присваивать власть в Свердловской области. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Или пример другого субъекта РФ – Челябинской области, где ст. 2 Устава Челябинской области содержит следующие положения: «...человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В области признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной».

Подобная казуистика в текстах конституций и уставов субъектов РФ не способствует ясности и точности в определении субъекта официального толкования, поскольку очевидно, что «подобные повторения» норм федеральных нормативных актов не влекут за собой их самостоятельного правового значения, однако подобное «смещение» препятствует формированию единых подходов к субъектам официального толкования конституций (уставов) субъектов РФ, а потому до приведения их текстов в точное соответствие с положениями ст. 76 Конституции РФ и появления соответствующих изменений федерального законодательства казуальное толкование конституций (уставов) субъектов РФ конституционными (уставными) советами субъектов РФ может быть только неофициальным (т.е. не может иметь обязательной юридической силы).

Список источников

1. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 6–12.
2. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Госюриздат, 1962. 166 с.
3. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. 200 с.
4. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М. : Юнити-Дана, 2003. 381 с.
5. Кургузиков М.С. Конституционный контроль в странах содружества независимых государств: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 242 с.
6. Болонин С.Ю. Значение актов официального правотолкования в правоприменительной деятельности // Ученые записки казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 28–35.

7. Курятников В.В. Правовая охрана основного закона субъекта Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 47–52.
8. Минникес И.А., Минникес И.В. Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 36–55.
9. Кряжков В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32.
10. Евдокимов В.Б., Ушаков А.В. Трансформация института конституционного контроля в политико-правовом пространстве России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 3. С. 158–169.
11. Савоськин А.В., Курятников В.В., Мещерягина В.А. Перспективы нормоконтроля в субъектах РФ после поправок 2020 г. к Конституции РФ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8, № 4 (32). С. 113–130.

References

1. Khabrieva, T.Ya. (2021) *Konstitutsionnaya reforma v Rossii v koordinatakh universal'nogo i natsional'nogo* [Constitutional Reform in Russia in the Coordinates of Universal and National]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 17(1). pp. 6–12.
2. Pigolkin, A.S. (1962) *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of Regulations in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat.
3. Lazarev, V.V. (1972) *Primenenie sovetskogo prava* [Application of Soviet Law]. Kazan: Kazan Federal University.
4. Cherdantsev, A.F. (2003) *Tolkovanie prava i dogovora* [Interpretation of Law and Contract]. Moscow: YuNITI-DANA.
5. Kurguzikov, M.S. (2016) *Konstitutsionnyy kontrol' v stranakh sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The constitutional control in the countries of the Commonwealth of Independent States: A comparative legal research]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
6. Bolonin, S.Yu. (2010) *Znachenie aktov ofitsial'nogo pravotolkovaniya v pravoprimenitel'noy deyatel'nosti* [The significance of acts of official legal interpretation in law enforcement activities]. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. seriya: gumanitarnye nauki*. 2010. № 4. S. 28–35.
7. Kuryatnikov, V.V. (2022) *Pravovaya okhrana osnovnogo zakona sub'yekta Rossiyskoy Federatsii* [Legal protection of the fundamental law of the subject of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 8. pp. 47–52.
8. Minnikes, I.A. & Minnikes, I.V. (2021) *Autenticheskoe (avtorskoe) tolkovanie: teoretiko-pravoy i konstitutsionno-pravovoy aspekty* [Authentic (author's) interpretation: theoretical legal and constitutional legal aspects]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 36–55.
9. Kryazhkov, V.A. (2020) *Kak konstitutsionnaya reforma 2020 goda izmenila Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii* [How the constitutional reform of 2020 changed the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 18–32.
10. Evdokimov, V.B. & Ushakov, A.V. (2019) *Transformatsiya instituta konstitutsionnogo kontrolya v politiko-pravovom prostranstve Rossii* [Transformation of the institution of constitutional control in the political and legal space of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24, № 3. S. 158–169.

11. Savoskin, A.V., Kuryatnikov, V.V. & Meshcheryagina, V.A. (2022) Perspektivy normo-kontrolya v sub"ektakh RF posle popravok 2020 g. k Konstitutsii RF [Prospects for normative control in the constituent entities of the Russian Federation after the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 8-4(32). pp. 113–130.

Информация об авторах:

Евдокимов В.Б., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: vevdokimov@list.ru, ORCID 0000-0002-7420-4124

Кожевников О.А., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия); профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: jktu1976@yandex.ru, ORCID 0000-0003-1371-7249

Савоскин А.В., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия); профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: savoskinav@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7112-6845

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Evdokimov V.B., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: vevdokimov@list.ru, ORCID 0000-0002-7420-4124

Kozhevnikov O.A., Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russian Federation); Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: jktu1976@yandex.ru, ORCID 0000-0003-1371-7249

Savoskin A.V., Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russian Federation); Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: savoskinav@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7112-6845

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023;
одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 18.03.2024.*

Научная статья

УДК 343

doi: 10.17223/22253513/51/4

Правовые основы международной передачи и принятия уголовного преследования (судопроизводства) в зарубежных государствах: компаративистский анализ

Кирилл Константинович Клевцов¹

¹ МГИМО МИД России, Москва, Россия, *klevtsov001@gmail.com*

Аннотация. С учетом сравнительно-правового метода освещаются правовые основы передачи уголовного преследования (судопроизводства) зарубежных государств, входящих как в романо-германскую (систем континентального права), англо-саксонскую правовую семью (систем общего права), так и смешанного типа. В силу того, что эффективность данного вида международного сотрудничества в сфере уголовного процесса напрямую зависит от проработанности норм национального права и их соответствия международно-правовым предписаниям, автор уделил значительное внимание правовой регламентации тех государств, с которыми у компетентных органов Российской Федерации были взаимоотношения в области уголовной юстиции*.

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, передача уголовного преследования (судопроизводства), отказ в выдаче, зарубежный опыт

Для цитирования: Клевцов К.К. Правовые основы международной передачи и принятия уголовного преследования (судопроизводства) в зарубежных государствах: компаративистский анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 39–57. doi: 10.17223/22253513/51/4

* Оговоримся, что ряд государств и отдельные позиции были приведены в некоторых исследованиях автора [1. С. 203–285].

Original article

doi: 10.17223/22253513/51/4

Legal bases of international transfer and acceptance of criminal prosecution (proceedings) in foreign states: comparativist analysis

Kirill K. Klevtsov¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, klevtsov001@gmail.com*

Abstract. Taking into account the comparative-legal method, the article highlights the legal basis for the transfer of criminal prosecution (legal proceedings) of foreign states, belonging to the Romano-Germanic (continental law systems), Anglo-Saxon legal family (common law systems), as well as mixed type. Due to the fact that the effectiveness of this type of international cooperation in the field of criminal proceedings directly depends on the elaboration of the norms of national law and their compliance with international legal regulations, the author paid considerable attention to the legal regulation of those states with which the competent authorities of the Russian Federation had relations in the field of criminal Justice. The analysis used materialistic dialectics, legal hermeneutics (legal exegesis), special legal, comparative legal methods, sociological and linguistic approaches (component analysis of lexical meanings and analysis of translation transformations), as well as the forecasting method.

The theoretical basis for the study was the work of both domestic and foreign lawyers, and among the regulatory framework, both international documents and national legislation of the Russian Federation and a number of foreign countries were highlighted. It is also important to use as an empirical basis for the study the materials of some criminal cases in which the intersystem institution of transfer of criminal prosecution (legal proceedings) was involved.

Based on the results of the study, appropriate conclusions were drawn that have both theoretical and applied purposes. In particular, the author believes that the national legislation of many foreign countries contains provisions that in one way or another affect the transfer of criminal prosecution (legal proceedings). Some sovereign governments regulate this institution in general terms and relate it to the scope of providing legal assistance in criminal cases, others, on the contrary, detail it and distinguish it along with other types of international cooperation in the field of criminal proceedings (extradition, legal assistance in criminal cases, recognition and execution decisions of foreign judicial authorities), which we believe is justified. Therefore, it seems necessary to take into account the legislative experience of foreign colleagues, as a result of which we note the urgent procedural need for the adoption of new and additions to the existing domestic criminal procedural norms governing the issues of sending and accepting criminal case materials to/from a foreign state (a) in order to optimize this area of international activity of the Russian Federation, the national legislation of many foreign countries contains provisions that in one way or another affect the transfer of criminal prosecution (legal proceedings).

Keywords: international cooperation in the field of criminal proceedings, transfer of criminal prosecution (legal proceedings), refusal to extradite, foreign experience

For citation: Klevtsov, K.K. (2024) Legal framework for international transfer and acceptance of criminal prosecution (proceedings) in foreign states: a comparativist analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 39–57. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/4

Важное значение сравнительного правоведения для юристов заключается в первую очередь в понимании и совершенствовании собственного национального права, а также в повышении взаимопонимания народов различных государств и создании наиболее благоприятных правовых форм отношений, которые складываются в международном общении [2. С. 23].

В связи с этим целесообразно обратиться к законодательству зарубежных государств в части норм, регламентирующих передачу уголовного преследования (судопроизводства), с тем чтобы (1) исключить возможные ошибки, допускаемые российскими правоохранительными органами при осуществлении этой международно-процессуальной деятельности; (2) скорректировать с учетом особенностей российской правовой системы ее уголовно-процессуальное законодательство, определяющее реализацию данного вида международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства; (3) уточнить имеющиеся и дополнить новыми положениями международные договоры, регулирующие передачу судопроизводства по уголовным делам; (4) повысить уровень доверия и взаимопонимания, а также выработать соответствующие отношения в области международного сотрудничества по уголовно-процессуальным вопросам.

На юридино-доктринальном уровне под передачей уголовного преследования (судопроизводства) подразумевается деятельность, основанная на отечественном законодательстве компетентных органов запрашиваемой стороны по исполнению в соответствии с нормами международных договоров или на основании принципа взаимности запросов (ходатайств) судебных и иных компетентных органов запрашивающей стороны об осуществлении уголовного преследования лиц, постоянно находящихся на территории запрашиваемого государства и не подлежащих выдаче запрашивающей стороне с одновременной передачей запрашивающей стороной материалов уголовного дела (расследования) запрашиваемой стороне [3. С. 103; 4. Р. 349].

Несмотря на то, что передача уголовного судопроизводства имеет не такие глубокие корни, как другие формы международного взаимодействия в уголовно-процессуальной сфере [5], такие как выдача лица для осуществления уголовного преследования [6] и взаимная правовая помощь [7], она используется как одна из возможностей сотрудничества, особенно между странами континентального права. Однако в других государствах такая передача происходит реже. Причина этого может заключаться в том, что органы уголовного правосудия в таких государствах придерживаются более традиционных взглядов на суверенитет, согласно которым уголовное судопроизводство является национальной суверенной прерогативой, в связи с чем они отвергают идею его передачи другому государству [8].

Не претендуя на исследование правовых систем всех зарубежных государств, предлагается рассмотреть национальное законодательство тех суве-

ренов, с которыми Российской Федерации наиболее часто приходится сотрудничать по уголовно-процессуальным вопросам в силу различных причин, наиболее частая – получение отказа в выдаче¹.

Особый интерес представляет собой изучение законодательства государств дальнего зарубежья, в особенности правовой системы **Соединенных Штатов Америки** (далее – США) и **Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии** (далее – Великобритания, Англия). Это детерминировано тем, что зачастую лица, совершившие преступления, «сбегают» именно в эти страны, поскольку в силу отсутствия с определенными государствами договоров о выдаче (например, США)² или в силу некоторых политических аспектов данные государства не выдают лиц, преследуемых правоохранительными органами Российской Федерации³, вследствие чего возникает необходимость использования альтернативных мер в целях реализации принципа неотвратимости наказания.

Правовая система США имеет определенные специфические черты, в частности существует известная аксиома, что «право создается судами», т.е. в данном государстве постулируется прецедентное право. Применительно к институту передачи уголовного преследования (foreign prosecution) специальных законов или правил, определяющих основания, условия и его порядок, не имеется. При этом какие-либо фрагменты данного института можно увидеть в некоторых нормах (например, § 3512 титула 18 Свода законов США)⁴.

¹ Перечень двусторонних и многосторонних региональных договоров, в рамках которых взаимодействуют государства – члены Совета Европы по вопросам передачи уголовного преследования (судопроизводства) см.: List of bilateral and multilateral regional treaties binding Council of Europe member States: PC OC INF 8 rev.6. URL: <https://rm.coe.int/08inf-bil-rev-6-list-of-bilateral-and-multilateral-regional-treaties-b/168072b493> (дата обращения: 01.03.2024). Между тем 25 февраля 2022 г. Совет Европы приостановил членство России в организации из-за «спецоперации на территории Украины». 15 марта 2022 г. Россия начала процесс выхода из Совет Европы, а 16 марта того же года Комитет министров Совета Европы принял решение о немедленном ее исключении (Совет Европы : [сайт]. URL: https://www.coe.int/en/web/portal/full-news/-/asset_publisher/y5xQt7QdunzT/content/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe (дата обращения: 01.03.2024). Несмотря на это договоры, заключенные по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, продолжают действовать до тех пор, пока они не будут денонсированы в установленном порядке [denuntiatio].

² Обоснованной в этой связи видится позиция, что Конвенция о выдаче преступников 1887 г., заключенная Россией и США, продолжает являться в настоящее время действующим документом, поскольку ни Российская империя, ни СССР, ни Российская Федерация, ни США после ее вступления в силу не осуществляла никаких действий, направленных на прекращение этого международного договора или выход из него [9. С. 254].

³ Чисто английская экстрадиция (за последние 10 лет Великобритания не выдала России ни одного человека) // Российская Газета : информ. порт. 2007. Авг. URL: <https://rg.ru/2007/08/03/lugovoj.html> (дата обращения: 01.03.2024); Англия выдала России второго преступника за 10 лет // Комсомольская правда : информ. порт. 2017. Окт. URL: <https://www.kp.ru/daily/26740.4/3767695/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ 18 U.S.C. § 3512. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3512> (дата обращения: 01.03.2024).

Отсутствие детализирующих норм, регулирующих данный вид сотрудничества, как представляется, обусловлено тем, что в указанном государстве отсутствует практическая потребность в его использовании, поскольку его реализация не дает достаточной эффективности.

Так, по мнению Министерства юстиции США, процедура направления материалов уголовного дела в иностранное государство является слишком затратной и трудоемкой. В некоторых суверенах такой инструментарий ограничивается конкретными преступлениями, но он применяется, когда уголовно преследуемое лицо является гражданином государства, на территории которого оно находится, и компетентные органы данного государства отказывают в его выдаче¹. Симметричная ситуация обнаруживается и в американской литературе².

При этом компетентные органы США используют совсем другие процедуры в целях привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных, по их мнению, в совершении преступлений. Зачастую используют принудительное перемещение лиц, правомерность которых, как об этом пишут американские юристы, обусловлена тем, что в США по этому вопросу придерживаются «правила дел Кера и Фрисби» (Ker-Frisbie Doctrine), в соответствии с которым процедура, в результате которой обвиняемый предстал перед судом, не имеет значения и не препятствует осуществлению судебного преследования³.

Следует обратить внимание на то, что в США основание и процедура административной высылки (депортации, выдворения) и чрезвычайной рендиции с территорий иностранных государств регламентируется соответствующими правовыми документами⁴.

¹ U.S. Attorneys Manual 9-15.650. URL: <https://www.justice.gov/jm/jm-9-15000-international-extradition-and-related-matters#9-15.650> (дата обращения: 01.03.2024).

² Extradition To and From the United States: Overview of the Law and Contemporary Treaties. CRS Report (prepared for members and Committees of Congress). URL: https://www.everycrsreport.com/files/20161004_98-958_53c6c09c590214876fb5959c6fdb0d78942b5cc6.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

³ Суть дела заключалась в следующем: сотрудники федерального ведомства по борьбе с незаконным оборотом наркотиков похитили с территории Мексики гражданина этой страны, подозревавшегося в соучастии в пытках и убийстве американского сотрудника наркоконтроля, и вывезли его в США. Правительство Мексики выступило с решительным протестом против похищения и потребовало возвращения обвиняемого. Однако Верховный Суд США пришел к заключению, что если похищение людей прямо не запрещено договором, в подобных случаях действует правило дела Кера и суду незачем интересоваться, каким образом обвиняемый был доставлен в суд. Международное сообщество практически единодушно осудило это решение [10. С. 1099].

⁴ Так, в Руководстве для прокуроров США отмечается, что в случае если беглец не является гражданином или законным резидентом страны, в которой он находится, целесообразно просить данное государство депортировать или выслать такого беглеца, а в случае, если беглец выезжает за пределы страны, из которой он не может быть выдан, просить такое государство осуществить выдачу. В любом случае, прежде чем приступить к названным действиям, необходимо проконсультироваться с Управлением по международным делам Министерства юстиции США [11].

Вторым способом реализации принципа неотвратимости ответственности в США являются тактические операции по выманиванию, которые зачастую используются правоохранными органами. В связи с чем в Руководстве для прокуроров США указано, что если невозможно добиться выдачи уголовно преследуемого лица (такие причины должны быть задокументированы надлежащим образом), представляется целесообразным использовать альтернативу экстрадиции, а точнее необходимо предпринять другие действия, которые могут вернуть такое лицо в Соединенные Штаты Америки или ограничить его способность существовать и путешествовать за рубежом¹.

Впрочем, это отнюдь не означает, что российские правоохранные органы не направляют уголовные дела в США для осуществления уголовного преследования лиц, совершивших преступления на территории России.

Так, в 2017 г. Генеральной прокуратурой РФ было направлено в Министерство юстиции США уголовное дело с поручением об осуществлении уголовного преследования гражданина США Н. и гражданина Австралийского Союза Т., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ.

Однако, согласно информации Министерства юстиции США, по результатам рассмотрения уголовного дела проведение производства по нему не будет осуществлено, так как Н. и Т. осуждены на территории США за совершение данных преступлений и отбывают наказание в пенитенциарных учреждениях США, но указанные материалы будут использованы американской стороной в случае обращения осужденных с ходатайством об условно-досрочном освобождении.

Подобная ситуация обстоит и в **Великобритании**. Надо отметить, что в Англии существует специальный закон, который регламентирует вопросы взаимодействия государств в уголовно-процессуальной сфере, в частности Закон Великобритании о международном сотрудничестве в борьбе с преступностью 2003 г.² Однако данный нормативно-правовой документ не содержит напрямую положений, направленных на практическую реализацию института передачи уголовного преследования (судопроизводства), как вида международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции и в большей степени уделяет внимание другим видам международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, к примеру межсистемному институту выдачи лиц для уголовного преследования [12].

При этом в Руководстве МВД Великобритании для компетентных органов иностранных государств по запросам о взаимной правовой помощи по

¹ U.S. Attorneys Manual 9.15.225, 9.15.600. URL: <https://www.justice.gov/jm/jm-9-15000-international-extradition-and-related-matters> (дата обращения: 01.03.2024).

² Crime (International Co-operation) Act 2003 (с. 32) // [legislation.gov.uk](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/32). URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/32> (дата обращения: 01.03.2024). До этого применялся такой же закон 1990 года (см.: Crime (International Co-operation) Act 1990 (с. 5) // [legislation.gov.uk](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/5). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/5> (дата обращения: 01.04.2024)).

уголовным делам¹ данный межсистемный институт затрагивается. Исходя из правового анализа и используя лингвистический подход, можно заметить, что сотрудничество в такой области в Великобритании осуществляется в рамках взаимной правовой помощи, т.е. исключительно через органы уголовной юстиции, а не в рамках полицейского сношения.

Кроме того, судебные разбирательства должны проводиться в той юрисдикции, где имело место большинство совершенных преступлений, или, если это невозможно, в случае большего причинения вреда. На практике система общего права Соединенного Королевства в отношении состязательного разбирательства и непосредственности исследования доказательств имеет тенденцию быть несовместимой с уголовным процессом, в котором разбирательство было передано из другой юрисдикции.

Великобритания не подписала Европейскую конвенцию о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г. и содержит оговорку к Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам 1959 г., в которой говорится, что «правительство Соединенного Королевства резервирует право не применять статью 21».

Тем не менее входящие запросы о передаче производства в Великобританию или из нее решаются в каждом конкретном случае в соответствии с критериями, а именно: (а) преступление, ведущее к уголовному судопроизводству, должно представлять собой преступление как в Великобритании, так и в запрашивающем государстве (т.е. соблюдение принципа «двойной криминальности»); (б) должны быть доказательства четкой и установившейся связи с Великобританией (т.е. установление причинно-следственной связи между совершением деяния в запрашивающем государстве и обвиняемым, находящимся в Англии); (с) запрос должен быть сделан как можно скорее, т.е. должна быть разъяснена любая необоснованная задержка (более 5 лет); (д) запрос отвечает так называемым требованиям «минимальности»²; (е) поручение должно быть переведено на английский язык (включая вспомогательные документы). Например, по уголовным делам о преступлениях, где фигурирует банковский счет, открытый в Великобритании, не является достаточной ссылкой для передачи документов в данное государство.

Если же все-таки взаимопонимание по данному вопросу будет достигнуто, то просьба будет направлена в соответствующие полицейские ведомства, и уголовное дело будет иметь тот же статус и приоритет, которые будут предоставлены аналогичному внутреннему делу. В Англии, Уэльсе и

¹ Request for Mutual Legal Assistance in Criminal Matters Guidelines for Authorities outside of the United Kingdom, March 2022 // The National Archives, Kew, London. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/415038/MLA_Guidelines_2015.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

² К примеру, данное требование не будет считаться выполненным, если запрашивается помощь по уголовным делам о преступлениях, по которым был причинен ущерб менее 1 000 фунтов стерлингов, или предполагаемое преступление было совершено более 10 лет назад (и нет или недостаточно объяснений задержки в расследовании или судебном преследовании).

Северной Ирландии зависит от полиции, будет ли проводится расследование или нет. В Шотландии Управление короны поручит полиции начать расследование и будет рассматривать результаты до принятия любого решения о судебном преследовании.

Спонтанный обмен информацией («квазипередача уголовного преследования»)¹ возможен как в рамках полицейского сотрудничества, в частности через каналы Национального центрального бюро Интерпола [13], так в пределах взаимодействия органов уголовной юстиции.

Весьма развитым государством в области законодательной проработки вопросов по международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, является **Федеративная Республика Германия** (далее – ФРГ), а точнее ее Закон о международной правовой помощи по уголовным делам (IRG) от 23.12.1982² Как видится, положения, касающиеся взаимодействия Германии с другими государствами, в отличие от России, регламентируются в специальном нормативном акте, а не в национальном УПК. Однако, следует учесть, что ФРГ, как и Великобритания, не подписала Европейскую конвенцию о передачи судопроизводства по уголовным делам 1972 г., вследствие чего, полагаем, данный институт подробно не урегулирован в отечественном законе о правовой помощи. При этом достаточно подробно в этом законе определена процедура «квазипередачи уголовного преследования (судопроизводства)», или, как иногда ее называют, «предоставление информации без запроса (spontaneous information)».

Так, согласно § 61a Федерального закона о международной правовой помощи по уголовным делам (IRG), суды и прокуроры могут без запроса передавать личные данные от уголовных расследований в государственные органы других государств, а также меж- и наднациональные органы.

Кроме того, в соответствии с Руководством Федерального министерства юстиции ФРГ по сношениям с иностранными государствами в уголовно-правовых вопросах спонтанная информация³ (разделы 61a, 92c IRG) передается дипломатическим путем, если в соглашении по международному праву не содержится иного положения о передаче персональных данных судами или прокуратурами без просьбы о взаимной правовой помощи [14. S. 395–397].

¹ В практике под ней понимается процедура направления копий материалов досудебного производства в иностранное государство по собственной инициативе без ущерба для собственных расследований или судебных разбирательств, когда направляющее государство считает, что предоставление такой информации может помочь этому или другому государству в возбуждении или проведении расследований или судебных разбирательств, связанных с преступлениями, признанными в качестве таковых в соответствии с законодательством принимающего государства.

² Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG) // Bundesministerium der Justiz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/irg/BJNR020710982.html> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Die Richtlinien für den Verkehr mit dem Ausland in strafrechtlichen Angelegenheiten // Bundesministerium der Justiz. URL: <http://www.uhdigm.adalet.gov.tr/projeler/adlievrak/ALM.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

Австрийская Республика является участником Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам, вследствие чего некоторые положения нашли отражения в своем национальном законодательстве, в частности в Законе о выдаче и правовой помощи в уголовных делах (ARHG) от 04.12.1979¹.

Следует заметить, что традиционная передача уголовного преследования раскрывается в § 60, в котором предусматривается, что запросы на судебное преследование предварительно проверяются Федеральным министерством юстиции. Если просьба об уголовном преследовании не может быть исполнена, федеральный министр юстиции откажется от дальнейшего рассмотрения просьбы, в противном случае направит запрос компетентному прокурору. Федеральный министр юстиции может в любой ситуации или по просьбе прокурора просить, чтобы государство, запрашивающее обвинение, направило дополнительные необходимые документы. В любом случае он должен информировать запрашивающее государство о принятых решениях и результатах уголовного разбирательства.

При этом стоит подчеркнуть, что если австрийская юрисдикция основана исключительно на межправительственном соглашении, то прокуратура будет проводить консультации с субъектом переданных материалов.

В § 74 указанного закона содержится порядок направления в иностранное государство запросов от компетентных органов Австрии. Так, Федеральный министр юстиции может потребовать от другого государства возбудить уголовное дело против какого-либо лица за наказуемое преступление, подпадающее под юрисдикцию Австрии, если юрисдикция этого государства окажется оправданной и (а) выдача лица, находящегося за границей, не может быть получена или освобождена от действия экстрадиции по другой причине или (б) осуждение внутреннего лица в другой стране целесообразно в интересах нахождения истины или на основании вынесения приговора или исполнения и если это лицо осуждено за другое преступление. После получения уведомления о том, что обвинение было предпринято в запрашиваемом государстве, внутреннее уголовное производство должно быть приостановлено. Если нарушитель был окончательно осужден иностранным судом и приговор был полностью исполнен или если он не был применен, национальное производство должно быть прекращено.

Кроме того, в Австрии также предусмотрены нормы о передаче данных без запроса (§ 59а Закона Австрии). Суды и прокуроры, даже без письма-запроса, могут передавать личные данные в судебные органы другого государства на основе межправительственного соглашения, поскольку: (а) информация отвечает требованиям «относимости» (т.е. имеет значение для за-

¹ Bundesgesetz vom 4. Dezember 1979 über die Auslieferung und die Rechtshilfe in Strafsachen (Auslieferungs- und Rechtshilfegesetz — ARHG) // Bundesministerium für Digitalisierung und Wirtschaftsstandort. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002441> (дата обращения: 01.03.2024).

прашиваемого государства); (b) передача такой информации национальному суду или внутреннему прокурору также будет разрешена без запроса; (c) согласно некоторым фактам, предполагается, что по содержанию такая информация будет являться поводом для возбуждения уголовного дела в другом государстве или будет способствовать продвижению возбужденного уголовного дела либо вообще сможет предотвратить преступление.

Что касается государства **Израиль**, то здесь следует отметить, что его национальное законодательство также регламентирует вопросы, касающиеся передачи информации для уголовного преследования лиц. Так, согласно Закону о международной правовой помощи от 1998 г. № 5758¹, а именно в ст. 32 («Запрос другого государства на получение информации») говорится, что компетентным органам Израиля может быть предоставлена информация, если другое государство запросило ее в связи с находящимся у последнего уголовного дела, находящегося на рассмотрении в этом государстве. Кроме того, такие сведения могут быть переданы и по собственной инициативе уполномоченного органа Израиля. При этом у Российской Федерации имеется опыт параллельного производства и совместной реализации института передачи уголовного преследования (судопроизводства).

К примеру, в Следственном управлении по Хабаровскому краю Следственного комитета Российской Федерации находилось в производстве уголовное дело в отношении С. по фактам торговли людьми – лиц женского пола с перемещением потерпевших через государственную границу Российской Федерации в целях дальнейшей эксплуатации на территории Турции, Израиля, Кипра. Одновременно в государстве Израиль также было возбуждено данное уголовное дело в отношении израильских граждан, входивших в данную преступную группу.

В ходе расследования указанного уголовного дела было продемонстрировано должное взаимодействие следственных органов следственного управления по Хабаровскому краю с компетентными органами Израиля.

По уголовному делу не только были направлены международные поручения, надлежащим образом оформленные, но командированному в Израиль сотруднику управления была представлена возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, позволившая получить сведения, необходимые для квалификации действий С. по ст. 210 УК РФ. Кроме того, компетентными органами Израиля было выражено желание дальнейшего сотрудничества и готовности к возбуждению уголовных дел по дополнительным эпизодам преступной деятельности, установленным в ходе расследования уголовного дела в Российской Федерации и ранее неизвестным правоохранительным органам Израиля².

¹ International Legal Assistance Law 5758–1998 // Verification Research, Training and Information Centre. URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Israel/IL_Law_Legal_Assistance_5758_1998.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

² Пример взят из Информационного письма Следственного комитета Российской Федерации от 21.12.2010 № 224-10-14 «О результатах обобщения практики предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда (трудовой и сексуальной эксплуатации)».

Уголовно-процессуальный кодекс Италии от 22.09.1988 № 447¹, который содержит вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а именно выдачу, взаимно-правовую помощь, а также признание и исполнение иностранных судебных решений, не регламентирует напрямую аспекты передачи уголовного преследования (судопроизводства), несмотря на то, что Италия подписала, но не ратифицировала Европейскую конвенцию о передаче судопроизводства по уголовным делам от 1972 г.

К примеру, в **Королевстве Таиланде** имеется Закон о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 31.03.1992 № 2535². В п. 4 ст. 12 данного закона указывается, что просьба о возбуждении уголовного дела передается Генеральному директору Департамента полиции и Главному прокурору по судебным разбирательствам.

Следовательно, делается вывод, что направление материалов уголовного дела относится в Таиланде к правовой помощи по уголовным делам. Кроме того, ч. 8 «Инициирование материалов по запросу» раздела 31 Закона Таиланда о правовой помощи предусматривает, что при получении просьбы о помощи от иностранного государства, компетентного возбуждать уголовное дело, но желающего чтобы судебное разбирательство, выпадающее под юрисдикцию тайского суда, было начато в этой стране, центральный орган Таиланда должен рассмотреть вопрос о целесообразности инициировать собственное судебное разбирательство, после чего уведомляет компетентные органы в соответствии с тайским уголовно-процессуальным кодексом о проведении указанного производства и сообщает об этом запрашивающему государству об этом.

В **Республике Финляндия** вопросы, касающиеся передачи уголовного преследования, регламентируются в Законе о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 05.01.1994³ (п. 4 ст. 1). Кроме того, в ст. 19 говорится, что уголовное судопроизводство может быть начато в Финляндии в соответствии с правилами финского законодательства об осуществлении юрисдикции в уголовных делах.

Следует заметить, что Финляндия не является участником Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 1972 г., вследствие чего такая передача может быть на основании двусторонних соглашений о сотрудничестве.

¹ Codice di procedura penale Italiane – Edizione ottobre 2021 // Lex Iuris. URL: <https://www.studiocataldi.it/codiceprocedurapenale/codiceprocedurapenale.asp> (дата обращения: 01.03.2024).

² Act on Mutual Assistance in Criminal Matters, B.E. 2535 [1992] // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=103542 (дата обращения: 01.03.2024).

³ Laki kansainvälisestä oikeusavusta rikosasioissa // Finlex. URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1994/en19940004> (дата обращения: 01.03.2024).

В Швейцарской Конфедерации издан Федеральный закон о международной правовой взаимопомощи в области уголовного права (Закона о международной уголовно-правовой взаимопомощи [EIMP]) от 20.03.1981¹ Статья 67а («Спонтанная передача средств доказательств и информации») названного закона предусматривает, что швейцарский орган уголовного преследования может спонтанно передать иностранному органу какие-либо доказательства, которые он собрал во время собственного расследования, когда считает, что такая передача: (а) будет являться поводом для возбуждения уголовного дела; (b) может способствовать успешному расследованию. При этом передача информации никоим образом не влияет на продолжающееся уголовное судопроизводство в Швейцарии, что на наш взгляд, оптимально. Любая переданная информация должна регистрироваться вплоть до минут. Однако это касается исключительно квазипередачи уголовного преследования.

Что же касается традиционного направления материалов уголовного дела и исполнения поручений от иностранных государств, то в Швейцарии предусмотрена отдельная часть в обозначенном выше нормативно-правовом акте. Так, ст. 85 посвящена условиям принятия Швейцарией уголовного преследования (судопроизводства), а именно, что по просьбе иностранного государства, в котором имело место преступление, Швейцария может перенять у последнего уголовное преследование за данное деяние, совершенное за границей: (а) если выдача не возможна; (b) если лицо, подвергаемое судебному преследованию, должно ответить на другие более серьезные правонарушения в Швейцарии; (с) если запрашивающее государство дает гарантию, что оно не будет преследоваться по закону за то же деяние после того, как оно отбудет его в Швейцарии.

При этом интересной с точки зрения практики видится положение (ч. 2 ст. 85), что уголовное преследование иностранца, который обычно проживает в Швейцарии, также может быть принято, если выдача не оправдана, и принятие обвинения представляется целесообразным с учетом конкретных обстоятельств и личности уголовно преследуемого лица. Кроме того, имеются также положения относительно применяемого национального законодательства (как правило, запрашиваемого, но в некоторых случаях встречается возможность применить нормы запрашивающего государства – ст. 86).

Статья 88 Раздела 2 Закона Швейцарии предусматривает условия направления ее компетентными органами уголовного судопроизводства за рубеж, а точнее: иностранному государству может быть предложено принять уголовное преследование за преступление, попадающие под юрисдикцию Швейцарии, если его законодательство допускает уголовное преследование и наказание за такое преступление и если лицо, которое подвергнется

¹ Loi fédérale sur l'entraide internationale en matière pénale (Loi sur l'entraide pénale internationale, EIMP) du 20 mars 1981 (Etat le 1er juillet 2021) // Fedlex. La plateforme de publication du droit fédéral. URL: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19810037/> (дата обращения: 01.03.2024).

преследованию: (а) проживает в этом государстве, его экстрадиция в Швейцарию является неуместной или исключенной; (б) передача уголовного преследования может быть более эффективным средством.

Целесообразным стоит обратиться и к ст. 89 («Правовые последствия»), согласно которой если иностранное государство принимает обвинение, швейцарские власти должны воздерживаться от какой-либо меры уголовно-правового характера в силу одного и того же деяния в отношении лица, преследуемого по закону: (а) пока запрашиваемое государство не сообщит, что не представляется возможным провести уголовное судопроизводство (б) если из решения этого государства вытекает, что условия, указанные в п. а или б ст. 5, выполнены. Впрочем, постановление по швейцарскому законодательству приостанавливается до тех пор, пока запрашиваемое государство не прекратит дело, включая исполнение. Если лицо, подвергшееся судебному преследованию, было экстрадировано для других действий запрашиваемому государству, последнее не обязано соблюдать ограничения, предусмотренные в ст. 38, поскольку он отвечает на запрос о преследовании.

Относительно процедуры передачи, то здесь следует отметить, что готовится соответствующее поручение, которое сопровождается так называемым уголовным досье и при необходимости снаряжается вещественными доказательствами (Глава 90).

Федеральное ведомство Швейцарии, получив консультацию с органом уголовного преследования, должно принять решение о принятии производства по делу или об отказе в таком принятии. При положительном ответе центральный орган направляет дело в соответствующий орган и сообщает запрашивающему государству и лицу, в отношении которого поступили данные материалы. При этом вынесения самостоятельного решения о возбуждении уголовного дела не требуется.

Стоит подчеркнуть, что федеральное ведомство может отказать в уголовном преследовании, если есть серьезные причины. Статья 92 данного закона также регулирует вопросы, касающиеся действительности документов, направляемых из-за рубежа, а именно: «...любой процессуальный документ, законно полученный и исполняемый властями запрашивающего государства, рассматривается как акт одного и того же вида, совершенный в Швейцарии». Статья 93 регулирует процессуальные издержки, определив, что такие расходы, понесенные запрашивающим государством, добавляются к затратам судопроизводства в Швейцарии.

Целесообразно также обратить внимание, что и в ведомственных документах, а точнее в Руководстве Федерального ведомства юстиции Швейцарской Конфедерации по международной правовой помощи по уголовным делам¹, используется термин «делегирование уголовного преследования», а не передача.

¹ Die internationale Rechtshilfe in Strafsachen Wegleitung // Fedlex. La plateforme de publication du droit fédéral. URL: <https://www.rhf.admin.ch/dam/data/rhf/strafrecht/wegleitungen/wegleitung-strafsachen-d.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

Следует в этом ключе обратиться и к Закону о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2000 г.¹ в **Королевстве Швеция**, а именно к ст. 5, которая указывает, что правовая помощь также предоставляется «в вопросах, связанных с возмещением ущерба за ненадлежащее лишение свободы, возбуждением уголовного преследования или ненадлежащим окончательным решением или...». Следовательно, данный закон всего лишь определяет, что передача уголовного преследования (судопроизводства) включена в объем правовой помощи по уголовным делам. Однако порядок, основания и условия в данном законе не прописаны. При этом Швеция подписала и ратифицировала Европейскую конвенцию о передаче судопроизводства по уголовным делам от 1972 г.

Передача уголовного преследования (судопроизводства) в общих чертах встречается и в Законе взаимной правовой помощи по уголовным делам от 1996 г. № 75 в **Южной Африканской Республике**², однако детально порядок в нем также не расписан.

Достаточно подробно институт передачи уголовного преследования (судопроизводства) регламентирует **Уголовно-процессуальный кодекс Республики Польша от 06.06.1997**³, а именно Глава 63 (Принятие и передача уголовного преследования). Следует заметить, что данная глава, в отличие от российского уголовно-процессуального закона, определяет основания и условия принятия и передачи уголовного преследования; круг лиц, в отношении которых осуществляется такая процедура; юридическую силу доказательств, направленных вместе с поручением; правовые последствия передачи уголовного преследования; параллельное расследование⁴; особенности передачи уголовного преследования государствам – участникам Европейского союза (ст. 590–592 (a–f)).

¹ Sweden International Legal Assistance in Criminal Matters Act (2000:562) // Government Offices of Sweden. URL: <https://www.government.se/government-of-sweden/ministry-of-justice/international-judicial-co-operation/legal-assistance-in-criminal-matters/> (дата обращения: 01.03.2024).

² International Co-operation in Criminal Matters Act 75 of 1996 // South African Government. URL: <https://www.gov.za/nr/node/696223> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Kodeks postępowania karnego RP // Open Lex. URL: https://www.ms.gov.pl/Data/Files/_public/mediacje/regulacje_karne/ustawa-z-dnia-6-czerwca-1997-r--kodeks-karny-wykonawczy-dz-u--z-1997-r--nr-90-poz--557-z-pozn-zm--wyciag-przepisow.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Параллельное производство означает уголовное производство, включая этапы досудебного и судебного разбирательства, которые проводятся в двух или более государствах-членах в отношении одних и тех же фактов с участием одного и того же лица (Council framework decision 2009/948/JHA of 30 November 2009 on prevention and settlement of conflicts of exercise of jurisdiction in criminal proceedings // Official Journal of the European Union. 2009. № 328/43. P. 3). Оно позволяет каждому государству проводить сравнительно простые расследования в соответствии с внутренним законодательством, без необходимости сначала ожидать запроса об оказании правовой помощи от другого государства [15].

Кроме того, в польской юридической литературе отмечается, что Польша не является участником Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 1972 г., вследствие чего сотрудничество с данным государством происходит на основании двусторонних соглашений. Критерием, оправдывающим принятие обвинения (передача также), является заинтересованность судебной власти. Оценивая наличие этого критерия, учитывается тяжесть преступления, предполагаемое наказание, личное положение обвиняемого и характер дела. Обвинение может иметь место только в случае преступления, совершенного за границей. Слушания, предпринятые Польшей в действительности, не являются продолжением разбирательств, совершенных в другой стране, но они порождают новое производство [16].

Так, следственным отделом по городу Пушкино Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по материалам уголовного дела, возбужденного 26.04.1993 по факту обнаружения трупа Я. и полученного из компетентных органов Республики Польша с запросом об осуществлении уголовного преследования. Запрос поступил в связи с тем, что подозреваемым в убийстве является гражданин Российской Федерации С. Однако польской стороной не установлены свидетели преступления, не представлены вещественные доказательства (отпечатки пальцев рук, фотографии, записки, документы, одежда, орудия преступления и т.д.). Подобные обстоятельства стали основанием для направления соответствующих запросов о правовой помощи в компетентные органы Республики Польша.

Весьма проработанным законом в области международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере является Закон **Чешской Республики** «О международно-судебном сотрудничестве по уголовным делам» от 30.04.2013¹, а именно Раздел III (Принятие и передача уголовного судопроизводства). Следует заметить, что этот раздел определяет основания и условия принятия и передачи уголовного преследования; круг лиц, в отношении которых осуществляется такая процедура; юридическая сила доказательств, направленных вместе с поручением; форма и содержание поручения об осуществлении уголовного преследования; правовые последствия передачи уголовного преследования; параллельное расследование; аннулирования просьбы о передаче уголовного преследования (судопроизводства); особенности передачи уголовного преследования в отношении лица, который содержится под стражей (§ 105–117).

Достаточно проработанным с юридической точки зрения видится Глава 4 Уголовно-процессуального кодекса **Словацкой Республики** от 02.07.2005²,

¹ Zákon č. 104/2013 Sb. Zákon o mezinárodní justiční spolupráci ve věcech trestních // Zákonů pro lidi. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2013-104> (дата обращения: 01.12.2020).

² Zákon č. 301/2005 Z. z. Trestný poriadok // Zakony pre lidi. URL: <https://www.zakonyprelidi.sk/zz/2005-301> (дата обращения: 01.03.2024).

под названием «Получение и передача уголовного преследования», которая содержит нормы, определяющие основу, условия, порядок, круг лиц, в отношении которых осуществляется передача судопроизводства по уголовным делам, а также правовые последствия такой передачи, разрешение вопросов передачи в государства, являющиеся членами Европейского союза (§ 528–530а).

Стоит также вкратце обратить внимание и на передачу уголовного преследования, осуществляемую в рамках **Европейского союза** в целом, в котором в свою очередь действует документ, косвенно связанный с данным вопросом, а именно Рамочное решение Совета Европейского союза 2009/948/ЈНА о предотвращении и урегулировании коллизий юрисдикции в уголовном судопроизводстве. Его цель заключается в предотвращении излишних параллельных уголовных производств в Европейском союзе, касающихся тех же фактов и того же лица [17]. Рамочному решению, которое было воспринято как первый шаг в законодательстве Европейского союза, направленный на предупреждение коллизий юрисдикций, предшествовала инициатива по выявлению проблем и вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения, а именно разработка так называемого Зеленого документа Европейской комиссии о коллизии юрисдикций и принципе *non bis in idem* в уголовном судопроизводстве [18].

В Рамочном решении излагается процедура, в соответствии с которой компетентным органам государств – членов Европейского союза надлежит связываться друг с другом, если у них есть разумные основания полагать, что в одном или нескольких государствах – членах Европейского союза ведутся параллельные производства. Предпочтительным результатом консультаций является объединение производств в одном из государств-членов, например, путем передачи уголовного судопроизводства. В целях достижения консенсуса компетентные органы должны учитывать все соответствующие критерии и место, где произошла основная часть преступного деяния, место, где был причинен основной ущерб, местонахождение подозреваемого или обвиняемого лица и возможности для обеспечения его передачи или выдачи в другие юрисдикции, гражданство или место постоянного проживания подозреваемого или обвиняемого, существенные интересы таких лиц, а также допустимость доказательств или какие-либо задержки, которые могут иметь место. Если согласия не достигнуто, дело может быть передано в Евроюст, если это уместно и при условии, что относится к его компетенции [19].

Российская Федерация также имеет опыт сотрудничества в сфере передачи уголовного преследования с государствами – участниками Европейского союза. Проиллюстрируем данный довод следующим примером из уголовного дела.

Так, в Следственное управление Следственного комитета по Астраханской области в июне 2009 г. из Королевства Бельгии поступил запрос об осуществлении уголовного преследования на территории Российской Федерации в отношении З., заочно осужденного судом присяжных провинции Антверпен к пожизненному лишению свободы за покушение на убийство, совершение убийства и разбой.

По данному запросу следственным отделом по Советскому району Следственного управления Следственного комитета по Астраханской области возбуждено уголовное дело по факту убийства К. и покушения на убийство З. и Д. по признакам преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Однако инициатором запроса об осуществлении уголовного преследования не были представлены надлежащие доказательства обвинения З. в причастности к совершению преступления. В связи с этим следователем был подготовлен запрос об оказании правовой помощи в компетентные органы Королевства Бельгии в целях проведения процессуальных действий с Д. и осужденным Ч. Дело закончилось обвинительным приговором в отношении З.¹

Таким образом, можно сделать вывод, что национальное законодательство многих зарубежных государств содержит положения, так или иначе затрагивающие передачу уголовного преследования (судопроизводства). Некоторые суверены регулируют данный институт в общих чертах и относят его к объему оказания правовой помощи по уголовным делам, другие, наоборот, детализируют и выделяют его наравне с другими видами международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (выдача, правовая помощь по уголовным делам, признание и исполнение решений иностранных судебных органов), что, полагаем, является обоснованным. Поэтому представляется необходимым учесть законодательный опыт зарубежных коллег, в результате чего отметить назревшую процессуальную необходимость в принятии новых и дополнении имеющихся на сегодня отечественных уголовно-процессуальных норм, регулирующих вопросы направления и принятия материалов уголовного дела в(из) иностранное(ого) государство(а) в целях оптимизации данного направления международной деятельности Российской Федерации.

Список источников

1. Клевцов К.К., Волеводз А.Г. Передача уголовного преследования (уголовного судопроизводства) : учеб. пособие / под науч. ред. А.Г. Волеводза. М. : Прометей, 2022.
2. Рене Д., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1999.
3. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. 2015. № 4. Р. 99–117.
4. Rusu I. Transfer of Procedure in Criminal Matters in Romanian Legislation // EIRP Proceedings. 2009. № 4. Р. 343–353.
5. Vermeulen G., De Bondt W., Ryckman C. Rethinking international cooperation in criminal matters in the EU: moving beyond actors, bringing logic back, footed in reality. Antwerpen : Maklu, 2012.
6. Klimek L. «Surrender» vs. «Extradition»: A Comparison Focused on Innovations of the European Arrest Warrant // European Arrest Warrant. Springer, Cham., 2015. doi: 10.1007/978-3-319-07338-5_13

¹ Пример взят из Информационного письма Следственного комитета Российской Федерации от 07.10.2010 № 220/4-24895-10/1231 «О практике исполнения запросов и поручений об оказании правовой помощи».

7. Currie R.J. Human Rights and International Mutual Legal Assistance: Resolving the Tension // *Criminal Law Forum*. 2000. № 11. P. 143–181. doi: 10.1023/A:1009452602272
8. Bassiouni Ch.M. «Introduction to transfer of criminal proceedings» in international Criminal Law: Multilateral and Bilateral Enforcement Mechanisms. 3rd ed. Vol. II. Leiden, Netherlands : Martinus Nijhoff Publishers, 2008.
9. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество России и США в сфере выдачи лиц для уголовного преследования: проблемы и перспективы // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 4. С. 230–258.
10. Бернам У. Правовая система США. Вып. 3. М. : Новая юстиция, 2006.
11. Bassiouni Ch.M. International extradition: United States law and practice. 3rd rev. ed. New York : Oceana Publications Inc. Dobbs Ferry, 1996.
12. Arnell P. Extradition and Mental Health in UK Law // *Crim Law Forum*. 2019. № 30. P. 339–372. doi: 10.1007/s10609-019-09369-7
13. Calcara G. «Balancing International Police Cooperation: INTERPOL and the Undesirable Trade-off Between Rights of Individuals and Global Security // *Liverpool Law Rev*. 2020. doi: 10.1007/s10991-020-09266-9
14. Schomburg W., Lagodny O. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (International Cooperation in Criminal Matters): Kommentar. 6 vollig neu bearbeitete Auflage. München : C.H. Beck, 2020.
15. Luchtman M. Choice of forum and the prosecution of cross-border crime in the European Union – What role for the legality principle? // Choice of forum in cooperation against EU financial crime – Freedom, security and justice and the protection of specific EU-interests. The Hague : Eleven, 2013.
16. Gemry J. et al. Metodyka pracy w sprawach karnych ze stosunkow międzynarodowych / pod red. J. Gemry. Warszawa : Wydaw. C.H. Beck, 2013.
17. De Jonge B. Transfer of criminal proceedings: from stumbling block to cornerstone of cooperation in criminal matters in the EU // *ERA Forum*. 2020. № 21. P. 449–464. doi: 10.1007/s12027-020-00616-8
18. Schomburg W. Criminal matters: transnational ne bis in idem in Europe – conflict of jurisdictions – transfer of proceedings // *ERA Forum*. 2012. № 13. P. 311–324. doi: 10.1007/s12027-012-0270-z
19. Никитина И.Э. Международно-правовые формы сотрудничества государств – членов Европейского Союза в сфере юстиции и внутренних дел. М., 2014.

References

1. Klevtsov, K.K. & Volevodz, A.G. (2022) *Peredacha ugovornogo presledovaniya (ugolovno sudoproizvodstva)* [Transfer of criminal prosecution (criminal proceedings)]. Moscow: Prometey.
2. Rene D. & Joffre-Spinosi, K. (1999) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic legal Systems of Our Time]. Translated from French. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Volevodz, A.G. (2015) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugovornogo sudoproizvodstva: ponyatie, priznaki, istochniki i osnovnye formy* [International cooperation in the field of criminal proceedings: concept, signs, sources and main forms]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 99–117.
4. Rusu, I. (2009) Transfer of Procedure in Criminal Matters in Romanian Legislation. *EIRP Proceedings*. 4. pp. 343–353.
5. Vermeulen, G., De Bondt, W. & Ryckman, C. (2012) *Rethinking international cooperation in criminal matters in the EU: moving beyond actors, bringing logic back, footed in reality*. Antwerpen: Maklu.
6. Klimek, L. (2015) *European Arrest Warrant*. PhD thesis. Cham – Heidelberg – New York – Dordrecht – London: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-07338-5_13
7. Currie, R.J. (2000) Human Rights and International Mutual Legal Assistance: Resolving the Tension. *Criminal Law Forum*. 11. pp. 143–181. DOI: 10.1023/A:1009452602272

8. Bassiouni, Ch.M. (2008) *International Criminal Law: Multilateral and Bilateral Enforcement Mechanisms*. 3rd ed. Vol. 2. Leiden, Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers.
9. Volevodz, A.G. (2021) International Cooperation Between Russia and the United States in Extradition of Persons for the Purposes of Prosecution: Challenges and Opportunities. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 230–258. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2021.4.230.258
10. Burnam, W. (2006) *Pravovaya sistema SShA* [The US legal system]. Vol. 3. Translated from English. Moscow: Novaya yustitsiya.
11. Bassiouni, Ch.M. (1996) *International Extradition: United States Law and Practice*. 3rd ed. New York: Oceana Publications Inc. Dobbs Ferry.
12. Arnell, P. (2019) Extradition and Mental Health in UK Law. *Criminal Law Forum*. 30. pp. 339–372. DOI: 10.1007/s10609-019-09369-7
13. Calcara, G. (2020) Balancing International Police Cooperation: INTERPOL and the Undesirable Trade-off Between Rights of Individuals and Global Security. *Liverpool Law Review*. 42. pp. 111–142. DOI: 10.1007/s10991-020-09266-9
14. Schomburg, W. & Lagodny, O. (2020) *Internationale Rechtshilfe in Strafsachen (International Cooperation in Criminal Matters): Kommentar. 6 vollig neu bearbeitete Auflage*. Mun-chen: C.H. Beck.
15. Luchtman, M. (2013) *Choice of forum in cooperation against EU financial crime – Freedom, security and justice and the protection of specific EU-interests*. The Hague: Eleven.
16. Gemry, J. et al. (2013) *Metodyka pracy w sprawach karnych ze stosunkow miedzynarodowych*. Warszawa: C.H. Beck.
17. De Jonge, B. Transfer of criminal proceedings: from stumbling block to corner-stone of cooperation in criminal matters in the EU. *ERA Forum*. 21. pp. 449–464. DOI: 10.1007/s12027-020-00616-8
18. Schomburg, W. (2012) Criminal matters: transnational ne bis in idem in Europe – conflict of jurisdictions – transfer of proceedings. *ERA Forum*. 13. pp. 311–324. DOI: 10.1007/s12027-012-0270-z
19. Nikitina, I.E. (2014) *Mezhdunarodno-pravovye formy sotrudnichestva gosudarstv-chlenov Evropeyskogo Soyuza v sfere yustitsii i vnutrennikh del* [International legal forms of cooperation between member states of the European Union in the field of justice and internal affairs]. Moscow: [s.n.].

Информация об авторе:

Клевцов К.К., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: klevtsov001@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Klevtsov K.K., PhD, Senior Lecturer Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: klevtsov001@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 07.02.2022;
approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 18.03.2024.

Научная статья
УДК 342.6, 342.9
doi: 10.17223/22253513/51/5

Размышления об административном усмотрении

Сергей Алексеевич Старостин¹

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия, prof.starostin@gmail.com, ORCID 0000-0002-0108-7916*

Аннотация. Статья является продолжением дискуссии, начатой в 2022 г. в журнале «Сибирское юридическое обозрение». Представлены некоторые иные рассуждения об административном усмотрении, основанные как на широком теоретическом и фактологическом материале, так и на богатом правоприменительном опыте автора. Проанализированы различные научные подходы к пониманию сущности и содержания административного усмотрения, современные особенности его практической реализации, ключевые доктринальные и законодательные проблемы.

Ключевые слова: усмотрение, дискреция, административное усмотрение, судебное усмотрение, публичное управление, правовые риски

Для цитирования: Старостин С.А. Размышления об административном усмотрении // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 58–75. doi: 10.17223/22253513/51/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/51/5

Reflections on administrative discretion

Sergey A. Starostin¹

¹ *Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russian Federation, prof.starostin@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0108-7916*

Abstract. The article is a continuation of the discussion started in 2022 in the journal "Siberian Legal Review" and it presents some other considerations on administrative discretion, based on both a wide theoretical and factual material, and on the rich law enforcement experience of the author. Various scientific approaches to understanding the essence and content of administrative discretion, modern features of its practical implementation, key doctrinal and legislative problems are analysed. In conclusion, the author's definition of administrative discretion, determination of its place in the system of public law is offered.

The purpose of this article is to develop and deepen the discussion on the problem - the problem of administrative discretion, discretion - which is topical for the Russian administrative-legal theory and legal practice.

During its preparation, the vector of discussion changed several times in the direction of revealing the correlation, interrelation, correlation of administrative discretion,

necessity and possibility of evaluation of scientific activity, and scientometrics. The task was complicated by the fact that it was necessary to link scientometrics and administrative discretion in any reasonable way.

As a result of the study, the author came to the following conclusions.

The first conclusion: administrative discretion should be understood as the choice by public administration of the option of solving a management issue in the form of adopting an administrative act (normative or individual) in conditions of insufficient certainty of the situation and (or) circumstances about which this administrative act is adopted.

The second conclusion: administrative discretion is related not only to administrative law and administrative process, but also to public law in general. In fact, within the framework of administrative discretion is allowed interpretation and application of norms of almost any branch of public law. Another issue is that the subjects of administrative discretion as a general rule are bodies of executive power and their officials. But this is a good thing. These subjects should not be too many, because, as Spinoza said, if everyone had the freedom to interpret public law at his discretion, no state could not exist.

Keywords: discretion, discretion, administrative discretion, judicial discretion, public administration, legal risks

For citation: Starostin, S.A. (2024) Reflections on administrative discretion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 58–75. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/5

Целью настоящей статьи является развитие и углубление дискуссии по актуальной для российской административно-правовой теории и юридической практики проблеме – проблеме административного усмотрения, дискреции.

При ее подготовке вектор дискуссии несколько раз изменялся в сторону раскрытия соотношения, взаимосвязи, корреляции административного усмотрения, необходимости и возможности оценки научной деятельности, наукометрии. Задача усложнялась тем, что было необходимо каким-либо разумным образом связать наукометрию и административное усмотрение. Практически в это же время проходил шестой профессорский форум «Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики» (г. Москва, 14–16 ноября 2023 г.), и мы полагали, что наше участие в нем, в особенности в работе секции «Развитие системы аттестации научных кадров. Наукометрическая оценка научной деятельности. Проблемы и перспективы», упростит решение этой задачи, позволит максимально глубоко погрузиться в проблему наукометрии.

Но наши ожидания не оправдались. Совершенствование оценки результатов научной деятельности, наукометрии свелось в основном лишь к разработке иных баз данных, индексов цитирования. Как было отмечено в основном докладе, уже практически закончена работа над созданием новой платформы международного индекса научного цитирования (МИНЦ). Не очень ясно, чем ее авторам не понравилась действующая система РИНЦ, почему бы просто не поменять первые буквы и добавить языки стран БРИКС, а также несколько отшлифовать в целом удачную и действующую систему.

Таким образом, наша попытка связать административное усмотрение и наукометрию не увенчалась успехом, хотя и, несомненно, является любопытной и привлекательной. Ее привлекательность состоит в попытке измерить и оценить результаты научной деятельности с помощью количественных показателей, баллов, рейтингов [1. С. 16]. Но если и возможно цифрами измерить внешние показатели – количество научных публикаций, индексы цитирования, оригинальность публикаций, то я абсолютно убежден, что измерить таким же образом *содержание и качество научных исследований* нельзя.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Ф.М. Достоевского, административное усмотрение и наукометрия – «два предмета разные, и вот в этом-то и беда». И заблуждаются те ученые, которые верят, что наукометрия способна дать ответ на вопрос о том, насколько качественными являются научные знания.

В нашей статье об этом практически ничего не будет сказано, но не потому, что нам не хочется раскрывать, каким образом административное усмотрение связано с оценкой научной деятельности, а потому, что попросту не представляем, как эти две категории можно связать.

Таким образом, наша цель – рассмотреть проблему содержания и понимания дискреционных полномочий публичной администрации, административного усмотрения не как двух абстрактных научных категорий, а как сугубо практических явлений, выявить их значение для более эффективной административно-юрисдикционной и судебной защиты прав и свобод граждан.

Теперь об основных проблемах дискреции, административного усмотрения.
Во-первых.

Основная наша задача в том, что мы должны договориться о единообразии понимания категорий и терминов и не допустить ситуацию, которая, например, сложилась ровно 60 лет назад, когда Надежда Георгиевна Салищева предложила широкое и узкое понимание административного процесса [2. С. 16–17]. Об этом очень резко высказались А.П. Шергин и менее резко, но более точно П.П. Серков («степень дискуссионности вредит и доктрине, и практике»).

Думается, что нам нужно договориться о терминах и четко решить, что мы будем сегодня и в дальнейшем обсуждать. В противном случае дискуссия может продлиться долгие годы и какого-то общего знаменателя на терминологическом поле так и не появится.

Для уяснения природы административной дискреции, административного усмотрения было бы очевидно недостаточным всего лишь продемонстрировать, какие его стороны являются предметом изучения права, а какие – предметом иных наук (философии, экономики, социологии, истории и многих других). Не менее важно ответить на другие, казалось бы, элементарные вопросы – являются ли эти категории синонимами, к какой отрасли юридического знания (как фундаментального, так и отраслевого, и прикладного) относятся административная дискреция и административное усмотрение? Только ли к административному праву и административному процессу? Возможно, ко всему публичному праву в целом?

Мы должны определиться с тем, насколько современное понимание административного усмотрения соответствует отечественной доктрине административного права, какова цель административного усмотрения, каковы его границы и пределы.

Давайте разберемся.

Удивительно, но в России по-прежнему остается дискуссионным элементарный вопрос – является ли административное усмотрение правовой или неправовой категорией.

Административное усмотрение мы называем административным не потому, что его субъект соблюдает или нарушает нормы административного права и административного процесса, а потому, что в качестве этого субъекта выступает государственная (публичная) администрация, ее органы и должностные лица [З. С. 418].

Конституция РФ заложила ряд фундаментальных принципов организации единой системы публичной власти в РФ (приоритет прав и свобод человека и гражданина, верховенство права и пр.). Данные принципы были конкретизированы в ряде федеральных законов (о Государственном Совете Российской Федерации, об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации и др.).

Помимо принципов единой системы публичной власти, был установлен вектор ее деятельности – взаимодействие органов публичной власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (см. ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, введенную Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»).

Главное, содержательное понимание административного усмотрения состоит в том, что чиновник должен иметь выбор, ограниченный рамками права, и поступать он обязан так, как это соответствует интересам гражданина. Если же права гражданина нарушены, то чиновник должен быть привлечен к ответственности, а права гражданина восстановлены.

Таким образом, административное усмотрение по определению всегда правовое. Оно возникает тогда, когда в правовой норме наличествуют правовые предписания, по причине чего субъект государственного управления оказывается вынужден сделать выбор в пользу одного из этих предписаний. Например, согласно ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, оскорбление, нанесенное гражданином, наказывается административным штрафом в размере от 3 000 до 5 000 руб.

Правовое усмотрение может иметь и более эклектичный источник – множество правовых предписаний, закрепленных либо в разных нормах одного правового акта, либо в разных правовых актах, но регулирующих, тем не менее, одни и те же общественные отношения.

Характерный пример норм об усмотрении в одном акте можно обнаружить в Земельном кодексе РФ:

Статья 39.43. Решение об установлении публичного сервитута

3. Орган, уполномоченный на установление публичного сервитута, вправе по согласованию с правообладателями земельных участков, в отношении которых устанавливается публичный сервитут, и лицом, подавшим ходатайство об установлении публичного сервитута, утвердить иной вариант границ публичного сервитута, чем предусмотренный ходатайством.

Статья 56.6. Решение об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд

6. Орган местного самоуправления или орган исполнительной власти, принявшие решение об изъятии, в том числе по результатам выявления правообладателей изымаемой недвижимости и (или) переговоров с ними об изъятии земельных участков, по согласованию с лицом, подавшим ходатайство об изъятии земельных участков (при его наличии), вправе утвердить иной вариант схемы расположения земельного участка.

Статья 95. Земли особо охраняемых природных территорий

5. В целях создания новых и расширения существующих земель особо охраняемых природных территорий органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе принимать решения о резервировании земель, которые предполагается объявить землями особо охраняемых природных территорий, с последующим изъятием таких земель и об ограничении на них хозяйственной деятельности.

Теперь приведем примеры усмотрения, имеющегося в разных актах, но регулирующих одни и те же общественные отношения:

Статья 12 Федерального закона от 30 июня 2006 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества»:

Исполнительные органы государственной власти и органы местного самоуправления, предусмотренные статьей 39.2 Земельного кодекса РФ, вправе обеспечивать проведение кадастровых работ, государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав граждан на земельные участки, предназначенные для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, строительства гаражей для собственных нужд или индивидуального жилищного строительства, и находящиеся на таких земельных участках объекты капитального строительства.

Статья 3.4 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»:

12. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по управлению федеральным имуществом, вправе распоряжаться земельным участком, государственная собственность на который не разграничена, со дня принятия межведомственным коллегиальным органом, образованным в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2008 года № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства», решения о целесообразности осуществления федеральным органом исполнительной власти,

осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом, полномочий по распоряжению таким земельным участком в целях, способами и в порядке, которые предусмотрены Федеральным законом от 24 июля 2008 года № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства».

13. Орган местного самоуправления вправе распоряжаться земельным участком, государственная собственность на который не разграничена и распоряжение которым этот орган был не вправе осуществлять в соответствии с пунктом 5 или 6 настоящей статьи, в следующих случаях:

1) межведомственным коллегиальным органом, образованным в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2008 года № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства», принято решение о нецелесообразности осуществления федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом, полномочий по распоряжению таким земельным участком;

2) указанным в подпункте 1 настоящего пункта межведомственным коллегиальным органом принято решение о целесообразности осуществления федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом, полномочий по распоряжению таким земельным участком и в течение одного года со дня принятия данного решения этот федеральный орган исполнительной власти или по его поручению единый институт развития в жилищной сфере не распорядился таким земельным участком в целях, способами и в порядке, которые предусмотрены Федеральным законом от 24 июля 2008 года № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»;

3) в течение шести месяцев со дня прекращения в соответствии с пунктом 5 или 6 настоящей статьи права распоряжения органом местного самоуправления таким земельным участком указанный в подпункте 1 настоящего пункта межведомственный коллегиальный орган не принял решение о целесообразности осуществления федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом, полномочий по распоряжению таким земельным участком;

4) со дня получения уведомления единого института развития в жилищной сфере о досрочном расторжении заключенных единым институтом развития в жилищной сфере договора аренды земельного участка, государственная собственность на который не разграничена, договора безвозмездного пользования таким земельным участком, в том числе в целях комплексного освоения территории, или о полном выполнении обязательств сторон по этим договорам в отношении таких земельных участков;

5) со дня получения уведомления единого института развития в жилищной сфере об образовании земельных участков из земельного участка, в отношении которого единым институтом развития в жилищной сфере заключен договор комплексного освоения территории, и у лица, с которым единым институтом развития в жилищной сфере заключен этот договор, в от-

ношении таких земельных участков в соответствии с этим договором не возникают обязательства по строительству и иному освоению территории в соответствии с проектом планировки территории.

Таким образом неправового административного усмотрения не может быть.

Вместе с тем значительно чаще встречаются ситуации, когда отношения не урегулированы правом и должностное лицо уже действует по своему усмотрению, вне рамок нормы и выбирает лучшее на его взгляд решение (поведение). Но возможна и другая ситуация: норма есть, и перед чиновником снова выбор – не нарушать норму, либо по каким-то причинам ее нарушить. Но это уже другая ситуация. И другие последствия.

Нарушение всегда опосредует либо административный произвол, либо административную ошибку, либо некоторый недостаток нормы при условии, что этот недостаток препятствует реализации легальных полномочий, обязанностей, прав, свобод и законных интересов. Но это не административное усмотрение, это иная, более широкая управленческая категория, которую можно обобщенно назвать **внеправовым** усмотрением, выбором не только неправового (ошибка, произвол и т.п.) решения, но и решения, когда общественные отношения не урегулированы нормой.

Таким образом, неправоное усмотрение (нарушена норма) всегда правонарушение. В связи с этим любое деяние в рамках данной формы дискреции требует тщательного анализа со стороны компетентных структур для установления виновности или невиновности совершившего его лица.

О внеправовом усмотрении (норма не нарушена) можно говорить, если определенная сфера общественных отношений еще не охвачена правовым регулированием, из-за чего всякое публично-управленческое решение, принятое властным субъектом в границах данного участка, нельзя признать ни правовым, ни неправовым. Поскольку в современном мире законодатель зачастую не успевает запрограммировать перманентно усложняющиеся общественные отношения, эта форма осуществления дискреционных полномочий с каждым годом становится все более и более распространенной.

Именно во внеправовом усмотрении сосредоточены наибольшие объемы дискреционных полномочий и именно при их неправильной реализации допускаются самые серьезные и масштабные нарушения прав, свобод и законных интересов граждан [4. С.18].

Во-вторых.

Являются ли административная дискреция и административное усмотрение синонимами? Полагаем, что являются, и в нашей статье мы и будем использовать их в данном качестве.

Вот несколько определений дискреционных полномочий.

Известно выражение: «Там, где заканчивается закон, начинается тирания». Сегодня его часто заменяют на совершенно иное утверждение: «Там, где заканчивается закон, начинается усмотрение» [5].

Существует множество суждений, смысл которых в том, что «абсолютная свобода (власть) развращает (абсолютно)» [6]. Прочитую по этому

поводу лишь Л.Н. Толстого: «Власть имеющие развратились, потому что имеют власть» [7].

Многие понимают усмотрение, дискрецию как произвол. Например, отечественный правовед А.И. Елистратов рассматривал административное усмотрение в том числе как «благожелательный произвол» [8. С. 220]. Но это абсолютно не так. Дискреция, административное усмотрение возможны только лишь в границах установленных нормами полномочий публичной администрации.

Это, конечно, так, но и совсем не так, административное усмотрение, дискреция могут стать достаточно эффективным инструментом индивидуализации оценок и принятия эффективных решений.

Несколько исторических фактов.

В Римской империи утверждалось, что законы в принципе не могут предусмотреть и вобрать в себя все возможные жизненные ситуации и обстоятельства, а потому был введен в оборот термин «справедливость». По этому поводу юрист Гай писал: «Надо всегда помнить о том, что могут встретиться случаи, когда решение может быть обоснованным, но в то же время таким, что и исполнять несправедливо, и принуждение неуместно».

Что же касается усмотрения, то ему в римском праве была посвящена отдельная формула: «Усмотрение есть знание о том, что является справедливым с точки зрения права» (лат. «Discretio est scire per legem quid sit justum») [9. Р. 38].

Известна и другая формула, свидетельствующая о том, что римляне были далеки от правового фетишизма: «Высшее право есть высшее зло» (лат. «Jus summum saepe summa malitia est»).

Цицирон утверждал, что право должно быть основано на требовании нравственности и закона. Судебный процесс в Древнем Риме состоял из двух стадий: первая – рассмотрение дела у претора, вторая – в суде. На первой стадии, без участия судей, предъявлялись и оценивались доказательства, выдвигались обвинения, решение объявлялось истцу и ответчику. Последний в случае установления его вины становился подсудимым [10. С. 168–175].

По ст. 62 Саксонского зеркала, если судья запрашивал сведения от сторон по своему усмотрению, а не согласно праву, «то это не во вред и не на пользу сторонам».

В XVIII–XIX вв. в европейских странах административное усмотрение не контролировалось ни общими, ни административными судами [11. С. 99]. Такое ограничение создавало условия для произвола и беззакония.

По этому поводу многие отечественные юристы высказались достаточно жестко: «Наша зависимость от административного усмотрения является болезнью, глубоко въевшейся в наш государственный организм... наше право ставит в зависимость от ничем не ограниченного усмотрения администрации удовлетворение жизненных потребностей человека» [12. С. 72–73].

Конечно, всегда предпринимались попытки искусственно ограничить дискрецию. Но все они потерпели крах, а некоторые из них с позиции сегодняшнего дня и вовсе выглядят комично.

Так, составители Кодекса Хаммурапи старались предусмотреть в нем все мыслимые и немыслимые ситуации. Например, одна из норм Кодекса Хаммурапи звучит следующим образом: «Если трактирщица не принимает зерно в качестве оплаты за выпивку, а требует деньги, хотя цена предложенного ей зерна выше, чем цена выпивки, то эту трактирщицу надлежит бросить в воду (т.е. утопить)».

Желание избежать усмотрения еще более явно прослеживалось в Прусском общеземском уложении 1794 г., составители которого попытались уместить все гражданское право в 19 тыс. статей. Разумеется, эта попытка также не увенчалась успехом.

Статьи 17, 21, 27 и 71 Конституционной хартии Франции прямо наделяли короля правом усмотрения в законотворческом процессе (выбор палаты, в которую король может внести не связанный с налогами законопроект, «благоусмотрение» при утверждении законов), назначении пэров Франции и пожаловании дворянских титулов.

В Российской империи широкие пределы усмотрения, среди прочего, имели наместнические правления, которым было дано право налагать пени неопределенного размера на «всех непослушных, ропотливых, ленивых и медлительных» подданных.

Среди отечественных дореволюционных работ особый интерес представляет монография Н.И. Лазаревского «Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами», в которой рассматривалась юридическая ответственность как должностных лиц, так и судей за «неправильные действия» [13].

В литературе тех лет отмечалось, что обязательные постановления революционного периода в значительной своей части не являлись подзаконными актами, нося характер «революционного правотворчества» [14. С. 955–956], при этом подчеркивалась необходимость ограничения усмотрения местных властей в связи с «укреплением революционной законности и твердого правопорядка» [15. С. 241–244].

Яркий пример неограниченности усмотрения – обязательные постановления местных органов власти и управления в ранней РСФСР. Например, виновные в нарушении обязательного постановления Отдела управления Московского уездного Совета от 19 апреля 1921 г. [16], а также в сбыте недоброкачественных продуктов и их фальсификации подвергались аресту до одного месяца или штрафу по усмотрению Отдела управления.

Еще один пример.

Прекращение Указом Президента РСФСР от 6 ноября 1991 г. деятельности КПСС и КП РСФСР, роспуск их организационных структур означали окончательный отказ Президента от использования легитимных способов решения вопроса – путем передачи его компетентным судебным инстанциям согласно Закону СССР «Об общественных объединениях».

Как и в случаях с Указами от 23 и 25 августа 1991 г., Президент РСФСР предпочел дискреционный метод властвования, вторгся в сферу судебной власти, действовал по своему усмотрению, вышел за пределы полномочий, возложенных на него Конституцией и законами Российской Федерации.

На момент издания Указа – 6 ноября 1991 г., впрочем, как и до этого, Президент РСФСР располагал вполне легитимными средствами решения вопроса о КПСС и КП РСФСР на основе норм Закона СССР «Об общественных объединениях». Однако он не использовал их, а применил сугубо административный порядок, представляющий собой грубое нарушение конституционного права на объединение и основанный на усмотрении и политической целесообразности.

В советское время административное усмотрение приобрело несколько иное содержание – считалось, что в деятельности администрации не должно было быть сферы, недоступной для контроля. В этих целях было создано Министерство государственного контроля¹.

Министерство являлось центральным союзно-республиканским органом государственного управления СССР, осуществлявшим контроль за производственной, хозяйственной и финансовой деятельностью государственных, кооперативных, общественных организаций, учреждений, предприятий.

При этом важно отметить, что даже в условиях однопартийной системы целесообразность контроля заключалась не только в претворении в жизнь политики партии; контроль способствовал также и достижению конечных результатов, повышению уровня организованности и ответственности должностных лиц, противодействию коррупции и произволу администрации [17. С. 286]. Как отмечал А.Я. Вышинский, «революционная целесообразность в области осуществления революционной законности есть не что иное, как применение советских законов в соответствии с их революционной целью» [18. С. 70].

Целесообразность закона многими отечественными авторами связывалась не только с процессом законотворчества, но и правоприменения. Главное не в том, следует или не следует выполнять закон, а как целесообразнее исполнить его нормы, потому что закон, ставя перед администрацией цель, не всегда полно и с исчерпывающей полнотой определяет условия и образ действия администрации [19].

Следовательно, в целях защиты граждан от произвола необходимо, чтобы обращение гражданина в орган государственной власти в полной степени соответствовало нормам права.

Однако должностное лицо, принимающее решение, должно обладать некоторой свободой действий для учета многих нюансов и внешних обстоятельств, которые в нормах права учесть невозможно. Всегда надо отдавать себе отчет в том, насколько существенное значение имеет ошибка в выборе того или иного решения, поведения, и каковы юридические последствия этой ошибки, какова ответственность за нее.

¹ Создан 15 марта 1946 г., в соответствии с Законом СССР от 15 марта 1946 г. «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Совета Народных Комиссаров союзных и автономных республик – в советы Министров союзных и автономных республик».

Теперь несколько современных примеров административного усмотрения:

- приказом Банка России 1996 г. в связи с нецелесообразностью функционирования Главного управления ЦБ РФ (Банка России) по Ямало-Ненецкому автономному округу приказ о его создании отменен [20];

- распоряжением Правительства Москвы в связи с нецелесообразностью дальнейшей реализации признано утратившим силу распоряжение Правительства Москвы «О реализации проекта жилой застройки первой очереди Люберецких полей аэрации» [21];

- распоряжением администрации Санкт-Петербурга признано нецелесообразным реорганизацию Государственного учебно-производственного автотранспортного предприятия Комитета по образованию Санкт-Петербурга» [22].

И таких примеров огромное количество.

Приведенные ситуации со стороны могут показаться несколько эклектичными и разнородными, однако они отражают сущность дискреции и административного усмотрения – сложную, противоречивую и, разумеется, пока еще не сложившуюся систему. Об этом не следует забывать, потому что в ней могут обнаружиться ответы на многие вопросы, которые будут поставлены в исследованиях административного усмотрения других авторов.

Кроме того, дискреционные решения, административное усмотрение не могут быть сведены только лишь к праву публичной администрации по своему внутреннему убеждению, самостоятельно оценить все факторы и многообразие сложившихся обстоятельств и принимать наиболее правильные решения, которые ей предоставлены.

В-третьих.

Усмотрение – характерный признак и необходимый элемент государственного управления. Главной предпосылкой его возникновения является многообразие общественных отношений, конкретных жизненных ситуаций, которые нельзя предусмотреть заранее и облечь в юридические конструкции.

Однако некоторые исследователи считают, что такую ситуацию нельзя признать нормальной. По их мнению, общественные отношения должны регулироваться правом, а не дискрецией. В качестве способа для ограничения или искоренения дискреции такие исследователи предлагают административные процедуры. Однако сможет ли закон об административных процедурах действительно лимитировать дискрецию? Думается, что нет. Представим себе ситуацию: должностное лицо отказывается разрешать административное дело на основании того, что в законе отсутствует необходимая процедура, а к собственному усмотрению он прибегать не вправе. Очевидно, что в данном случае не просто снизится эффективность государственного управления, а вообще вся государственная машина перестанет работать.

Таким образом, принятие закона об административных процедурах как средства пресечения реализации дискреционных полномочий в данном контексте не является панацеей, потому что оно лишено всякого смысла из-за

сущностного противоречия: закон станет действовать лишь тогда, когда в него будут инкорпорированы нормы об административном усмотрении, однако именно против административного усмотрения должны быть направлены остальные нормы закона [23. С. 62–68].

В-четвертых.

Важнейшим, онтологическим свойством административного усмотрения является его дуалистический характер. Он заключается в том, что дискреционные решения могут приводить и к благоприятным, и к неблагоприятным последствиям. Выражаясь языком формальных наук, усмотрение – это не столько некоторое число, сколько модуль этого числа, при снятии которого перед числом может оказаться как положительный, так и отрицательный знак. Вот почему наделение государственного чиновника дискреционной властью не только гарантирует компетенционную витальность последнего, но и в известном смысле провоцирует его на поправление прав, свобод и законных интересов граждан.

Если усмотрение так или иначе связано с числовыми величинами, у него должны быть конкретные объемы (также их называют пределами, границами, размерами и т.д.). Объемы дискреционных полномочий можно сопоставлять, опираясь на качественный или количественный критерии. В качественном измерении отражается совокупность полномочий, принадлежащих отдельному органу власти или должностному лицу, в количественном измерении – совокупность полномочий, которые возложены на всех властных субъектов, функционирующих на определенной территории.

Объемы дискреционных полномочий необходимо устанавливать для того, чтобы знать характер и масштабы исходящих от них рисков. Так, объемы судебного усмотрения в качественном аспекте многократно превышают объемы административного усмотрения, а в количественном аспекте значительно уступают им. Отсюда следует, что судебный произвол угрожает правопорядку нарушениями, которые существенно ограничивают права и свободы граждан, но совершаются сравнительно нечасто, а административный произвол опасен массовыми, но не настолько тяжкими по степени своей общественной опасности деликтами. Данные особенности нужно учитывать при противодействии публичному произволу [24. С. 107–118].

В-пятых.

Административное усмотрение реализуется как в административно-процедурной, так и в административно-юрисдикционной сфере. Отличие между этими двумя реализациями заключается лишь в векторе дискреционной деятельности, векторе усмотрения.

Так, поскольку функции должностного лица органа исполнительной власти связаны с обеспечением прав и свобод граждан, то его дискреционные полномочия будут ориентированы на поиск *наиболее лучшего решения*.

В ином случае для органов исполнительной власти, наоборот, характерны функции по ограничению прав и свобод граждан, поэтому усмотрение их должностных лиц в соответствии с принципом гуманизма будет заключаться в поиске *наименее худшего решения*.

Ввиду этого дискреционная административно-юрисдикционная деятельность всегда есть рискованная деятельность, ибо в ней содержатся такие факторы, которые неизбежно влекут за собой отрицательные последствия как минимум для одной из сторон административного правоотношения (например, применение к гражданину мер административного принуждения, сопротивление гражданина при применении к нему мер административного принуждения), что может потребовать от государственного служащего совершения пресекающих их действий.

Административное усмотрение отличается еще и по объемам дискреционных полномочий: поскольку административно-принудительная деятельность непременно сопровождается рисками, то для ее успешного осуществления должностному лицу требуется больший объем дискреционных полномочий, нежели для осуществления административно-процедурной деятельности [25. С. 281–282].

В-шестых.

Административное усмотрение представляет собой ярко выраженную межотраслевую категорию. Необходимо подчеркнуть, что при описании форм административного усмотрения речь идет не только об административном материальном и процессуальном праве и его нормах, но и о иных отраслях права (уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, земельном, воздушном праве и др.) и их нормах.

Надо понимать, что один и тот же институт может одновременно быть правовым, социальным, экономическим, философским, этическим и т.д., однако в распоряжении специалиста юридического профиля находится только правовой инструментарий. Соответственно, для того чтобы, например, не изучать психологическую сторону вопроса посредством формально-догматического метода, необходимо сначала развести между собой психологический и юридический аспекты исследуемой проблемы. Сказанное в полной мере относится и к другим социальным и гуманитарным наукам, представители которых проявляют научный интерес к реализации дискреционных полномочий.

Необходимо сущностное отграничение административного усмотрения от других видов усмотрения.

Во избежание терминологической путаницы следует различать между собой четыре понятия: 1) административное усмотрение; 2) судебное усмотрение; 3) судебный контроль за административным усмотрением; 4) судебное усмотрение при осуществлении судебного контроля за административным усмотрением. Эти четыре понятия, разумеется, имеют определенную связь друг с другом, однако обозначают различные (отчасти даже по своей отраслевой принадлежности) категории, явления, процессы и институты.

В-седьмых.

Административное усмотрение (в особенности в рамках административно-принудительной деятельности) характеризуется сравнительно высо-

ким количеством административных ошибок, допускаемых в ходе реализации дискреционных полномочий. В научной литературе отмечается, что государственные органы и их должностные лица абсолютно легально могут совершать те или иные действия, которые прямо или косвенно противоречат целям их деятельности, в том числе и административные ошибки, что обусловлено наличием альтернативы поведения (усмотрения). Но если с юридической точки зрения административные ошибки есть однозначно негативный феномен, который в идеале нужно ликвидировать напрочь, то с управленческих позиций административные ошибки относятся к транзакционным издержкам – отрицательным, но неотъемлемым спутникам процесса принятия оперативных управленческих решений, от которых никогда не удастся избавиться.

В завершение настоящей статьи сделаем два вывода.

Первый вывод: под административным усмотрением следует понимать выбор публичной администрацией варианта решения управленческого вопроса в форме принятия административного акта (нормативного или индивидуального) в условиях недостаточной определенности ситуации и (или) обстоятельств, по поводу которых и принимается данный административный акт.

Второй вывод: административное усмотрение связано не только с административным правом и административным процессом, но и с публичным правом вообще. Ведь в рамках административного усмотрения допускается толкование и применение норм чуть ли не любой отрасли публичного права. Другой вопрос, что субъекты административного усмотрения по общему правилу являются органами исполнительной власти и их должностными лицами. Но это и хорошо. Данных субъектов не должно быть слишком много, ведь, как говорил Спиноза, если бы каждый имел свободу толковать публичное право по своему усмотрению, ни одно государство не смогло бы существовать.

Вместе с тем из сказанного следует, что административисты вряд ли имеют право на монополизацию административного усмотрения. Дискреционные полномочия органов исполнительной власти и их должностных лиц – это межотраслевая категория, которую могут плодотворно изучать специалисты по конституционному праву, уголовно-исполнительному праву, финансовому праву и т.д. Надеемся, что настоящая статья станет прологом к дальнейшим межотраслевым дискуссиям, посвященным реализации дискреционных полномочий органами публичной администрации.

Список источников

1. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии, второе издание / М.А. Акоев, В.А. Маркусова, О.В. Москалева, В.В. Писляков ; под. ред. М.А. Акоева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 250 с.

2. Ведяшкин С.В. К вопросу об административном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2022. С. 16–17.

3. Соловей Ю.П. Административное усмотрение (сравнительно-правовое исследование) // Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. VIII: Административное право в системе современного российского права / под ред. Р.Л. Хачатурова, А.П. Шергина. М., 2022. С. 407–454.
4. Зайцев Д.И. Административное усмотрение как средство преодоления неопределенности в правовых актах управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 1. С. 15–27.
5. Ernst K. Pakuscher. The Use of Discretion in German Law. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3895&context=uclrev>
6. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987–1990.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Худ. лит., 1928–1958.
8. Елистратов А.И. Административное право. Лекция 1-ая. Задача административного права и его общественное значение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5 (21). С. 218–220.
9. Halkerston P. A Collection of Latin Maxims & Rules, in Law and Equity. Edinburgh, 1823. 218p.
10. Гридин С.И. История возникновения административного процесса в Древнем Риме // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 168–175.
11. Щепалов С.В. Административное выдворение нелегального мигранта и судебное усмотрение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11. С. 97–107.
12. Лазаревский Н. Административное усмотрение // Право. 1990. № 41, 42.
13. Лазаревский Н. Ответственность за убытки, причиненными должностными лицами. Догматическое исследование. СПб., 1905. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rs101003727959?page=7&rotate=0&theme=white>.
14. Ривлин А.Л. О пределах административного усмотрения в области издания обязательных постановлений и наложения взысканий за их нарушение // Вестник советской юстиции. 1925. № 24 (58). С. 955–957.
15. Зокиров Т.З. Принцип законности в советском уголовном праве и процессе в 1920–1930-х гг. // IV Студенческий юридический форум : сб. докл. и тез. выступлений участников : в 4 т. / под общ. ред. А.В. Сладковой. 2017. С. 241–244.
16. Было принято во исполнение декрета СНК от 29 марта 1921 г. и постановления президиума Моссовета от 4 апреля 1921 г. «О продаже и обмене продуктов сельского хозяйства и изделий из них».
17. Тарасов А.М. Государственный контроль в советский период: его сущность и этапы развития. СПб. : Записки горного университета, 2003. С. 281–286.
18. Вышинский А.Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1933. 104 с.
19. Лунев А.Е., Студеникин С.С., Ямпольская Ц.А. Социалистическая законность в советском государственном управлении. М., 1948. 136 с.
20. Приказ Банка России от 1 октября 1996 г. № 02-369 «Об отмене Приказа Центрального банка Российской Федерации» от 8 июля 1993 г. № 02-112 «О создании Главного управления Центрального банка Российской Федерации (Банка России) по Ямало-Ненецкому автономному округу». URL: <https://nalogcodex.ru/zakonodatelstvo/prikaz-banka-rossii-ot-01.10.1996-n-02-369?ysclid=lsld7ig18q1243188> (дата обращения: 11.01.2024).
21. Распоряжение Правительства Москвы от 24 мая 2010 г. № 990-РП «О признании утратившим силу распоряжения Правительства Москвы от 8 декабря 2008 г. № 2900-РП». URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/17805220?ysclid=lsldjawd4d355040927> (дата обращения: 11.01.2024).
22. Распоряжение Администрации Санкт-Петербурга от 30 апреля 2002 г. № 714-ра «О признании утратившим силу распоряжения губернатора Санкт-Петербурга от

17.01.2000 № 26-п». URL: <https://docs.cntd.ru/document/8361958?ysclid=lsdhkx3070446488057> (дата обращения: 11.01.2024).

23. Административные процедуры : учеб. пособие / отв. ред. А.В. Сладкова. М. : Проспект, 2024. 328с.

24. Щепалов С.В., Зайцев Д.И. Административное и судебное усмотрение в российской науке: проблемы соотношения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 107–118.

25. Зайцев Д.И. Генеалогия административного усмотрения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 3. С. 272–284.

References

1. Akoev, M.A., Markusova, V.A., Moskaleva, O.V. & Pislyakov, V.V. (2021) *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii* [A Guide to scientometrics: Indicators of Science and Technology Development]. 2nd ed. Ekaterinburg: Ural Federal University.

2. Vedyashkin, S.V. (2022) K voprosu ob administrativnom protsesse [On the administrative process]. In: Vedyashkin, S.V., Geymbukh, N.G., Zhuravlev, M.M. & Kuznetsov, S.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–17.

3. Solovey, Yu.P. (2022) Administrativnoe usmotrenie (sравnitel'no-pravovoe issledovanie) [Administrative discretion (comparative legal research)]. In: Khachaturov, R.L. & Shergin, A.P. (eds) *Formirovaniye i razvitiye otrasley prava v istoricheskoy i sovremennoy pravovoy real'nosti Rossii* [The formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia]. Vol. 8. Moscow: Yurlitinform. pp. 407–454.

4. Zaytsev, D.I. (2024) Administrativnoe usmotrenie kak sredstvo preodoleniya neopredelenosti v pravovykh aktakh upravleniya [Administrative discretion as a means of overcoming uncertainty in legal acts of management]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 1. pp. 15–27.

5. Pakuscher, E.K. (n.d.) *The Use of Discretion in German Law*. [Online] Available from: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3895&context=uclrev>

6. Klyuchevskiy, V.O. (1987–1990) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl'.

7. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

8. Elistratov, A.I. (2016) Administrativnoe pravo. Lektsiya 1-aya. Zadacha administrativnogo prava i ego obshchestvennoye znachenie [Administrative law. Lecture 1. The task of administrative law and its social significance]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 5(21). pp. 218–220.

9. Halkerston, P. (1823) *A Collection of Latin Maxims & Rules, in Law and Equity*. Edinburgh: [s.n.].

10. Gridin, S.I. (2022) Istoriya vozniknoveniya administrativnogo protsesssa v Drevnem Rime [History of the emergence of the administrative process in Ancient Rome]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). Pravovoe obespechenie natsional'noy bezopasnosti*. 11(99). pp. 168–175.

11. Shchepalov, S.V. (2022) Administrativnoe vydvorenije nelegal'nogo migranta i sudеbnое usmotrenije [Administrative expulsion of an illegal migrant and judicial discretion]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 11. pp. 97–107.

12. Lazarevskiy, N. (1990) Administrativnoe usmotrenije [Administrative discretion]. *Pravo*. 41, 42.

13. Lazarevskiy, N. (1905) *Orvetstvennost' za ubytki, prichinennymi dolzhnostnymi litsami. Dogmaticheskoe issledovanie* [Liability for losses caused by officials. Dogmatic research]. St. Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003727959?page=7&rotate=0&theme=white>.

14. Rivlin, A.L. (1925) O predelakh administrativnogo usmotreniya v oblasti izdaniya obyazatel'nykh postanovleniy i nalozheniya vzyskaniy za ikh narushenie [On the limits of administrative discretion in issuing mandatory regulations and imposing penalties for their violation]. *Vestnik sovetskoy yustitsii*. 24(58). pp. 955–957.
15. Zokirov, T.Z. (2017) Printsip zakonnosti v sovetskom ugovnom prave i protsesse v 1920–1930-kh gg. [The principle of legality in Soviet criminal law and procedure in the 1920–1930s]. In: Sladkova, A.V. (ed.) *IV Studencheskiy yuridicheskiy forum* [The Fourth Student Legal Forum]. Tambov: TPS. pp. 241–244.
16. The Soviet of People's Commissars. (1921) Decree of the Soviet of People's Commissars of March 29, 1921.
17. Tarasov, A.M. (2003) Gosudarstvennyy kontrol' v sovetskiy period: ego sushchnost' i etapy razvitiya [The state control in the Soviet period: its essence and stages of development]. *Zapiski gornogo universiteta*. pp. 281–286.
18. Vyshinskiy, A.Ya. (1933) *Revolutsionnaya zakonnost' na sovremennom etape* [Revolutionary Legality at the Present Stage]. Moscow: [s.n.].
19. Lunev, A.E., Studenikin, S.S., & Yampolskaya, Ts.A. (1948) *Sotsialisticheskaya zakonnost' v sovetskom gosudarstvennom upravlenii* [Socialist legality in Soviet public administration]. Moscow: USSR Ministry of Justice.
20. The Bank of Russia. (1993) *Prikaz Banka Rossii ot 1 oktyabrya 1996 g. № 02-369, Ob otmene Prikaza Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii ot 8 iyulya 1993 g. № 02-112 O sozdanii Glavnogo upravleniya Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii (Banka Rossii) po Yamalo-Nenetskomu avtonomnomu okrugu* [Order No. 02-369 of the Bank of Russia dated October 1, 1996, On the cancellation of Order No. 02-112 of the Central Bank of the Russian Federation dated July 8, 1993, On the creation of the Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) for the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. [Online] Available from: <https://nalogcodex.ru/zakonodatelstvo/prikaz-banka-rossii-ot-01.10.1996-n-02-369?ysclid=ls7d7ig18q1243188> (Accessed: 11th January 2024).
21. The Moscow Government. (2008) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Moskvy ot 24 maya 2010 g. № 990-RP "O priznanii utrativshim silu rasporyazheniya Pravitel'stva Moskvy ot 8 dekabrya 2008 g. № 2900-RP"* [Order No. 990-RP of the Moscow Government of May 24, 2010, On declaring Order No. 2900-RP of the Moscow Government of December 8, 2008, as invalid]. [Online] Available from: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/17805220/?ysclid=ls7djawd4d355040927> (Accessed: 11th January 2024).
22. The Administration of St. Petersburg. (2000) *Rasporyazhenie Administratsii Sankt-Peterburga ot 30 aprelya 2002 g. № 714-ra "O priznanii utrativshim silu rasporyazheniya gubernatora Sankt-Peterburga ot 17.01.2000 N 26-r"* [Order No. 714-ra of the Administration of St. Petersburg dated April 30, 2002, On recognizing Order No. 26-r of the Governor of St. Petersburg dated January 17, 2000, as invalid]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/8361958?ysclid=ls7dkx3070446488057> (Accessed: 11th January 2024).
23. Sladkova, A.V. (ed.) (2024) *Administrativnye protsedury* [Administrative Procedures]. Moscow: Prospekt.
24. Shchepalov, S.V. & Zaytsev, D.I. (2022) Administrative and judicial discretion in Russian Science: problems of correlation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 46. pp. 107–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/46/8
25. Zaytsev, D.I. (2023) Genealogy of administrative discretion. *Sibirskoe yuridi-cheskoe obozrenie – Siberian Legal Review*. 20(3). pp. 272–284. (In Russian). DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-272-284

Информация об авторе:

Старостин С.А., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: prof.starostin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0108-7916; ResearcherID: 10.17223/22253513/32/7

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Starostin S.A., Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow, Russian Federation). E-mail: prof.starostin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0108-7916; ResearcherID: 10.17223/22253513/32/7

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.*

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.17223/22253513/51/6

Особенности отбывания пенальных наказаний лицами пожилого возраста в период распространения новой коронавирусной инфекции (зарубежный опыт)

**Павел Владимирович Тепляшин^{1, 2},
Юлия Михайловна Заборовская³,
Инна Викторовна Малышева⁴**

¹ Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Красноярск, Россия

^{2, 3} Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Новокузнецк, Россия

⁴ Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний,
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

^{1, 2} pavlushat@mail.ru

³ dum333@bk.ru

⁴ innal108@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются условия и трудности, с которыми столкнулись заключенные, а также администрация исправительных учреждений некоторых зарубежных стран в период распространения новой коронавирусной инфекции (рост хронических заболеваний и смертности среди лиц пожилого возраста, проблемы применения досрочного освобождения). Указанные проблемы ставят вопрос о необходимости применения дифференцированного подхода к лицам пожилого возраста, отбывающих лишение свободы.

Ключевые слова: пандемия, геронтологическая преступность, тюрьма, принцип гуманизма, заболевание COVID-19

Для цитирования: Тепляшин П.В., Заборовская Ю.М., Малышева И.В. Особенности отбывания пенальных наказаний лицами пожилого возраста в период распространения новой коронавирусной инфекции (зарубежный опыт) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 76–90. doi: 10.17223/22253513/51/6

Original article

doi: 10.17223/22253513/51/6

Peculiarities of serving penal sentences by elderly persons during the period of spread of a new coronavirus infection (foreign experience)

Pavel V. Teplyashin^{1,2}, Yulia M. Zaborovskaya³, Inna V. Malysheva⁴

¹ *Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation*

^{2,3} *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russian Federation*

⁴ *University of FPS of Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation*

^{1,2} *pavlushat@mail.ru*

³ *dum333@bk.ru*

⁴ *inna1108@yandex.ru*

Abstract. The subject of the study presented in the article is the peculiarities of serving imprisonment by elderly prisoners in a number of foreign countries during the pandemic of a new infectious disease (COVID-19), the most dangerous for the life and health of elderly people. The purpose of the study is to determine the need to create conditions for elderly prisoners from the point of view of providing medical services in the context of the coronavirus pandemic and new forms of coronavirus that have appeared as a result of mutation, characterized by an increased risk to the life and health of elderly people. As the fundamental methods, an analysis of foreign experience in responding to the COVID-19 pandemic, variability in decision-making using the deductive, comparative and legal method were chosen, in addition, a statistical method and a situational analysis method were used.

The following provisions are presented as results: firstly, the problem of creating special conditions for older convicts in modern prison systems is very relevant. In a number of countries, such conditions have been created, and the category of elderly prisoners is a special category. Secondly, in the context of a coronavirus pandemic, a significant part of States decided to release persons early as a response to the possibility of the spread of infection. On the one hand, such a reaction by States has reduced the risk of infection in penitentiary institutions and, accordingly, the mortality of older persons. However, given the problems that have arisen in medical institutions in connection with the pandemic around the world, this measure cannot be considered unequivocally positive. In prisons, the spread of infection is COVID-19 monitored, anti-epidemic measures are constantly carried out, in addition, all prisoners, including the elderly, are provided with medical services on a mandatory basis. Another problem related to the pandemic is strikes and riots as a reaction to the increase in restrictive measures imposed on the possibility of the spread of coronavirus infection. The results obtained can be used in the law enforcement practice of penitentiary institutions in Russia and abroad, and can also be taken into account when amending legislative acts.

Thus, the first, aging trend of the prison population around the world requires special attention from researchers and practitioners. We consider it necessary to allocate separate premises for elderly prisoners and create a «contactless» environment in the context of the spread of new forms of COVID-19, since it is this category of persons that is at increased risk to life and health. Second, early release as a preventive measure in the context of the spread of new forms of COVID-19 cannot be considered as an unequivocally positive measure. Third, the pandemic has provoked all sorts of disciplinary violations in penitentiary institutions, which requires special attention to improving security systems.

Keywords: pandemic, gerontological crime, prison, the principle of humanism, COVID-19 disease

For citation: Teplyashin, P.V., Zaborovskaya, Yul.M. & Malysheva, I.V. (2024) Peculiarities of serving penal sentences by elderly persons during the period of spread of a new coronavirus infection (foreign experience). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 76–90. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/6

В условиях пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), мировым сообществом была выявлена наиболее уязвимая категория граждан – пожилые лица (старше 70 лет). Смертность этой категории лиц с диагнозом «коронавирусная инфекция» превышает в 8 раз смертность лиц среднего возраста [1]. Со времен пандемии 2019 г. прошло относительно немного времени, вирус мутировал несколько раз (омикрон, кракен, пирола) и стал более опасен [2]. Отмена масочного режима привела к всплеску в ноябре 2023 г. нового варианта COVID-19 как России, так и зарубежом [3]. В группе риска продолжают находиться пожилые лица, лица, страдающие астмой и болезнями легких. Однако рост заболеваемости отмечается и у более молодого населения, и у детей. Это актуализирует вопрос, во-первых, о возможности распространения новой волны коронавирусной инфекции среди осужденных (заключенных), отбывающих пенальное наказание зарубежом, т.е. наказание, связанное с изоляцией осужденного от общества, которое исполняется в тюремных учреждениях; во-вторых, об обеспечении особых условий содержания лиц пожилого возраста в отечественных и зарубежных учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Сегодня исправительные учреждения, расположенные в России, в которых осужденные отбывают уголовные наказания, не предполагают возрастного ранжирования в отношении лиц пенсионного и предпенсионного возраста.

Не принимая во внимание пандемию новой коронавирусной инфекции, стоит отметить, что пенитенциарные системы большинства развитых государств испытывают потребность в создании особых условий для содержания и лечения заключенных пожилого возраста в силу специфики возрастных особенностей и состояния здоровья. Иностранное уголовное право ряда развитых государств относит лиц пенсионного и предпенсионного возраста к отдельной категории заключенных, что требует создания особых условий отбывания наказания. Так, например, в пенитенциарных учреждениях **Испании** для исследуемой категории осужденных предусмотрены отдельные помещения специального назначения, расположенные внутри общих помещений, при условии сохранения установленного режима, с пространствами и процедурами, адаптированными к физическим и психологическим особенностям пожилых лиц, где пожилые осужденные содержатся отдельно от остальных [4. Р. 8]. В некоторых штатах **США** пожилые заключенные также содержатся в отдельных корпусах или специальных подразделениях [4. Р. 8]. Старение в период отбывания уголовного наказания, а также увеличе-

ние числа пожилых заключенных создают серьезные проблемы для уголовного правосудия, пенитенциарной системы и общественного здравоохранения в США. Гериатрический синдром и более высокая распространенность сопутствующих заболеваний среди пожилых заключенных приводят к их повышенной уязвимости в тюремной среде.

При этом создание особых условий для пожилых заключенных представляется довольно сложным по многим причинам: во-первых, требуются значительные финансовые затраты [5, 6]; во-вторых, требуется разработка стандартов содержания лиц пожилого возраста [7]; в-третьих, довольно трудно особые условия совместить со стандартными, едиными для всех заключенных [8]. Хотя стоит отметить, что общемировая тенденция старения тюремного населения проявляется довольно явно, это демонстрирует статистика [9], и становится все более обсуждаемой в научных кругах [10–12].

Пандемия COVID-19 еще больше обострила проблему создания особых условий для пожилых заключенных и оказания им медицинской помощи в пенитенциарных учреждениях, создав ситуацию неопределенности при принятии решений и обострив проблему доступности и объема медицинских услуг для пожилых осужденных в пенитенциарных учреждениях.

Эмпирические исследования, посвященные доступу пожилых людей к медицинской помощи в местах лишения свободы, довольно скудны. Это объясняется тем, что и с медицинской точки зрения, и с правовой позиции, пожилые заключенные не представляли особого интереса как отдельная категория: пожилой заключенный обеспечивается медицинскими услугами на общих основаниях. Проблема медицинского обслуживания пожилых лиц в целом и осужденных к лишению свободы в частности в последние годы все чаще вызывает исследовательский интерес не только с позиции объемов медицинских услуг и их оплаты, но и с точки зрения доступности такого рода услуг. Например, учеными из **Швейцарии** была осуществлена выборка 35 пожилых заключенных (средний возраст 61 год) и произведен опрос о доступности услуг здравоохранения в тюрьме. Результаты исследования выявили три препятствия для доступа к медицинским услугам в тюрьме: психологические препятствия, негативные последствия оказанных медицинских услуг и препятствия, связанные с возрастом [13. Р. 223–228].

Для пенитенциарных учреждений проблема создания особых условий для пожилых осужденных может быть минимизирована применением досрочного освобождения от наказания. Стоит констатировать, что содержание в тюрьмах лиц пенсионного возраста и имеющих право на назначение пенсии по старости является дорогостоящим [14], в этой связи применение досрочного освобождения от наказания целесообразно. Однако для досрочного освобождения должны быть объективные основания, которые оцениваются судом. Естественно, что большинство пожилых заключенных желают провести последние дни, месяцы или годы вне тюрьмы и рассчитывают на применение в отношении них досрочного освобождения [15. Р. 5–22].

Пандемия новой коронавирусной инфекции выступила неким дополнительным основанием для досрочного освобождения или изменения уголовного наказания. Так в **Италии** был принят закон «О чрезвычайном положении в связи с COVID-19», предоставивший возможность 1 904 заключенным из тюрем отбывать оставшуюся часть наказания под домашним арестом, некоторым заключенным было заменено лишение свободы на альтернативные меры наказания в связи с наличием хронических заболеваний, что зачастую характерно для лиц пожилого возраста. Правительство **Афганистана** освободило 10 тыс. заключенных 26 марта 2020 г. В основном это были женщины, молодые люди, тяжелобольные и заключенные старше 55 лет [16].

После того, как во **Франции** был выявлен заключенный с положительным диагнозом COVID-19, все остальные 230 заключенных, контактировавших с этим заключенным, были помещены в карантин на 14 дней [17]. 16 марта 2020 г. во Франции в одной из тюрем скончался от COVID-19 74-летний мужчина, страдающий сахарным диабетом, что вызвало массовые беспорядки в следственных изоляторах по всей стране из-за страха распространения новой коронавирусной инфекции [18]. Данная ситуация стала толчком для досрочного освобождения заключенных во Франции, имеющих хронические заболевания, а также тех, кому осталось отбывать наказание менее 1 месяца [17].

Массовые беспорядки 22 марта 2020 г. в одной из тюрем **Колумбии** из-за опасений распространения COVID-19 (в результате бунта 83 заключенных ранены, 23 убиты) стали причиной принятия решения о досрочном освобождении заключенных, осужденных за незначительные преступления. 4–5 апреля 2020 г. было освобождено 10 тыс. заключенных. Освобождение не распространялось на лиц, осужденных за преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, а также лиц, совершивших коррупционные преступления или преступления против безопасности человечества [16]. Отметим, что паника, вызванная страхом болезни в закрытом помещении, последующая попытка побега и бунт среди заключенных в одной из тюрем Колумбии были безосновательными, поскольку по состоянию на 22 марта 2020 г. после тестирования на наличие COVID-19 никто не был изолирован, поскольку ни у заключенных, ни у тюремного персонала не было положительного теста на коронавирус [19].

Говоря о досрочном освобождении от наказания стоит также отметить, что условия распространения новой коронавирусной инфекции спровоцировали активное применение этой меры: более 128 тыс. заключенных были освобождены в 20 государствах-членах в качестве превентивной меры по сокращению распространения COVID-19 [20].

Конечно, освобождение от наказания не решает государственную проблему предоставления медицинских услуг лицам пожилого возраста, особенно после освобождения из мест заключения. В условиях пандемии COVID-19 2020 г. с учетом общего состояния сферы здравоохранения во всех государствах, вопрос досрочного освобождения заключенных носил отягощающий характер для медицинской сферы и самих осужденных, так

как предоставление медицинских услуг по объективным причинам осложнено, а здоровье освобожденного лица за время отбывания наказания, как правило, подорвано, болезни носят хронический характер [4]. Все это требует особого внимания и принятия решения о досрочном освобождении с учетом принципов законности, гуманности и справедливости [21; 22. С. 40-41].

Сказанное актуализирует проблему оказания медицинских услуг в учреждениях, где содержатся пожилые заключенные. Увеличение численности пожилых людей в тюрьмах создало значительные проблемы для практикующих врачей в рамках исправительных систем и учреждений общественного здравоохранения [21]. Нахождение в тюрьмах пожилых заключенных и заключенных, имеющих хронические заболевания, осложняется пандемией COVID-19.

Отсутствие правовых механизмов регулирования отношений в условиях объявленной пандемии новой коронавирусной инфекции, проблема определения режима самоизоляции [23. С. 54–55], отсутствие юридической ответственности за невыполнение санитарных требований [24] – все это лишь осложняет деятельность пенитенциарных учреждений, дестабилизирует сложившиеся отношения, провоцирует массовые беспорядки. Так, например, пандемия стала причиной 40 тюремных забастовок в пенитенциарных учреждениях разных государств, таких как **Италия, Таиланд, Иран, Колумбия и США**. Эти массовые беспорядки в тюрьмах и социальная напряженность были связаны с отсутствием у заключенных возможности осуществлять основные рекомендации по уходу за собой в период распространения COVID-19 (дезинфекцию рук, социальную дистанцированность), в то время как в этих государствах вносились предложения по криминализации передачи социально опасного заболевания COVID-19 (нарушение дистанции, выход на улицу при наличии карантинного предписания, отказ от использования масок и перчаток и др.). Во многих государствах были введены ограничения для населения [25].

В пенитенциарных учреждениях ряда государств в целях предотвращения возникновения и распространения вируса COVID-19 были введены меры, подобные тем, которые вводились государствами на всей территории. В тюрьмах **Сербской Республики** с 11 по 31 марта 2020 г. было принято решение провести ряд ограничительных мер: приостановлено использование помещений за пределами пенитенциарного учреждения для заключенных, отбывающих тюремное заключение, трудоустройство заключенных за пределами пенитенциарного учреждения, посещение членами семьи и другими лицами, а также посещение заключенными культурных и спортивных мероприятий, организуемых за пределами пенитенциарного учреждения; организованы лекции для всех заключенных о мерах по предотвращению распространения COVID-19; осуществлена дезинфекция помещений в исправительных учреждениях; созданы помещения для возможного размещения инфицированных заключенных в рамках стационарной медицинской службы; отдельная работа проведена с сотрудниками исправительных учреждений о действиях в случаях появления симптомов новой коронавирусной

инфекции у заключенных [20]. Дополнительной гарантией, направленной на снижение риска распространения COVID-19, стало принятие администрацией тюрем в различных государствах запрета на посещение заключенных родственниками (**Австралия, Бразилия, Чехия, Ирландия** и др.) [16]. В **Королевстве Нидерландов** тюремное заключение совмещено с отбыванием наказания дома с применением электронного наблюдения (электронного браслета) в период отпуска, выходных, отсутствия работы в тюрьме. По состоянию на 15 апреля 2020 г. в отношении 157 человек было принято решение минимизировать перемещения заключенных, теперь они постоянно находятся дома под электронным наблюдением [20]. Обращает на себя внимание факт того, что пожилые заключенные дополнительными мерами не обеспечиваются, изоляция их от иных категорий лиц не осуществляется. Однако социальное дистанцирование характерно для одиночного заключения. Большинство таких заключенных чувствуют себя в безопасности, находясь в изоляции, в том числе и лица старше 60 лет [26].

Стоит отметить, что некоторыми государствами учет заболеваемости в учреждениях пенитенциарных систем ведется отдельно. В тюрьмах **Австрии** по состоянию на 15 апреля 2020 г. был выявлен 1 случай заражения сотрудника пенитенциарной системы и не выявлено заражений среди заключенных [20]. На 18 июня 2020 г. фактов подтверждения наличия новой коронавирусной инфекции не зафиксировано в исправительных учреждениях следующих государств: Республика Сербская (Биг), Болгария, Грузия, Исландия, Латвия, Лихтенштейн, Литва, Мальта, Черногория, Северная Македония и Сан-Марино. Факты подтвержденного инфицирования COVID-19 как среди заключенных, так и среди персонала были выявлены в таких государствах, как Австрия, Албания, Дания, Франция, Италия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Российская Федерация, Сербия, Испания (Каталония и государственная администрация), Швеция, Турция и Шотландия (Великобритания). Факты инфицирования COVID-19 только среди персонала обнаружены в следующих государствах: Андорра, Армения, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Финляндия, Греция, Венгрия, Ирландия, Молдова, Монако, Португалия, Румыния и Северная Ирландия (Великобритания), а только среди заключенных в таких государствах, как Азербайджан, Кипр, Люксембург, Словацкая Республика и Словения [20]. Считаем необходимым вести подобную статистику как по регионам отдельно взятого государства, так и в целом сравнивая ситуацию в разных государствах с целью обмена опытом сдерживания распространения вирусных инфекций в учреждениях пенитенциарной системы, а также инновационными формами профилактики вирусных заболеваний в допустимых законом рамках.

В США среди сотрудников наличие заболевания было подтверждено почти в 4 тыс. случаях, из них публично сообщалось лишь о 13 смертях. Поскольку система тестирования на коронавирус во всём мире для рабочих и служащих носит на сегодняшний день необязательный и несистемный характер, реальную ситуацию распространения COVID-19 проследить прак-

тически невозможно. Однако в США выявлена некая закономерность: заключенные с диагнозом COVID-19 умирают в четыре раза чаще, чем тюремный персонал с положительным тестом. По словам Дэвида Розена, профессора медицины из Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле, различные показатели смертности могут быть объяснены разницей в возрастном распределении среди тюремного персонала и тех, кого они охраняют [27]. Первым заключенным, умершим 26 марта 2020 г. в США от новой коронавирусной инфекции, стал 49-летний Anthony Cheek (Энтони Чик), который содержался в тюрьме Lee State Prison (Джорджия). С момента смерти Чика по меньшей мере 130 других заключенных умерли от причин, связанных с COVID-19. Первые случаи заболевания COVID-19 среди заключенных были диагностированы в Джорджии и Массачусетсе 20 марта [27]. Распространение COVID-19 в тюремной системе США, как и других стран, показало, что период нахождения в тюрьме заключенных старше 60 лет превратился в смертный приговор [28]. Обращает на себя внимание открытость подобных сведений в США.

Для учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы во многих государствах характерны типичные признаки: переполненность тюрем и ограничение передвижения, недоступная или некачественная медицинская помощь, высокая распространенность хронических заболеваний и сопутствующих заболеваний, а также стареющее население тюрем, что фактически усугубляет риск тяжелых осложнений и смертельных случаев [27]. Заключенные в тюрьмах и других местах лишения свободы живут в непосредственной близости друг от друга в условиях плохой вентиляции, поэтому уровень риска передачи инфекции от человека к человеку через капельную и аэрозольную передачу выше [29]. В этой связи заболевание типа COVID-19 может увеличить смертность в учреждениях, ухудшить санитарно-эпидемиологическое состояние и, как уже было отмечено выше, спровоцировать нарушение установленного порядка.

Вместе с тем инфекция в обществе распространяется иначе, чем в тюрьме, поскольку на свободе люди свободно перемещаются, встречаются на открытых площадках и в закрытых помещениях: на работе, в школе, магазинах, взаимодействуют между собой. Все это, очевидно, увеличивает в разы риск заразиться вирусным заболеванием. Именно этим фактом американские исследователи объясняют то, что уровень смертности в тюрьмах, по сведениям на конец апреля 2020 г., гораздо ниже, чем в целом по стране [27]. Однако степень распространения инфекции и уровень смертности среди заключенных, особенно пожилого возраста, в пенитенциарных учреждениях, в случае попадания инфекции на порядок выше, чем в обычной жизни: при попадании в пенитенциарные учреждения COVID-19 за последующие две недели в апреле 2020 г. уровень тюремной инфекции превысил распространение более чем на 150%, чем среди свободного населения в целом; за неделю по состоянию на 22 апреля 2020 г. уровень заражения среди заключенных вырос более чем втрое по сравнению с предыдущей неделей [27]. При оценке смертности заключенных стоит обратить внимание на то, что их воз-

раст может достигать 65 лет и старше [27], а это, безусловно, группа повышенного риска в случае с новой коронавирусной инфекцией. Соотношение указанных позиций требует всестороннего изучения ситуации и возможных последствий, факторов, провоцирующих внесение и возможное распространение инфекции в условиях «закрытых» тюремных учреждений.

Стоит особо отметить, что ограничение свободы и невозможность выполнения санитарных требований с целью профилактики распространения COVID-19 в период отбывания наказания может спровоцировать череду жалоб, связанных как с нарушением прав заключенных в период отбывания наказания, так и с нарушением уголовно-процессуальных гарантий [30] и права на справедливое судебное разбирательство. Будет ли категория пожилых заключенных рассматриваться как особая категория лиц, чьи права (право на жизнь и безопасность) в период пандемии новой коронавирусной инфекции не были обеспечены должным образом, покажет время. Тем не менее безусловным является тот факт, что сегодня законодатели большинства развитых стран не рассматривают пожилых осужденных как отдельную категорию (за некоторым исключением).

Среди мер, направленных на профилактику распространения COVID-19, которые могут быть использованы в тюрьмах, американские ученые отмечают следующие: тестирование персонала и заключенных на наличие симптомов заболевания, предоставление масок и других защитных средств персоналу и заключенным, регулярная дезинфекция жилых помещений и предметов общего пользования, безопасная подготовка и доставка еды и сведение к минимуму ненужных межличностных контактов [27]. Все это требует не только внесения соответствующих изменений в нормативные правовые акты, но и значительных финансовых ресурсов.

Пандемия COVID-19 подняла в обществе огромное количество проблем. Тема создания особых условий для пожилых заключенных в связи с появлением инфекций, особо опасных для лиц пожилого возраста, безусловно, не входит и в десятку первоочередных как для мирового сообщества в целом, так и для пенитенциарных систем отдельных государств, однако заслуживает исследования в аспекте создания дифференцированных условий и раздельного содержания [31] при отбывании наказания в виде лишения свободы лицами пожилого возраста и исследования вопроса о досрочном освобождении тяжело больных осужденных как в отечественном [32], так и зарубежном пенитенциарном праве. Как верно указывает А.А. Храмов, нормативно-правовые акты в сфере исполнения наказания иногда «уже не отвечают сложившимся в сфере исполнения наказаний реалиям», однако ориентируют нас к обращению к международным нормам в сфере обращения с заключенными [33. С. 107]. Пандемия является предикатом для совершенствования правоотношений в сфере исполнения пенальных наказаний во всем мире, в том числе и в России, поскольку выявила существующие правовые и практические проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы и в регулировании правового статуса лиц, отбывающих лишение сво-

боды и стареющих в стенах исправительного учреждения. Возраст осужденного стал основанием для предоставления правовых преимуществ [34. С. 497] лицам пожилого возраста в период пандемии с целью снижения смертности в различных пенитенциарных учреждениях. Выход России из состава Совета Европы и ослабление действия европейских стандартов обращения с заключенными, как справедливо указывает В.И. Селиверстов, не заставили «исчезнуть» из правового влияния все международные стандарты обращения с осужденными [35. С. 27]. Наличие в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве прав, определяющих специфику правового положения осужденных, в том числе и лиц пожилого возраста, не снимает, по мнению В.А. Уткина, «оптимального соотношения законодательных и подзаконных актов в установлении ограничений осужденных» [36. С. 101]. Рост заболеваемости COVID-19 и проблема профилактики распространения различных инфекций в исправительных учреждениях ставят открытым вопрос о необходимости предусмотреть самостоятельное введение в пенитенциарных учреждениях карантинных мер. В любом случае вновь принятые нормы, имеющие как дозволительный характер, так и установление запретов и ограничений, должны быть обоснованы и направлены на исправление осужденного и обеспечение его безопасности [37. С. 217].

Таким образом, изучение особенностей содержания пожилых лиц, находящихся в заключении, позволило прийти к некоторым выводам:

1. Тенденция старения тюремного населения, характерная для всех государств, в условиях пандемии COVID-19, опасной для лиц пожилого возраста, может спровоцировать ухудшение эпидемиологической ситуации в учреждениях, увеличение смертности при отсутствии возможности создать для таких заключенных особые условия (отдельные от лиц иных возрастных категорий помещения; оказание медицинских услуг с учетом особенностей возраста, например, геронтолога и др.).

2. Досрочное освобождение от уголовного наказания не всегда может быть положительной мерой для пожилого заключенного, здоровье которого в период отбывания наказания по объективным причинам ухудшилось, хронические заболевания обострились. Особенно внимательно нужно принимать такие решения в условиях повышенной неопределенности в государстве и мире, что было характерно для первого полугодия 2020 г.

3. Распространение новой коронавирусной инфекции в мире и в учреждениях пенитенциарной системы требует введения особых, возможно постоянных, мер: выявление заболевших инфекционными заболеваниями и их изолирование, ношение масок, дезинфекция помещений и др. Это требует дополнительных исследований, разработки единой международной политики, внесение изменений в национальное законодательство.

Список источников

1. Возрастная статистика умерших от коронавируса ужасает прогнозами для пожилых людей. URL: <https://pronedra.ru/vozrastnaya-statistika-umershix-ot-koronavirusa-udivlyaet-svoimi-dannymi-457699.html> (дата обращения: 01.09.2020).

2. Что известно о «Пиролле»: симптомы и опасность нового подварианта коронавируса. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/09/20/covid/> (дата обращения: 01.12.2023).
3. ВОЗ: заболеваемость COVID в мире выросла более чем на 50%. 23.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65867f639a794751690b5270?from=copy> (дата обращения: 04.01.2024).
4. Maldonado F. The Elderly and Prison Policy: A Matter of Humanity or Legal Rights? // *Politica Criminal*. 2019. № 27. P. 1–46.
5. Aging prison populations drive up costs. Older individuals have more chronic illnesses and other ailments that necessitate greater spending. URL: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/articles/2018/02/20/aging-prison-populations-drive-up-costs> (accessed: 01.12.2023).
6. The steep cost of medical co-pays in prison puts health at risk. URL: <https://www.prisonpolicy.org/blog/2017/04/19/copays/> (accessed: 01.12.2023).
7. Angus C. Older prisoners: trends and challenges. URL: <https://www.parliament.nsw.gov.au/researchpapers/Documents/older-prisoners-trends-and-challenges/Older%20prisoners%20-%20trends%20and%20challenges.pdf> (accessed: 01.12.2023).
8. Prison conditions in the Member States: selected European standards and best practices. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/113568/briefing-prisons.pdf> (accessed: 01.12.2023).
9. Ageing prison population inquiry. Justice Committee. URL: https://www.ageuk.org.uk/globalassets/age-uk/documents/reports-and-publications/consultation-responses-and-submissions/care--support/justice_committee_ageing_prison_population_inquiry_submission_october2019.pdf (accessed: 01.12.2023).
10. Handtke V. Time to act: Vulnerabilities of aging prisoners in Switzerland. München, Deutschland : University of Basel, 2015. 259 p.
11. Kim K., Peterson B. Aging behind bars trends and implications of graying prisoners in the federal prison system. August : Urban Institute, 2014. 29 p.
12. The high costs of low risk: the crisis of America's aging prison population. URL: https://www.prisonpolicy.org/scans/Osborne_Aging_WhitePaper.pdf (accessed: 01.12.2023).
13. Heidari R., Wangmo T., Galli S., Bretschneider W. Accessibility of prison healthcare for elderly inmates, a qualitative assessment // *Journal of Forensic and Legal Medicine*. 2017. № 52. P. 223–228.
14. Aizawa I. Public awareness and medical care in prison. URL: https://www.researchgate.net/publication/321939979_Public_awareness_and_medical_care_in_prison (accessed: 01.12.2023).
15. Handtke, V., Bretschneider, W., Elger, B., Wangmo, T. The collision of care and punishment: Ageing prisoners view on compassionate release // *Punishment & Society*. 2017. № 19 (1). P. 5–22.
16. Impact of the COVID-19 pandemic on prisons. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Impact_of_the_COVID-19_pandemic_on_prisons (accessed: 01.12.2023).
17. Coronavirus: Belloubet ouvre la voie à la libération de détenus malades ou en fin de peine. URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/coronavirus-belloubet-ouvre-la-voie-a-la-liberation-de-detenus-en-fin-de-peine-et-de-malades-20-03-2020-8284443.php> (accessed: 01.12.2023).
18. Mort d'un détenu à Fresnes : les prisons à l'épreuve de l'épidémie de coronavirus URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/mort-d-un-detenu-a-fresnes-les-prisons-a-l-epreuve-de-l-epidemie-de-coronavirus-19-03-2020-8283483.php> (date of publication: 01.12.2023).
19. 23 dead in prison riot in Colombia prompted by coronavirus fears, Ministry of Justice says. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/23/americas/colombia-prison-riots/index.html> (accessed: 01.12.2023).
20. Aebi M., Tiago M. Prisons and prisoners in Europe in pandemic times: an evaluation of the short-term impact of the COVID-19 on prison populations. URL: <https://www.researchgate.net/publication/342345043> (accessed: 01.12.2023).

21. What should we do about our aging prison population? URL: <https://daily.jstor.org/what-should-we-do-about-our-aging-prison-population/> (accessed: 01.12.2023).
22. Лунгу Е.В. Отраслевое проявление конституционных принципов в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 38–45.
23. Малышева И.В. Право в условиях коронавирусной пандемии: новые реалии и проблемы режима самоизоляции // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 54–56.
24. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 5–14.
25. Bartholomew J.A. pandemic in prisons. URL: https://www.researchgate.net/publication/341834737_A_pandemic_in_prisons (accessed: 01.12.2023).
26. Pyrooz D., Tostlebe J., Useem B., Labrecque R. Views on COVID-19 from inside prison: perspectives of high-security prisoners // Justice Evaluation Journal. 2020. № 6. P. 1–13.
27. Tracking the spread of coronavirus in prisons. URL: <https://www.themarshallproject.org/2020/04/24/tracking-the-spread-of-coronavirus-in-prisons> (accessed: 01.12.2023).
28. Coronavirus in Texas: He was supposed to be in prison less than a year. Instead, he died after catching the coronavirus. URL: <https://www.texastribune.org/2020/07/07/texas-prison-coronavirus-deaths/> (accessed: 01.12.2023).
29. Wang J., Yang W., Pan L. et al. Prevention and control of COVID-19 in nursing homes, orphanages, and prisons // Environ Pollut. 2020. № 226. P. 115–161.
30. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 5–15.
31. Савушкин С.М. Вопросы раздельного содержания изолированных лиц в «праве лишения свободы» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4(63). С. 28–34.
32. Алфимова О.А. Инвалидность и тяжелая болезнь как основания освобождения от наказания по действующему уголовному и уголовно-исполнительному законодательству России // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников форума (приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»). Академия ФСИН России, 2023. С. 22–26.
33. Храмов А.А. Логика уголовно-исполнительного правового регулирования: к постановке проблемы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 4 (10). С. 104–108.
34. Воробьев С.М. Правовые преимущества осужденных к лишению свободы: теоретико-правовые проблемы // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 4. С. 489–500.
35. Селиверстов В.И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1(61). С. 19–29.
36. Уткин В.А. Права осужденных в исправительных учреждениях: ограничения и обеспечение // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 96–106.
37. Савушкин С.М., Храмов А.А. Обоснованность обязанностей и запретов, установленных для осужденных к лишению свободы // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 216–228.

References

1. Pronedra.ru. (n.d.) *Vozrastnaya statistika umershikh ot koronavirusa uzhasaet prognozami dlya pozhilykh lyudey* [Age statistics of deaths from coronavirus are terrifying with

forecasts for older people]. [Online] Available from: <https://pronedra.ru/vozrastnaya-statistika-umershih-ot-koronavirusa-udivlyaet-svoimi-dannymi-457699.html> (Accessed: 1st September 2020).

2. Yusupov, E. (2023) *Что izvestno o "Pirole": simptomy i opasnost' novogo podvarianta koronavirusa* [What is known about Pyrol: Symptoms and danger of a new subvariant of the coronavirus]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2023/09/20/covid/> (Accessed: 1st December 2020).

3. WHO. (2023) *Zabolevaemost' COVID v mire vyrosla bolee chem na 50%* [COVID incidence in the world has increased by more than 50%]. 23rd December. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65867f639a794751690b5270?from=copy> (Accessed: 4th January 2024).

4. Maldonado, F. (2019) The Elderly and Prison Policy: A Matter of Humanity or Legal Rights? *Politica Criminal*. 27. pp. 1–46.

5. Pew Trusts. (2018) *Aging prison populations drive up costs. Older individuals have more chronic illnesses and other ailments that necessitate greater spending*. [Online] Available from: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/articles/2018/02/20/aging-prison-populations-drive-up-costs> (Accessed: 1st December 2023).

6. Sawyer, W. (2017) *The steep cost of medical co-pays in prison puts health at risk*. [Online] Available from: <https://www.prisonpolicy.org/blog/2017/04/19/copays/> (Accessed: 1st December 2023).

7. Angus, C. (2015) *Older prisoners: trends and challenges*. [Online] Available from: <https://www.parliament.nsw.gov.au/researchpapers/Documents/older-prisoners-trends-and-challenges/Older%20prisoners%20-%20trends%20and%20challenges.pdf> (Accessed: 1st December 2023).

8. Rafaelli, R. (2017) *Prison conditions in the Member States: selected European standards and best practices*. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/cms-data/113568/briefing-prisons.pdf> (Accessed: 1st December 2023).

9. UK. (2019) *Ageing prison population inquiry. Justice Committee*. [Online] Available from: https://www.ageuk.org.uk/globalassets/age-uk/documents/reports-and-publications/consultation-responses-and-submissions/care--sup-port/justice_committee_ageing_prison_population_inquiry_submission_october2019.pdf (Accessed: 1st December 2023).

10. Handtke, V. (2015) *Time to Act: Vulnerabilities of Aging Prisoners in Switzerland*. München: University of Basel.

11. Kim, K. & Peterson, B. (2014) *Aging behind bars trends and implications of graying prisoners in the federal prison system*. August: Urban Institute.

12. The Osborne Association, USA. (n.d.) *The high costs of low risk: the crisis of America's aging prison population*. [Online] Available from: https://www.prisonpolicy.org/scans/Osborne_Aging_WhitePaper.pdf (Accessed: 1st December 2023).

13. Heidari, R., Wangmo, T., Galli, S. & Bretschneider, W. (2017) Accessibility of prison healthcare for elderly inmates, a qualitative assessment. *Journal of Forensic and Legal Medicine*. 52. pp. 223–228.

14. Aizawa, I. (2017) *Public awareness and medical care in prison*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/321939979_Public_awareness_and_medical_care_in_prison (Accessed: 1st December 2023).

15. Handtke, V., Bretschneider, W., Elger, B. & Wangmo, T. (2017) The collision of care and punishment: Ageing prisoners view on compassionate release. *Punishment & Society*. 19(1). pp. 5–22.

16. Wikipedia. (n.d.) *Impact of the COVID-19 pandemic on prisons*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Impact_of_the_COVID-19_pandemic_on_prisons (Accessed: 1st December 2023).

17. LeParisian. (2020a) *Coronavirus: Belloubetouvre la voie à la libération de détenus malades ou en fin de peine*. [Online] Available from: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/coronavirus-belloubetouvre-la-voie-a-la-liberation-de-detenus-en-fin-de-peine-et-de-malades-20-03-2020-8284443.php> (Accessed: 1st December 2023).

18. LeParisian. (2020b) *Mort d'un détenu à Fresnes: les prisons à l'épreuve de l'épidémie de coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/mort-d-un-detenu-a-fresnes-les-prisons-a-l-epreuve-de-l-epidemie-de-coronavirus-19-03-2020-8283483.php> (Accessed: 1st December 2023).
19. Vera, A. (2020) *23 dead in prison riot in Colombia prompted by coronavirus fears, Ministry of Justice says*. [Online] Available from: <https://edition.cnn.com/2020/03/23/americas/colombia-prison-riots/index.html> (Accessed: 1st December 2023).
20. Aebi, M. & Tiago, M. (2020) *Prisons and prisoners in Europe in pandemic times: an evaluation of the short-term impact of the COVID-19 on prison populations*. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/342345043> (Accessed: 1st December 2023).
21. Reese, H. (2019) *What should we do about our aging prison population?* [Online] Available from: <https://daily.jstor.org/what-should-we-do-about-our-aging-prison-population/> (Accessed: 1st December 2023).
22. Lungu, E.V. (2023) Otrazheno pro yavleniye konstitutsionnykh printsipov v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii [Sectoral manifestation of constitutional principles in the penal legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4(57). pp. 38–45.
23. Malysheva, I.V. (2020) Pravo v usloviyakh koronavirusnoy pandemii: novye realii i problemy rezhima samoizolyatsii [Law in the context of the coronavirus pandemic: New realities and problems of the self-isolation regime]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 8. pp. 54–56.
24. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2018) Obshchesotsial'nye determinanty prestupnosti [General social determinants of crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 12(1). pp. 5–14.
25. Bartholomew, J.A. (2020) Pandemic in prisons. *Social Anthropology*. 28(2). DOI: 10.1111/1469-8676.12857
26. Pyrooz, D., Tostlebe, J., Useem, B. & Labrecque, R. (2020) Views on COVID-19 from inside prison: perspectives of high-security prisoners. *Justice Evaluation Journal*. 6. pp. 1–13.
27. Park, K., Meagher, T. & Li, W. (2020) *Tracking the spread of coronavirus in prisons*. [Online] Available from: <https://www.themarshallproject.org/2020/04/24/tracking-the-spread-of-coronavirus-in-prisons> (Accessed: 1st December 2023).
28. McCullough, J. (2020) *He was supposed to be in prison less than a year. Instead, he died after catching the coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.texastribune.org/2020/07/07/texas-prison-coronavirus-deaths/> (Accessed: 1st December 2023).
29. Wang, J., Yang, W., Pan, L. et al. (2020) Prevention and control of COVID-19 in nursing homes, orphanages, and prisons. *Environmental Pollution*. 226. pp. 115–161.
30. Andreeva, O.I. & Kachalova, O.V. (2020) Russian criminal trial in the era of coronavirus: challenges of time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 36. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/36/1
31. Savushkin, S.M. (2022) Voprosy razdel'nogo soderzhaniya izolirovannykh lits v “prave lisheniya svobody” [Issues of separate detention of isolated persons in the “right of deprivation of liberty”]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 4(63). pp. 28–34.
32. Alfimova O.A. (2023) Invalidnost' i tyazhelaya bolezni kak osnovaniya osvobodzheniya ot nakazaniya po deystvuyushchemu ugolovnomu i ugolovno-ispolnitel'nomu zakonodatel'stvu Rossii [Disability and serious illness as grounds for exemption from punishment under the current criminal and penal legislation of Russia]. *VI Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie”* [VI International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction”]. Proc. of the Conference. Ryazan, November 15–17, 2023. pp. 22–26.
33. Khranov, A.A. (2021) Logika ugolovno-ispolnitel'nogo pravovogo regulirovaniya: k postanovke problemy [The logic of penal legal regulation: towards the formulation of the problem]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 4(10). pp. 104–108.

34. Vorobiev, S.M. (2023) Pravovye preimushchestva osuzhdennykh k lisheniyu svobody: teoretiko-pravovye problemy [Legal advantages of those sentenced to imprisonment: theoretical and legal problems]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 18(4). pp. 489–500.

35. Seliverstov, V.I. (2023) Sovershenstvovanie ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v sovremennykh usloviyakh: osnovnye faktory i napravleniya [Improving penal legislation in modern conditions: main factors and directions]. *Penitentsiarnaya nauka*. 1(61). pp. 19–29.

36. Utkin, V.A. (2022) The rights of convicts in correctional institutions: restrictions and provision. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 46. pp. 96–106. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/46/7

37. Savushkin, S.M. & Khramov, A.A. (2022) Obosnovannost' obyazannostey i zapretov, ustanovlennykh dlya osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Validity of duties and prohibitions established for those sentenced to imprisonment]. *Pravoprimerenie*. 6(1). pp. 216–228.

Информация об авторах:

Тепляшин П.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Красноярск, Россия); профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказания, не связанного с изоляцией осужденных от общества, Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия). E-mail: pavlushat@mail.ru

Заборовская Ю.М. – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия). E-mail: dum333@k.ru

Малышева И.В. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: inna1108@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Teplyashin P.V., Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: pavlushat@mail.ru

Zaborovskaya Yu.M., Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: dum333@k.ru

Malysheva I.V., University of FPS of Russia (Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation). E-mail: inna1108@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2023;
одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 01.12.2023;
approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.*

Научная статья
УДК 342.56
doi: 10.17223/22253513/51/7

Конституционно-правовая природа постановлений Конституционного Суда Российской Федерации

Юрий Валерьевич Филимонов¹

¹ *Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия,
Томск, Россия, Fuv2007@mail.ru*

Аннотация. Исследуется конституционно-правовая природа постановлений Конституционного Суда РФ, оказывающих значительное влияние на сферы правотворчества и правоприменения. Посредством содержащихся в них предписаний и рекомендаций повышается эффективность регулирующего воздействия на общественные отношения норм Конституции Российской Федерации и отраслевого законодательства, устраняется неопределенность в правопонимании и противоречивость в практике правоприменения.

Ключевые слова: судебный конституционный нормоконтроль; правопонимание; правоприменение; нормативные свойства

Для цитирования: Филимонов Ю.В. Конституционно-правовая природа постановлений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 91–98. doi: 10.17223/22253513/51/7

Original article
doi: 10.17223/22253513/51/7

Constitutional and legal nature of rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation

Yuri V. Filimonov¹

¹ *West Siberian Branch of the Russian State University of Justice,
Tomsk, Russian Federation, Fuv2007@mail.ru*

Abstract. The legal nature of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation in cases on the recognition of normative acts or their individual provisions as constitutional in the interpretation of the Constitution of the Russian Federation is of interpretative nature, they belong to the category of law-explanatory, i.e. law-enforcement acts. At the same time, the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, being judicial acts, are endowed in accordance with Art. 6, 75, 78, 79, 80, 81 of the Federal Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" with the properties of normativity, - are able to influence the subject of regulation; extend their force to an indefinite circle of persons-addressees of law enforcement; are designed for

repeated application; are final and are not reviewed by other bodies; are subject to official publication.

These legal provisions derive from paragraphs 1, 4, 5, 6, 8 of Article 125 of the Constitution of the Russian Federation. The precepts and recommendations of the Constitutional Court of the Russian Federation contained in its rulings are taken into account by the legislator when improving the Russian legislation, and they help law-enforcers to be guided by legal norms in the identified constitutional-legal sense. Interpretation by the Constitutional Court of the Russian Federation of a normative act or some of its provisions, acting as one of the main forms of judicial constitutional control, influences social relations by explaining to the subjects of legal relations how they should determine the decisions they make and the boundaries of their behaviour. Thus, the effectiveness of the regulatory influence of the norms of the Constitution of the Russian Federation and sectoral legislation is increased, uncertainty in legal understanding and inconsistency in the practice of law enforcement are eliminated.

The legislator, by changing the wording of part 5 of Article 79 of the Law on the Constitutional Court, supplemented and strengthened the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation to interpret certain provisions of the Constitution of the Russian Federation and normative legal acts for the purpose of their proper clarification, elimination of uncertainties and conflicts in their application. A number of authors assess the normative interpretation carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation as judicial law-making. But this viewpoint is caused to a greater extent by the peculiarities of constitutional justice, which analyses constitutional norms, concepts, constructions, characterised by a high degree of generality and abstractness, which expands the limits of their interpretation and allows to give constitutional-legal meaning to the norms under review, sometimes not even coinciding with their textual writing in normative-legal acts. In any case, the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of legal regulation cannot go beyond jurisdictional powers, it is limited by the principles and norms of law, constitutional values, objectively established social relations.

Keywords: judicial constitutional normative control, understanding of law, law enforcement, regulatory features

For citation: Filimonov, Yu.V. (2024) Constitutional and legal nature of rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 91–98. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/7

Судебный конституционный нормоконтроль, осуществляемый Конституционным Судом РФ, признается одним из самых эффективных средств обеспечения верховенства права в государстве, поскольку направлен на пресечение принятия и применения неконституционных правовых норм. В функциональном отношении он представляет собой юрисдикционную деятельность по охране нормативного акта высшей юридической силы – конституции государства [1. С. 45]. Конституционный нормоконтроль также нацелен на предупреждение издания неконституционных нормативных правовых актов, а в случае необходимости – толкование конституции [2. С. 23]. Без него немыслимо поддержание конституционной законности и, соответственно, законности в целом [3. С. 30]. Согласно ч. 2 ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о Конституционном Суде) итоговые решения Консти-

туционного Суда РФ по рассматриваемым делам именуются постановлениями [4]. С момента учреждения в России органа конституционного правосудия в науке не прекращаются споры о месте постановлений Конституционного Суда РФ в системе правовых актов [5. С. 533–551], степени их влияния на правотворческую и правоприменительную деятельность [6. С. 37–40].

Не углубляясь в дискуссию по обозначенной проблематике, следует отметить, что суды в конституционном механизме разделения властей призваны выполнять функцию уравнивания и сдерживания от злоупотреблений со стороны законодательной и исполнительной ветвей власти, не подменяя и не присваивая принадлежащие тем прерогативы. На основании ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» постановления судов отнесены к категории судебных актов [7]. В отраслевом процессуальном законодательстве они подразделяются на решения, определения, постановления и не считаются нормативными правовыми актами. Органы судебной власти являются правоприменительными органами и вправе заниматься только индивидуальным судебным регулированием [8. С. 445].

В то же время постановления Конституционного Суда РФ занимают особое положение в правовой системе ввиду их окончательности и невозможности оспаривания в инстанционном порядке, кроме того, они подлежат официальному опубликованию (ст. 78 Закона о Конституционном Суде). Предметная компетенция Конституционного Суда РФ по контролю конституционности законов и иных нормативных правовых актов установлена Конституцией Российской Федерации (ст. 125) и конкретизирована Законом о Конституционном Суде. Исходя из ч. 3 ст. 79 Закона о Конституционном Суде акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу или в случаях, предусмотренных указанным Законом, не допускаются к использованию неконституционным образом. Предписания и рекомендации, закрепленные в постановлениях Конституционного Суда РФ, предоставляют возможность законодателю оперативно восполнять правовые пробелы, а правоприменителям помогают руководствоваться правовыми нормами в выявленном Судом конституционно-правовом смысле. Проверка конституционности (оценка действительности) правовых норм, выполняемая Конституционным Судом РФ, неизбежно затрагивает сферы правотворчества и правоприменения, касается прав, обязанностей и интересов неопределенного круга лиц. Но подобные взаимоотношения выступают элементом механизма разделения и согласованности обособленных ветвей единой государственной власти и не подтверждают наличие у Конституционного Суда РФ каких-либо правотворческих полномочий. При признании нормы неконституционной зачастую производится ее замена другой нормой, вырабатываемой в рамках законодательного процесса, т.е. не самим Судом, хотя и им вызванного [9. С. 77]. Отсюда понятие «негативный законодатель», зачастую используемое для характеристики содержательной стороны деятельности судебного органа конституционного контроля и места, занимаемого в правовой системе, представляется условным. Роль законода-

теля им ни в каком виде не осуществляется, а реализуется его юрисдикционное полномочие по устранению из правового оборота (дисквалификации) неконституционных норм.

Выяснение природы постановлений Конституционного Суда РФ требует исследования юридической силы, прежде всего, постановлений о признании нормативного акта или отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации в истолковании Суда. Применение либо использование иным способом такого нормативного акта или его отдельных положений, расходящимся с истолкованием Конституционного Суда РФ, не допускается. Часть 5 ст. 79 Закона о Конституционном Суде обязывает суды общей и арбитражной юрисдикции при разрешении дел не применять нормы, признанные неконституционными, а также следовать буквальному истолкованию норм, данному Конституционным Судом РФ. Соответственно, судам общей и арбитражной юрисдикции для обеспечения единства судебной практики вменена обязанность по неукоснительному исполнению предписаний Конституционного Суда РФ по вопросам толкования и применения действующего законодательства, закрепленных в его постановлениях.

Законодатель, введя в 2016 г. в Закон о Конституционном Суде указанное законоположение, преследовал цель установления дополнительных гарантий надлежащего выполнения постановлений Конституционного Суда РФ, включая обязательный учет правоприменительными органами выраженных в них правовых позиций [10]. Вопрос о природе правовых позиций Конституционного Суда РФ образует еще одно течение научных дискуссий о их месте в правовой системе государства, отнесении к результатам толкования юридических норм [11. С. 24], судебным прецедентам, источникам права [12. С. 82]. Обращается внимание на важность названного правового феномена с теоретической и практической сторон [13. С. 9–15]. К тому же к изложению своих правовых позиций прибегают суды общей и арбитражной юрисдикции при отправлении правосудия по разным категориям дел.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ, выражающие согласованное мнение судей, составляют смысловое существо его постановлений и направлены на обоснование итоговых решений по рассматриваемым делам. Значимость правовых позиций повысилась в 2016 г. путем введения в действие части пятой ст. 79 Закона о Конституционном Суде. Из редакции упомянутой части (2010–2016 гг.) следовало, что правовые позиции Конституционного Суда РФ обладают свойством регулятивного воздействия на правоотношения, так как подлежали учету всеми правоприменительными органами с момента вступления в силу постановлений Суда где они нашли закрепление. Во многом именно такая формулировка ч. 5 ст. 79 Закона о Конституционном Суде стимулировала обсуждение спорного вопроса о месте и природе правовых позиций федерального органа конституционного правосудия. В настоящее время в ч. 5 ст. 79 Закона о Конституционном Суде РФ термин «правовые позиции» не употребляется, но он сохранен в ст. 29 и

47.1. Наряду с правовой позицией Суда Закон о Конституционном Суде оперирует в равной мере понятиями позиций участников судопроизводства и личных позиций судей (ст. 15, 35, п. 8 ч. 2, ст. 37, 41, 53, 62). Фактически законодатель воспринимает теперь позиции Конституционного Суда РФ исключительно как неотъемлемую часть его постановлений, а не в качестве самостоятельных правоположений. В постановлениях Конституционного Суда РФ по делам о признании нормативных актов или их отдельных положений конституционными в истолковании, данном Судом, и о толковании Конституции Российской Федерации его правовые позиции нацелены не только на обоснование выводов по разрешаемым делам, но и одновременно служат процессуальной формой своей легализации.

Законодатель, изменив редакцию ч. 5 ст. 79 Закона о конституционном Суде, дополнил и усилил полномочия Конституционного Суда РФ по истолкованию отдельных положений Конституции Российской Федерации и нормативных правовых актов в целях их надлежащего уяснения, устранения неопределенности и коллизий при применении. Ряд авторов оценивают осуществляемую Конституционным Судом РФ нормативную интерпретацию как судебное правотворчество [14. С. 9–12]. Но высказываемая точка зрения вызвана в большей мере особенностями конституционного правосудия при котором анализируются конституционные нормы, понятия, конструкции, отличающиеся высокой степенью обобщенности, абстрактности, что расширяет пределы их истолкования и позволяет придавать конституционно-правовой смысл проверяемым нормам, порой даже не совпадающий с их текстуальным написанием в нормативно-правовых актах. В любом случае Конституционный Суд РФ в системе правового регулирования не может выходить за рамки юрисдикционных полномочий, он ограничен принципами и нормами права, конституционными ценностями, объективно сложившимися общественными отношениями.

Таким образом, правовая природа постановлений Конституционного Суда РФ по делам о признании нормативных актов или их отдельных положений конституционными в истолковании, данном Судом, и о толковании Конституции Российской Федерации носит интерпретационный характер, они относятся к категории праворазъяснительных, т.е. правоприменительных актов. При этом постановления Конституционного Суда РФ, будучи судебными актами, наделены в соответствии со ст. 6, 75, 78–81 Закона о Конституционном Суде свойствами нормативности – способны воздействовать на предмет регулирования; распространяют свою силу на неопределенный круг лиц – адресатов правоприменения; рассчитаны на многократное применение; окончательны и не пересматриваются другими органами; подлежат официальному опубликованию. Перечисленные законоположения проистекают из п. 1, 4–8 ст. 125 Конституции Российской Федерации.

Истолкование Конституционным судом РФ нормативного акта или отдельных его положений, выступая одной из основных форм судебного конституционного контроля, воздействует на общественные отношения через разъяснение субъектам правоотношений, как им определять принимаемые

решения и соотносить границы своего поведения. Тем самым повышается эффективность регулирующего влияния норм Конституции Российской Федерации и отраслевого законодательства, устраняются неопределенность в правопонимании и противоречивость в практике правоприменения.

Список источников

1. Овсепян Ж.Н. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов н/Д : Литера-Д, 1992. 320 с.
2. Конституционный судебный процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. М.А. Митюков, В.В. Комарова. М. : Норма: Инфра-М, 2017. 352 с.
3. Митюков М.А., Барнашов А.М. Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 405 с.
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
5. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 560.
6. Садохина Н.Е. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 37–40.
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
8. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 625 с.
9. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–85.
10. Пояснительная записка «К проекту федерального конституционного закона “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”. Паспорт проекта Федерального конституционного закона № 36765-7 “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации” (в части установления дополнительных гарантий надлежащего исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации)”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.10.2023).
11. Эбзеев Б.С. Комментарий к постановлениям Конституционного суда Российской Федерации : в 2 т. М. : Юрист, 2001. Т. 1: Государственная власть. Местное самоуправление / отв. ред. Б.С. Эбзеев. 587 с.
12. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 81–85.
13. Ершова Е.А. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда РФ // Российский судья. 2005. № 2. С. 9–15.
14. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 9–12.

References

1. Hovsepyan, Zh.N. (1992) *Pravovaya zashchita konstitutsiy. Sudebnyy konstitutsionnyy kontrol' v zarubezhnykh stranakh* [Legal protection of constitutions. Judicial constitutional control in foreign countries]. Rostov on Don: Litera-D.
2. Mityukov, M.A. & Komarova, V.V. (eds) (2017) *Konstitutsionnyy sudebnyy protsess* [Constitutional Trial]. Moscow: Norma: Infra_M.

3. Mityukov, M.A. & Barnashov, A.M. (1999) *Ocherki konstitutsionnogo pravosudiya (sravni-tel'no-pravovoe issledovanie zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki)* [Essays on constitutional justice (a comparative legal study of legislation and judicial practice)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Russian Federation. (1994) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii" [Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994, On the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 13. Art. 1447.
5. Ebzeev, B.S. (2018) *Vvedenie v Konstitutsiyu Rossii* [Introduction to the Russian Constitution]. Moscow: Norma: INFRA-M.
6. Sadokhina, N.E. (2018) Resheniya Konstitutsionnogo Suda RF v sisteme istochnikov rossiyskogo prava [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of sources of Russian law]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 4. pp. 37–40.
7. Russian Federation. (1997) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ "O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii" [Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996, On the judicial system of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Art. 1.
8. Ershov, V.V. (2018) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Legal and individual regulation of social relations]. Moscow: RGUP.
9. Bondar, N.S. (2007) Normativno-doktrinal'naya priroda resheniy Konstitutsionnogo Suda RF kak istochnikov prava [Normative and doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 75–85.
10. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska "K projektu federal'nogo konstitutsionnogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii". Pasport proekta Federal'nogo konstitutsionnogo zakona № 36765-7 "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii" (v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh garantiy nadlezhashchego ispolneniya resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii)"* [Explanatory note "To the draft federal constitutional law "On amendments to the Federal constitutional law "On the Constitutional Court of the Russian Federation". Passport of the draft Federal Constitutional Law No. 36765-7 "On Amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" (in terms of establishing additional guarantees for the proper execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)"]]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 4th October 2023).
11. Ebzeev, B.S. (2001) *Kommentariy k postanovleniyam Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii: v 2 t.* [Commentary on the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
12. Gadzhiev, G.A. (1999) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochnik konstitutsionnogo prava [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of constitutional law]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochno-evropeyskoe obozrenie*. 3. pp. 81–85.
13. Ershova, E.A. (2005) Yuridicheskaya priroda pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda RF [Legal nature of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossiyskiy sud'ya*. 2. pp. 9–15.
14. Ebzeev, B.S. (1998) Tolkovanie Konstitutsii Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie i prakticheskie problem [Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: Theoretical and practical problems]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 9–12.

Информация об авторе:

Филимонов Ю.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Томск, Россия). E-mail: Fuv2007@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Filimonov Yu.V., West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fuv2007@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.10.2023;
одобрена после рецензирования 13.01.2024; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 04.10.2023;
approved after reviewing 13.01.2024; accepted for publication 18.03.2024.*

Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья

УДК 347.9

doi: 10.17223/22253513/51/8

Обязательность указаний суда вышестоящей инстанции для лиц, участвующих в деле, при направлении дела на новое рассмотрение

Тигран Тигранович Алиев¹, Андрей Владимирович Юдин^{2,3,4}

^{1,4} Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

² Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

³ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

¹ tta70@mail.ru
^{2,3,4} yudin77@ssau.ru

Аннотация. Суд вышестоящей инстанции при направлении дела на новое рассмотрение наделен правом давать обязательные указания. Процессуальный закон, с одной стороны, указывает, что лица, участвующие в деле, должны исполнить указания суда вышестоящей инстанции при направлении дела на новое рассмотрение, но с другой стороны, об обязательности таких указаний говорится только по отношению к суду, вновь рассматриваемому делу. Даваемые вышестоящим судом указания должны восприниматься не автономно, а в контексте юридической заинтересованности лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: указания суда вышестоящей инстанции, обязательность указаний суда вышестоящей инстанции, направление дела на новое рассмотрение, ограничения указаний суда вышестоящей инстанции, неисполнение указаний суда вышестоящей инстанции

Для цитирования: Алиев Т.Т., Юдин А.В. Обязательность указаний суда вышестоящей инстанции для лиц, участвующих в деле, при направлении дела на новое рассмотрение // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 99–107. doi: 10.17223/22253513/51/8

Original article

doi: 10.17223/22253513/51/8

Binding of the instructions of the higher court on the persons involved in the case when the case is sent for a new hearing

Tigran T. Aliev¹, Andrei V. Yudin^{2, 3, 4}

^{1, 4} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation

² Samara National Research University, Samara, Russian Federation

³ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

¹ tta70@mail.ru

^{2, 3, 4} yudin77@ssau.ru

Abstract. A higher court, when sending a case for a new hearing, has the right to give binding instructions to the court which will hear the case again. The article deals with the issue of the binding nature of such instructions for the persons involved in the case. The procedural law, on the one hand, indicates that the persons involved in the case must comply with the instructions of the higher court when the case is remanded for a new hearing, but on the other hand, the binding nature of such instructions is stated only in relation to the court that is re-examining the case.

The instructions given by the higher court should not be perceived autonomously, but in the context of the legal interest of the persons involved in the case. The authors make the assumption that one party (whose complaint has been upheld) will be interested in following such instructions, while the other party will seek to deviate from them. The instructions of a higher court can be realised in their effect no other way than in the activity of the court that is re-examining the case.

The authors note that the resolution of the question posed in the article should be preceded by a determination of the nature of the instructions given. Reference to the materials of judicial practice shows that the instructions given are not homogeneous. The instructions of a higher court may be of a rather abstract nature, while in other cases they may be quite specific. It is clear that the enforceability of a superior court instruction depends on the specificity of the instructions contained therein.

In certain cases, directions are addressed exclusively to the court hearing the case and cannot be executed by persons participating in the case. In other cases, instructions are also addressed to the persons involved in the case, being relayed through the court.

Declaratory, implied, statutory and specific directions can also be distinguished.

The requirements (appeals) of the court addressed to the persons involved in the case may have a dual character. Some of them are unconditionally binding, while the fulfilment of other requirements depends on the will of the persons involved in the case.

It is also necessary to distinguish between requirements (appeals) of the court, the execution of which is possible by the will of one of the parties and requirements, the execution of which requires the agreed will of the parties.

The authors have established that, as a rule, directions are directly related to the argumentation of the complaint. Consequently, one party will always have an interest in following such directions, not because of coercion or because they are binding, but because of a personal interest. Accordingly, the other party "against" whom the directions of the higher court are given will have an interest in departing from them. Of course, the instructions may also be neutral and non-prejudicial to the parties.

Keywords: instructions of a higher instance court, binding nature of instructions of a higher instance court, referral of a case for new consideration, limitations of instructions of a higher instance court, non-execution of instructions of a higher instance court

For citation: Aliev, T.T. & Yudin, A.V. (2024) Binding of the instructions of the higher court on the persons involved in the case when the case is sent for a new hearing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 99–107. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/8

Постановка проблемы

Институт указаний суда вышестоящей инстанции, даваемых при отмене судебных постановлений и направлении дела на новое рассмотрение, давно известен цивилистическому процессу. Правом дачи обязательных указаний в гражданском процессе наделены кассационный суд общей юрисдикции (ч. 4 ст. 390 ГПК РФ), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ (ч. 3 ст. 390.15 ГПК РФ), Президиум Верховного Суда РФ (ч. 4 ст. 391.12 ГПК РФ); в арбитражном процессе – арбитражный суд округа (ч. 2.1 ст. 289 АПК РФ), Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ (ч. 4 ст. 291.14 АПК РФ), Президиум Верховного Суда РФ (ч. 5 ст. 308.11 АПК РФ).

Процессуальный закон указывает, по каким вопросам не допускается дача указаний судом проверочной инстанции при направлении дела на новое рассмотрение (вопросы о преимуществе одних доказательств перед другими, о том, какое решение должно быть принято при новом рассмотрении дела и пр.). Круг вопросов, по которым допускается дача указаний, определен противоречиво. В гражданском процессе установлено, что указания вышестоящего суда *о толковании закона* являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело, а в арбитражном процессе установлено, что указания вышестоящего суда, *в том числе, о толковании закона* являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело. Из буквального смысла норм можно сделать вывод, что обязательность указаний суда в гражданском процессе ограничивается только вопросами толкования закона, а в арбитражном процессе толкование закона – это один из вопросов, по которому могут даваться обязательные указания. В действительности суд вышестоящей инстанции может давать обязательные указания по широкому кругу вопросов, не ограничиваясь только указаниями о толковании закона. При этом должны соблюдаться установленные ограничения в отношении вопросов, по которым недопустима дача указаний.

В некоторых случаях и суд апелляционной инстанции наделяется правом направления дела на новое рассмотрение (нарушение правил подсудности, вынесение решения в связи с признанием иска ответчиком или пропуском срока исковой давности при неисследовании фактических обстоятельств

дела, рассмотрение в порядке упрощенного производства дела, которое подлежало рассмотрению по общим правилам искового производства)¹. В этой связи следует признать и за судом апелляционной инстанции право давать обязательные указания для суда первой инстанции.

Основное содержание

Обязательность указаний вышестоящего суда для нижестоящего суда по ограниченному кругу вопросов не подвергается сомнению. Она связана с реализацией контрольных полномочий вышестоящими судами. Отсутствие возможности дачи обязательных указаний делало бы невозможным саму процедуру пересмотра. В литературе ведутся споры относительно влияния права вышестоящего суда давать обязательные указания на независимость судей [1. Т. 5. С. 13–23; 2. Т. 3. С. 45–60].

Представляет интерес изучение *вопроса обязательности указаний суда вышестоящей инстанции для лиц, участвующих в деле. Означает ли обязательность указаний вышестоящего суда для суда, вновь рассматривающего дело, такую же обязательность и для лиц, участвующих в деле?* Процессуальный закон в ряде случаев указывает, с одной стороны, на то, что лица, участвующие в деле, должны исполнить указания суда вышестоящей инстанции при направлении дела на новое рассмотрение, а с другой стороны, об обязательности таких указаний говорится по отношению к суду, вновь рассматривающему дело.

В пункте 15 ч. 2 ст. 289 АПК РФ подчеркнуто, что в постановлении окружного суда кассационной инстанции должно быть указано, в частности, на «действия, которые *должны быть выполнены лицами, участвующими в деле*, и арбитражным судом первой или апелляционной инстанции, если дело передается на новое рассмотрение». При этом лица, участвующие в деле, как субъекты обязанные исполнить указания суда кассационной инстанции, поставлены даже на первое место. А в части 2.1 той же нормы сказано, что «указания арбитражного суда кассационной инстанции... *обязательны для арбитражного суда, вновь рассматривающего данное дело*».

Аналогичным образом определены последствия отмены судебного постановления в порядке кассационного производства Судебной коллегией Верховного Суда РФ: действия должны быть выполнены лицами, участвующими в деле (п. 14 ч. 1 ст. 291.13), однако указания обязательны для суда повторно рассматривающего дело (ч. 5 ст. 308.11 АПК РФ). В надзорном

¹ См.: п. 53–54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7; п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

производстве арбитражного процесса и гражданского процесса подобное разделение отсутствует.

Разрешению поставленного вопроса должно предшествовать определение характера данных указаний. Обращение к материалам судебной практики показывает, что даваемые указания неоднородны.

Указания вышестоящего суда могут иметь достаточно абстрактный характер. Например, «при новом рассмотрении суду первой инстанции следует учесть изложенное, дать оценку доводам сторон, учесть судебную практику по подобным спорам, вынести законный и обоснованный судебный акт»¹. В других случаях они могут иметь вполне конкретный характер. Например, «необходима проверка расчета заявленной к взысканию суммы задолженности по договору и пени по настоящему делу N А40-90596/2022, а также соотнесение этих сумм с заявленными исковыми требованиями в рамках другого дела N А40-187589/2021»². Очевидно, что исполнимость указания суда вышестоящей инстанции зависит от конкретности содержащихся в нем предписаний.

В определенных случаях указания адресуются исключительно суду, рассматривающему дело, и не могут быть исполнены лицами, участвующими в деле. Например: «...суду следует устранить отмеченные в настоящем постановлении недостатки, дать оценку всем доводам и возражениям сторон с учетом правовой позиции, отраженной в определении Судебной Верховного Суда РФ от 11.10.2017 N 309-ЭС17-9038, и обстоятельств, установленных по делу N А41-90864/2022 Арбитражного суда Московской области»³. В других случаях указания направлены и в адрес лиц, участвующих в деле, будучи ретранслированы через суд. Например: «...при новом рассмотрении спора суду первой инстанции следует учесть изложенное, всесторонне, полно и объективно, с учетом имеющихся в деле доказательств и доводов лиц, участвующих в деле, предложив сторонам представить дополнительные доказательства в обоснование своих доводов и возражений, с учетом установления всех фактических обстоятельств, исходя из подлежащих применению норм материального права, принять законный, обоснованный и мотивированный судебный акт в указанной части»⁴.

Можно также выделить указания декларативного характера, подразумеваемые, вытекающие из закона, и указания конкретного характера. Например, в следующем случае оказались объединены указания первого и второго типа: «...при новом рассмотрении суду необходимо учесть изложенные замечания, дать оценку всем доводам и представленным доказательствам, в

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.11.2023 № Ф05-26084/2023 по делу № А40-60293/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.05.2023 № Ф05-7731/2023 по делу № А40-90596/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.09.2023 № Ф03-3192/2023 по делу № А73-50/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.09.2023 № Ф05-23171/2023 по делу № А40-141374/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

том числе относительно объема и стоимости оказанных услуг с учетом условий контракта и на основании верного применения норм материального права; принять законный и обоснованный судебный акт, распределить судебные расходы, в том числе за рассмотрение кассационной жалобы»¹. Указания первого рода (в частности, «принять законный и обоснованный судебный акт») есть побуждение суда исполнить свою обязанность, но независимо от наличия такого указания данная обязанность не исчезает, даже если про нее ничего не написано в постановлении вышестоящего суда; в значительной мере это дань словесной форме, процессуальной формальности.

Даваемые вышестоящим судом указания должны восприниматься не автономно, а в контексте юридической заинтересованности лиц, участвующих в деле. Отмена решения, в связи с которой последовала дача указаний, стала следствием удовлетворения кассационной или надзорной жалобы лица, участвующего в деле. Указания в большинстве случаев – это следствие признания доводов жалобы правомерными, т.е. восприятие позиции лица, подавшего жалобу.

Разумеется, возможны ситуации, при которых судебное постановление отменяется по жалобам сразу двух сторон с противоположными интересами. Возможно также, что указания даются нижестоящему суду и не в связи с доводами-жалобами, а при обнаружении допущенных нарушений, проверяемых судом вышестоящей инстанции по собственной инициативе.

Однако, как правило, указания непосредственно связаны с аргументацией жалобы. Следовательно, одна из сторон всегда будет заинтересована в следовании таким указаниям не в силу принуждения или в силу их обязательности, а вследствие личной заинтересованности. Соответственно, другая сторона, «против» которой даны указания суда вышестоящей инстанции, будет заинтересована в отступлении от них. Разумеется, что указания могут иметь и нейтральный и ничего не предвещающий для сторон характер. Например, исполнить невыполненные ранее требования процессуального закона, относящиеся к подготовке дела или к судебному разбирательству.

При новом рассмотрении дела для стороны возникает три доминанты поведения: юридическая заинтересованность самой стороны в совершении либо несовершении процессуальных действий; указания суда вышестоящей инстанции; указания и требования суда, рассматривающего дело после отмены судебного акта.

Если рассуждать над тем, какая из перечисленных доминант является приоритетной, то однозначно следует указать на юридическую заинтересованность стороны. При определении собственного процессуального поведения сторона руководствуется своей юридической заинтересованностью. Например, если при отмене судебного акта суд кассационной инстанции поручил суду первой инстанции разрешить вопрос об экспертизе, это не ли-

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2023 № Ф05-13163/2023 по делу № А40-135763/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

пашает сторону, не согласную с назначением и проведением экспертизы, возражать относительно ее назначения и проведения, несмотря на имеющееся указание. Или если суд вышестоящей инстанции предложил определенное толкование закона, это не лишает сторону права отстаивать необходимость иного толкования.

Указания суда вышестоящей инстанции в первую очередь адресованы суду, вновь рассматривающему дело. Лица, участвующие в деле, могут как согласиться с данными указаниями, так и оспаривать их в установленных законом формах, т.е. посредством своего процессуального поведения.

Указания суда вышестоящей инстанции сугубо ситуативны, поскольку даны в определенный момент развития процесса, основаны на установленных судами одной или нескольких инстанций обстоятельствах, базируются на имеющихся в деле доказательствах. Возможно, что при новом рассмотрении дела процессуальная ситуация может измениться, как меняется она при всяком рассмотрении дела по существу. Истец может изменить требования, в материалы дела будут вовлечены новые доказательства, стороны будут приводить неизвестные ранее факты. Все это может нивелировать данные вышестоящим судом указания, поскольку они полностью или частично перестанут соответствовать текущим реалиям дела.

В этом состоит и возможный для стороны способ избежать выполнения указаний, сделав их неактуальными для текущей ситуации. Однако это возможно далеко не по каждому делу, поскольку предмет или основание исковых требований не всегда могут быть изменены так, чтобы процесс по-прежнему сохранил ценность для истца. Круг фактов может не допускать изменения их состава, и доказательства могут быть исчерпаны при первоначальном рассмотрении дела.

Указания суда вышестоящей инстанции по своему действию могут быть реализованы не иначе как в деятельности суда, вновь рассматривающего дело. Следовательно, вопрос об обязательности указаний вышестоящего суда для лиц, участвующих в деле, – это вопрос о праве суда первой инстанции (или другого суда, в который на новое рассмотрение было направлено дело) требовать от субъектов обязательного совершения определенных действий. Суду принадлежит руководящая роль в процессе. Если указания вышестоящего суда обязательны для суда первой инстанции, рассматривающего дело, то суд должен «ретранслировать» данные указания лицам, участвующим в деле.

Как известно, требования (обращения) суда, адресуемые лицам, участвующим в деле, могут иметь двоякий характер. Некоторые имеют безусловную обязательность (например, соблюдать установленный порядок, явиться в суд по вызову в арбитражном процессе и др.). Исполнение других требований зависит от воли лиц, участвующих в деле (например, предложение уточнить заявленные требования, представить доказательства и др.).

Также следует различать требования (обращения) суда, исполнение которых возможно по воле одной из сторон, и требования, для исполнения которых необходима согласованная воля сторон. Например, рекомендованное

сторонам примирение, в том числе путем заключения мирового соглашения, от какого бы высокого суда оно ни исходило, не состоится при отсутствии согласованной воли сторон.

Заключение

Выделенные авторами обстоятельства и будут определять успешность выполнения судом, повторно рассматривающим дело, указаний суда вышестоящей инстанции по отношению к лицам, участвующим в деле. Если такое указание дает суду право требования от лиц должного поведения, то указание будет являться обязательным для лиц. Если указание позволит суду лишь предложить сторонам определенный вариант поведения, то указание для лиц фактически будет иметь рекомендательный характер.

Список источников

1. Ильин А.В. Направление дела на новое рассмотрение и независимость судей // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5. С. 13–23.
2. Пацация М.Ш. К вопросу о законодательных мерах по укреплению процессуальных гарантий независимости нижестоящего суда в контексте права вышестоящего суда на дачу обязательных указаний о толковании закона // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 45–60.

References

1. Ilin, A.V. (2014) Napravlenie dela na novoe rassmotrenie i nezavisimost' sudey [Referring the case for a new trial and the independence of judges]. *Vestnik VAS RF*. 5. pp. 13–23.
2. Patsatsiya, M.Sh. (2019) K voprosu o zakonodatel'nykh merakh po ukrepleniyu protsessual'nykh garantiy nezavisimosti nizhestoyashchego suda v kontekste prava vyshetoyashchego suda na dachu obyazatel'nykh ukazaniy o tolkovanii zakona [On the legislative measures to strengthen procedural guarantees of the independence of a lower court in the context of the right of a higher court to give mandatory instructions on the interpretation of the law]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. 3. pp. 45–60.

Информация об авторах:

Алиев Т.Т., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Российской государственной академии интеллектуальной собственности (Москва, Россия), почетный адвокат России. E-mail: tta70@mail.ru

Юдин А.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия); профессор кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия); профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса Российской государственной академии интеллектуальной собственности (Москва, Россия). E-mail: yudin77@ssau.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Aliev T.T., LL.D., Professor, Head of the Department of Civil and Arbitration Procedure of the Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Honored Attorney of Russia. E-mail: tta70@mail.ru

Yudin A.V., Doctoral degree in law, head of Department of Civil Procedural and Business Law, Faculty of Law, professor, Samara National Research University (Samara, Russian Federation); Professor of the arbitration process Department of the Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation); Professor of the Department of Civil and Arbitration Process Russian state Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation). E-mail: yudin77@ssau.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.09.2023;
одобрена после рецензирования 13.12.2023; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 12.09.2023;
approved after reviewing 13.12.2023; accepted for publication 18.03.2024.*

Научная статья
УДК 346.12
doi: 10.17223/22253513/51/9

Обзор антимонопольных ограничений для односторонних действий недоминирующих хозяйствующих субъектов в зарубежном законодательстве

Евгения Юрьевна Борзило¹

¹ *Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ,
Москва, Россия, borzilo@rambler.ru*

Аннотация. В законодательстве о конкуренции различных государств имеются нормы, направленные на создание баланса в отношениях между сильными и слабыми участниками предпринимательской деятельности. Помимо традиционного запрета злоупотребления доминирующим положением ряд юрисдикций содержит ограничения предпринимательской деятельности и для недоминирующих хозяйствующих субъектов. По итогам изучения соответствующих положений автор делает вывод о том, что они в основном формулируются либо как запрет злоупотребления экономической зависимостью, запрет злоупотребления переговорной властью либо запрет одной из форм недобросовестной конкуренции в рамках антимонопольных норм, либо в рамках законодательства, регулирующего деятельность в отдельных отраслях. Проводится анализ данных норм с учетом исторического развития антимонопольного регулирования данного вида правоотношений. Исследуя динамику зарубежного законотворчества и правоприменения, автор приходит к выводу о потенциальном расширении количества стран, которые воспримут данный метод регулирования для недоминирующих хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: конкуренция, односторонние действия, злоупотребление, экономическая зависимость, переговорная власть, существенная рыночная власть

Для цитирования: Борзило Е.Ю. Обзор антимонопольных ограничений для односторонних действий недоминирующих хозяйствующих субъектов в зарубежном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 108–119. doi: 10.17223/22253513/51/9

Original article

doi: 10.17223/22253513/51/9

Review of antimonopoly restrictions for unilateral actions of non-dominant business entities in foreign legislation

Evgeniya Yu. Borzilo¹

¹ *Research Center of Private Law Named after S.S. Alexeev under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, borzilo@rambler.ru*

Abstract. The competition laws of various states contain rules aimed at creating a balance between strong and weak business players. In addition to the traditional prohibition of abuse of a dominant position, a number of jurisdictions also contain restrictions on business activities for non-dominant business entities. After studying the relevant provisions, the author concludes that they are mainly formulated either as a prohibition of abuse of economic dependence, a prohibition of abuse of bargaining power, or a prohibition of one of the forms of unfair competition within the framework of antitrust rules, or within the framework of legislation regulating activities in certain industries. The author analyses these norms taking into account the historical development of antitrust regulation of this type of legal relations. Investigating the dynamics of foreign lawmaking and law enforcement, the author concludes that there is a potential expansion of the number of countries that will adopt this method of regulation for non-dominant business entities.

In almost all jurisdictions (except Greece), the weaker party can be protected administratively: the enforcer is the antitrust authority, which is authorised to investigate cases of abuse, issue injunctions and impose monetary administrative sanctions. Legislation of some countries of the Romano-Germanic group (Italy, France) also explicitly states that transactions made in violation of the requirements on prohibition of abuse of economic power are null and void. The norm is applied frequently and in respect of rather large companies, only in the last 2 years two European states have updated their approach to regulating unilateral actions of non-dominant companies: Belgium introduced a new for this jurisdiction prohibition of abuse of economic dependence, and Germany expanded the scope of its application.

The analysis shows that observing the economic situation and the development of contractual models where a business entity that does not formally occupy a dominant position can exert influence on its counterparty (which, as it seems, in the long term will inevitably affect the market as a whole), the state is increasingly using special rules to regulate situations where classical antimonopoly prohibitions are powerless.

Keywords: competition, unilateral action, abuse, economic dependence, bargaining power, substantial market power

For citation: Borzilo, E.Yu. (2024) Review of antimonopoly restrictions for unilateral actions of non-dominant business entities in foreign legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 108–119. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/9

Возможно, тема этой статьи звучит непривычно для традиционалистского российского взгляда. Мы привыкли, что законодательство о конкуренции содержит два запрета на односторонние действия: запрет злоупотребления доминирующим положением и запрет недобросовестной конкуренции.

Однако антимонопольное законодательство, не только российское, находится в процессе постоянной трансформации: чем больше новых практик изобретает бизнес, тем больше государство стремится обеспечить баланс между свободой предпринимательства и эффективной конкуренцией. Этой цели служат нормы законодательства о запрете определенных злоупотреблений со стороны хозяйствующих субъектов, которые не являются доминирующими, но при этом определенной властью, пусть весьма относительной, обладают. Стремительно меняются торговые практики, и законодательство о конкуренции вынуждено следовать за ними: в январе 2021 г. вступила в силу 10-я поправка к Закону о борьбе с ограничениями конкуренции Закона о борьбе с ограничениями конкуренции (*Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen* – *GWB*), которая скорректировала некоторые правила анализа рынка для цифровой сферы, а также расширила сферу применения института экономической зависимости. В 2020 г. норма об экономической зависимости введена в законодательство Бельгии. Можно сделать вывод, что тенденцией последних лет является более пристальное внимание к недобросовестным единоличным практикам, которые не подпадают под запрет злоупотребления доминирующим положением, но ограничивают конкуренцию и ущемляют конкурентов или контрагентов. Несовершенство современного регулирования данной сферы имеющимися антимонопольными правилами давно отмечается в юридической среде [1. С. 5]. Традиционно принято считать, что доступные конкурентному законодательству механизмы защиты от единоличных злоупотреблений весьма ограничены: защите конкурентов (и потребителей) служат нормы о добросовестности, основанный на ст. 10-bis Парижской конвенции, защите рынка в целом и контрагентов служат нормы о запрете злоупотребления доминирующим положением. Однако действия компании, обладающие властью на рынке, не достигающей порогов доминирующего положения ничем кроме правил гражданского законодательства об общей добросовестности участников гражданского оборота не регулируются¹. Отдавая должное базовым правилам предпринимательского права, следует все же признать, что их приведение в исполнение, осуществляемое судом, требует значительных временных затрат, а значит, обладает отложенным, а не оперативным эффектом. Поэтому сегодня множатся как специальные нормы законодательства о конкуренции и смежного с ним различных систем права, так и практические и теоретические исследования альтернативных способов пресечения подобных практик.

Еще в 2008 г. International Competition Network (ICN) провела большое сравнительное исследование законодательства различных юрисдикций с

¹ Это, в частности, ситуация в российском законодательстве и правоприменительной практике. См. например, раздел «Доминирующее положение» Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд) от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»

тем, чтобы выяснить, как регулируется данная сфера и регулируется ли вообще [2. Р. 40–41]. Взаимодействуя с антимонопольными ведомствами, согласившимися принять участие в работе, ICN собрала информацию о законодательном регулировании в более чем 30 юрисдикциях. По итогам исследования ICN выявила несколько юрисдикций:

- юрисдикции, где специальные нормы для недоминирующих отсутствуют, а защита слабой стороны осуществляется либо посредством пресечения злоупотребления доминирующим положением, либо норм о запрете антиконкурентных соглашений (в их числе Россия);
- юрисдикции, в которых существует запрет злоупотребления экономической зависимостью контрагента (Франция, Германия и др);
- незначительная группа, где защита возможна на базе отраслевых правил, не относящихся к сфере конкуренции (Хорватия, Чили и на тот момент Бельгия)¹.

Исследование сложно назвать всеобъемлющим: в сферу не попала, например, Греция, где судьба нормы о запрете злоупотребления экономической зависимостью весьма специфична. Кроме того, количество исследованных юрисдикций сложно назвать репрезентативным. Однако это единственное подобное исследование, и тем оно особенно ценно.

Тем не менее с момента проведения исследования прошло уже очень много лет. Изменилась экономическая и правовая конъюнктура, изменились форматы видения бизнеса и окружающая нас реальность в целом. Рассмотрим, как зарубежное законодательство (включая исследованное ICN) сегодня нормами конкурентного и смежного с ним законодательства защищает слабую сторону от сильного, но не доминирующего участника рынка.

Франция. Французский торговый кодекс уже много лет содержит запрет злоупотребления экономически зависимым положением поставщика или клиента, не имеющего альтернативы в выборе, когда такое злоупотребление влияет или может повлиять на функционирование или структуру конкуренции (ч. 2 ст. 420-2 Французского торгового кодекса)². Анализ статьи 420-2 Французского торгового кодекса позволяет выделить несколько предпосылок установления «злоупотребления экономически зависимым положением»:

- состояние экономической зависимости одного из контрагентов, которым обязательно должен быть клиент или поставщик, не имеющий альтернативы. Ее отсутствие может быть связано с отсутствием на рынке конкуренции, низким уровнем спроса, недостатками сети распространения товара или его качества. При этом при определении того, является товар заменителем отсутствующего товара, необходимо принимать во внимание присущие ему потребительские свойства;

¹ Ввиду специфичности и объемности эта группа из нашего исследования исключена.

² См. полный текст: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEX/T000005634379/LEGISCTA000006113741/#LEGISCTA000006113741

– злоупотребление этой экономической зависимостью должно оказывать влияние на конкуренцию, хотя на практике такое влияние зачастую презюмируется.

Французский торговый кодекс (ст. 420-2, 442-1, 442-3) приводит формы злоупотребления экономической зависимостью, которое может выражаться в отказе от заключения договора, навязывании дополнительных товаров и дискриминационных практиках, в частности необоснованные преимущества, дополнительные обременения, несоразмерные штрафы, отказ от поставки при неподтвержденной задолженности, запрет на уступку прав третьим лицам, запрет на предоставление необоснованных преимуществ конкуренту контрагента и много другое. Характерно, что ст. 442-3 Французского торгового кодекса объявляет договоры, содержащие перечисленные в ней дискриминационные условия, недействительными.

Правоприменение осуществляет антимонопольный орган – *Autorité de la concurrence*.

Бельгия. В 2020 г. вступили в силу изменения в бельгийский Кодекс экономического права. Нас интересует ст. IV.2/1, которая ввела в состав экономического законодательства норму о запрете злоупотребления экономической зависимостью¹. Запрещается одному или нескольким предприятиям злоупотреблять экономической зависимостью, в которой одно или несколько предприятий оказываются по отношению к ней или по отношению к ним, поскольку это может повлиять на конкуренцию на бельгийском рынке или его существенной части. Злоупотреблением могут считаться:

- отказ от продажи, покупки или других условий сделки;
- прямое или косвенное навязывание покупной или продажной цены или других несправедливых торговых условий;
- ограничение производства, торговых точек или технического развития в ущерб потребителям;
- применение неравных условий к равноценным услугам по отношению к экономическим партнерам, тем самым ставя их в невыгодное положение с точки зрения конкуренции;
- обусловливание заключения контрактов принятием экономическими партнерами дополнительных услуг, которые по своему характеру или в соответствии с коммерческим использованием не имеют отношения к предмету этих контрактов.

Компетентным правоприменителем является бельгийское антимонопольное ведомство – *Autorite Belge de la concurrence*, которое вправе по итогам рассмотрения споров понуждать злоупотребившую сторону устранить допущенные нарушения и налагать оборотные штрафы. Поскольку норма относительно нова, на момент подготовки настоящей статьи стабильная практика ее применения еще не наработана.

¹ См. полный текст: https://www.bma-abc.be/sites/default/files/content/download/files/20190404_loi_wet.pdf

Германия. В 2013 г. так называемая 8-я поправка к Закону о борьбе с ограничениями конкуренции в § 20 (1) и (2) Закона о борьбе с ограничениями конкуренции (*Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen – GWB*) ввела сразу несколько новых категорий рыночной власти и корреспондирующие запреты¹. Закон помимо доминирующего положения определяет относительную рыночную власть, т.е. зависимость от контрагента, при которой разумной возможности заменить его не существует. Зависимость поставщика от покупателя презюмируется, если поставщик регулярно предоставляет покупателю не только скидки, но и вознаграждения в какой-либо другой форме, если подобные преимущества другим не предоставлялись. Таким образом, законодатель определяет существо отношений через их внешние признаки.

Статьи 19 и 20 GWB специально запрещают прямо или косвенно применять недобросовестные торговые практики к экономически зависимому контрагенту, а также применять к нему отличающиеся от стандартных договорные условия без надлежащего обоснования (дискриминация). В равной степени запрещено требовать от контрагента необоснованных преимуществ, принимая во внимание наличие или отсутствие пропорциональных оснований для такого требования. Однако действие нормы было ограничено: зависимыми могли быть признаны только субъекты малого или среднего предпринимательства.

В январе правовое регулирование данной сферы в Германии недавно претерпело изменения. 10-я поправка к GWB, которая в основном касалась цифровой сферы, расширила сферу использования категорий «зависимость» и «относительная рыночная власть»: зависимым теперь может быть признано любое предприятие, размер более неважен². Компетентным правоприменителем является немецкое антимонопольное ведомство – *Bundeskartellamt*.

Япония. Японию можно отнести к самостоятельной группе – запрет злоупотребления экономической зависимостью слабой стороны является частью антимонопольного законодательства, однако сформулирован он как запрет злоупотребления переговорной властью – *superior bargaining position (SBP)*.

В силу статьи 2(v) японского Закона о запрете частной монополизации и поддержке честной торговли от 14.04.1947 № 54 (в текущей редакции)³ запрещается совершение любого из нижеперечисленных действий путем несправедливого использования своей превосходящей переговорной позиции в свете нормальной деловой практики:

(а) понуждение контрагента к продолжению коммерческих отношений к покупке товаров или услуг, отличных от обычно приобретаемых;

¹ См. полный текст: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/EN/Others/GWB.pdf?__blob=publicationFile&v=3

² См. полный текст: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/EN/Others/GWB.pdf?__blob=publicationFile&v=3

³ См. цитируемое и далее: https://www.jftc.go.jp/en/legislation_gls/index.html

(b) понуждение контрагента предоставлять деньги, услуги или другие экономические выгоды;

(c) отказ от получения товаров в сделках с контрагентом, в результате чего контрагент принимает обратно такие товары после их получения от контрагента, задержка платежа контрагенту или уменьшение суммы платежа, или иное установление или изменение условий торговли или выполнение транзакций невыгодным для контрагента способом.

Данная норма была введена в состав японского антимонопольного законодательства в 2009 г., а в 2010 г. японское антимонопольное ведомство (Fair Trade Commission) выпустило Guidelines Concerning Abuse of Superior Bargaining Position under the Antimonopoly Act (30.11.2010), где разъяснило содержание SBP (Note 7). Оно не означает наличие доминирующего положения на рынке, а характеризуется частично через косвенные признаки. JFTC определяет такое положение в первую очередь через пример: если компания А, обладающая SBP, сделает невыгодное предложение компании Б, последней придется его принять, что поставит ее в соответствующее невыгодное положение. Ведомство специально подчеркивает, что злоупотребление SBP возможно не только со стороны крупного предприятия по отношению к среднему и мелкому, но и между средними и мелкими, а также в отношениях между крупными. Более конкретный инструмент для определения SBP – подсчет объемов продаж, а также определение встречной зависимости от контрагента. При оценке наличия SBP и ее степени принимаются во внимание общие условия взаимодействия, а также возможность оперативно и на адекватных рыночных условиях сменить контрагента с учетом вложенных инвестиций, рыночной конъюнктуры и состояния конкуренции на рынке. Таким образом, можно сделать вывод, что JFTC комбинирует качественные и количественные критерии для определения SBP. Второй логичный вывод – признаки экономической зависимости в европейском понимании и признаки SBP практически идентичны, перечисленные формы злоупотребления также значительно схожи. Отметим также, что схожи и первоочередные отраслевые сферы применения: торговые сети и цифровые рынки¹. Но все же необходимо отметить, что ряд недобросовестных торговых практик и частных случаев SBP на момент издания данных разъяснений уже был разъяснен в специальных актах JFTC, хотя особо эффективных монетарных санкций и соответствующих им полномочий у ведомства не было². Однако с введением в 2009 г. спе-

¹ С 2009 г. решения о пресечении злоупотребления SBP были приняты в отношении как минимум пяти торговых сетей: Sanyo-Marunaka Co Ltd, Toys“R”Us-Japan, Ltd; Edion Corporation, Ralse Company; Direx. В 2019 г. JFTC издала Guidelines Concerning Abuse of a Superior Bargaining Position in Transactions between Digital Platform Operators and Consumers that Provide Personal Information, etc. (17.12.2019).

² Specific Unfair Trade Practices in the Newspaper Business (Fair Trade Commission Notification No. 9 of 1999); Specific Unfair Trade Practices when Specified Shippers Assign the

циальной нормы антимонопольное ведомство получило право издавать запрещающие предписания, а также взыскивать сверхвыручку, полученную в результате нарушения.

Второе направление японского законодательства, которое нельзя не упомянуть применительно к вопросам экономической зависимости, — отраслевое регулирование отношений поставщиков и покупателей в рамках Закона о субподряде от 01.06.1956. Он применяется в первую очередь к ситуации, когда ритейлер заказывает производство продукции, впоследствии продаваемой им самим по договору комиссии с товарным обозначением производителя или, что намного чаще, под собственным брендом. Зависимость производителя здесь очевидна, и она вытекает не из положения на рынке, а как раз из специфики финансовых и коммерческих отношений между производителем и ритейлером. Именно поэтому закон в первую очередь регулирует финансовые отношения, в частности запрещает задержку оплаты. За исполнением данного закона также следит JFTC, которая определяет порядок расчета штрафа за неуплату, а также выдает рекомендации ритейлерам, подозреваемым в нарушении. Выполнение рекомендаций освобождает ритейлера от ответственности как в рамках данного Закона, так и в рамках Закона о запрете частной монополизации и поддержке честной торговли.

Греция. В Греции злоупотребление экономической зависимостью сегодня регулируется Законом № 146/1914 «О недобросовестной конкуренции», который предназначен для защиты предпринимателей от недобросовестных действий конкурентов, противоречащих правилам гражданского оборота. Закон запрещает злоупотребление одним или несколькими предпрятиями отношениями экономической зависимости, связывающими условно контролирующего и зависимого, не имеющего какой-либо эквивалентной альтернативы.

Первоначально запрет на злоупотребление отношениями экономической зависимости содержался в законодательстве о конкуренции, в 1995 г. эта норма была исключена, затем последовала долгая история возвращений и исключений, в результате чего в 2009 г. был включен в вышеупомянутый закон¹. Из перечисленных случаев это единственный, когда применение соответствующей запретительной нормы не находится в компетенции антимонопольного ведомства — споры подлежат рассмотрению в суде.

Италия. Одна из самых ранних специальных норм (не инкорпорированных в конкурентное законодательство) о защите экономически зависимой стороны была принята в Италии. Статья 9 итальянского Закона о субподряде

Transport and Custody of Articles (Fair Trade Commission Notification No. 1 of 2004); Specific Unfair Trade Practices by Large-Scale Retailers Relating to Trade with Suppliers (Fair Trade Commission Notification No. 11 of 2005).

¹ Более подробно об истории запрета в Греции, его эволюции и последствиях см. Emanuela N. Truli Relative Dominance and the Protection of the Weaker Party: Enforcing the Economic Dependence Provisions and the Example of Greece. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2991133

в производственной деятельности № 192 от 18 июня 1998г.¹ запрещает злоупотребление экономической зависимостью одной или нескольких компаний. Зависимым может быть признан как поставщик, так и его контрагент. Зависимость определяется как дисбаланс в правах и обязанностях в коммерческих отношениях. При оценке экономической зависимости также принимается во внимание возможность найти удовлетворительную альтернативу на том же товарном рынке. В качестве злоупотребления экономической зависимостью может рассматриваться отказ от приобретения или продажи, навязывание неоправданно обременительных или дискриминирующих договорных условий, а также произвольный разрыв устоявшихся коммерческих отношений. Сделка, заключенная на таких условиях в соответствии с итальянским законодательством, является ничтожной. Несмотря на то, что категория отраслевая – субподряд в производственных отношениях (хотя под данное определение подпадают весьма многие отношения в значительном числе отраслей), компетентным административным правоприменителем является итальянский антимонопольный орган (Autorità Garante della Concorrenza e del Mercato, AGCM). Он же уполномочен налагать оборотные штрафы и применять предупредительные меры в этом случае. Пострадавшее лицо вправе также обратиться в суд за взысканием убытков и запретительными мерами.

Чехия. Еще один пример отраслевого регулирования экономической зависимости – Чехия. В сентябре 2009 г.² Чехия ввела в действие Закон о существенной власти на рынке продажи сельскохозяйственной продукции и продовольствия и о злоупотреблении ею. Закон вводит понятие «существенная рыночная власть», которой считается положение покупателя, благодаря которому покупатель может использовать преимущество, предоставляемое поставщиками в связи с покупкой продовольственных товаров, или получать или предоставлять услуги, связанные с покупкой или продажей продовольственных товаров, без уважительной экономической причины. Власть оценивается в первую очередь с учетом структуры рынка, барьеров для входа на рынок и финансовой устойчивости покупателя. Положение на рынке перепродавца оценивается совместно с положением конечного покупателя, в интересах которого он действует.

Закон вводит презумпции в отношении положения на рынке некоторых хозяйствующих субъектов, к которым относятся:

а) приобретатель товара, чей нетто-оборот от продажи продуктов питания и сопутствующих услуг в Чешской Республике превысил 5 миллиардов чешских крон за последний отчетный период в 12 месяцев;

б) приобретатель товара, который является контролируемым лицом, чей оборот от продаж продуктов питания и сопутствующих услуг в Чешской

¹ См. текст: <https://www.agcm.it/competenze/tutela-della-concorrenza/dettaglio?id=58e16284-f1d9-4712-9db9-cfcf13959ec4&parent=Normativa&parentUrl=/competenze/tutela-della-concorrenza/normativa>

² См. текст: <https://www.uohs.cz/en/legislation.html>

Республике не превышал 5 миллиардов чешских крон за последний отчетный период в 12 месяцев, если их чистый оборот от продаж продуктов питания и сопутствующих услуг в Чешской Республике вместе с чистым оборотом продаж контролирующей компании продовольственных товаров и сопутствующих услуг в Чешской Республике превысил 5 миллиардов чешских крон за последний закрытый годовой отчетный период;

в) альянс приобретателей, чей общий нетто-оборот от продаж продуктов питания и сопутствующих услуг в Чешской Республике превысил 5 миллиардов чешских крон за последний закрытый годовой отчетный период.

Для договоров с подобными хозяйствующими субъектами предусмотрен ряд требований и ограничений. Помимо требований к форме договора между хозяйствующим субъектом, обладающим существенной властью, и его контрагентом (только письменная) и требований к его содержанию (метод определения цены, условий доставки, способ оплаты), закон приводит ряд конкретных запретов злоупотребления в ходе договорной деятельности. К ним относятся:

- а) создание дисбаланса в договорных отношениях между сторонами;
- б) получение любого платежа или другого встречного исполнения, которое не обусловлено совершенным исполнением или несоразмерно стоимости фактического вознаграждения;
- в) получение любого платежа или скидки, сумма которых или цель предоставленного возмещения за этот платеж или скидку не были согласованы в письменной форме до поставки продовольственных товаров или оказания услуг, к которым она относится;
- г) установление ценообразования, которое не позволяет определить четкую закупочную цену в налоговой документации с учетом всех скидок (за исключением ранее определенных оптовых скидок),
- д) требование компенсации за санкции, наложенные контролирующим органом, от поставщика в отсутствие его вины;
- е) дискриминация поставщика, заключающаяся в согласовании и выполнении различных договорных условий по покупке или продаже услуг, связанных с покупкой или продажей продовольственных товаров с сопоставимыми характеристиками, без уважительной причины, и др.

Компетентным правоприменителем является чешское антимонопольное ведомство (*Úřadu pro ochranu hospodářské soutěže*). В случае нарушения требований закона оно уполномочено по итогам расследования выдавать предписания о прекращении нарушения, а также налагать фиксированные или оборотные штрафы.

Подведем итоги. Законодательство различных стран в настоящее время содержит нормы, позволяющие ограничить более сильную, но при этом недоминирующую сторону в предпринимательских отношениях. Ограничительные нормы содержатся либо в актах, регулирующих конкуренцию, либо в специальных отраслевых нормативных актах. В последнем случае можно говорить о подходе, близком к российскому, где ст. 9 и 13 Федерального закона 03.07.2016 № 273-ФЗ «О государственном регулировании торговой деятельности» также установлены запреты для сетей по отношению к более

зависимым поставщикам, которые, тем не менее, не решают системную проблему с экономической зависимостью. Ограничения принимают форму либо общего запрета злоупотребления экономической зависимостью (наиболее распространено в Европе), либо запрета злоупотребления SBP, либо используется метод специальных требований. Для идентификации случаев зависимости и SBP используются в основном качественные характеристики (в первую очередь отсутствие альтернативы), однако возможно применение и квазиколичественных (например, объем продаж, приходящихся на определенного контрагента). Конкретные формы злоупотребления / формы нарушений достаточно схожи: к таковым относятся прежде всего дискриминация, необоснованные требования о предоставлении преимуществ, получение выгод из дисбаланса между сторонами правоотношений. Степень детализации различается – весьма общие в Германии, весьма подробные в Чехии и Франции, однако по существу очень схожие.

Практически во всех юрисдикциях (кроме Греции) защита более слабой стороны возможна административным способом: правоприменителем является антимонопольное ведомство, которое уполномочено расследовать случаи злоупотреблений, выдавать запретительные предписания и налагать монетарные административные санкции. Законодательство некоторых стран романо-германской группы (Италия, Франция) также прямо указывает, что сделки, совершенные с нарушением требований о запрете злоупотребления экономической силой, ничтожны. Норма применяется часто и в отношении достаточно крупных компаний, только за последние 2 года два европейских государства обновили свой подход к регулированию односторонних действий недоминирующих компаний: Бельгия ввела новый для этой юрисдикции запрет злоупотребления экономической зависимостью, а Германия расширила сферу его применения. Проведенный анализ показывает, что, наблюдая за экономической конъюнктурой и развитием договорных моделей, где не занимающий формально доминирующее положение хозяйствующий субъект может оказывать влияние на своего контрагента (что, как представляется, в долгосрочной перспективе неминуемо скажется и на рынке в целом), государство все чаще использует специальные нормы для регулирования в ситуациях, где классические антимонопольные запреты бессильны.

Список источников

1. Röllер L.-H. Exploitative Abuses. 12th Annual Competition Law and Policy Workshop Robert Schuman Centre, 8-9 June 2007 EUI, Florence. URL: <https://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/Competition/2007ws/200709-COMPed-Roeller.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
2. ICN Special Program for Kyoto Annual Conference Report on Abuse of Superior Bargaining Position Prepared by Task Force for Abuse of Superior Bargaining Position, ICN 7th annual conference, 14-16.04.2008. URL: https://www.internationalcompetitionnetwork.org/wp-content/uploads/2019/11/SP_ASBP2008.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. Röller, L.-H. (2007) Exploitative Abuses. *12th Annual Competition Law and Policy Workshop Robert Schuman Centre*. June 8-9. EUI, Florence. [Online] Available from: <https://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/Competition/2007ws/200709-COMPed-Roeller.pdf> (Accessed: 20th February 2024).

2. ICN. (2008) ICN Special Program for Kyoto Annual Conference Report on Abuse of Superior Bargaining Position Prepared by Task Force for Abuse of Superior Bargaining Position. *ICN 7th Annual Conference*. April 14-16, 2008. [Online] Available from: https://www.internationalcompetitionnetwork.org/wp-content/uploads/2019/11/SP_ASBP2008.pdf (Accessed: 20th February 2024).

Информация об авторе:

Борзило Е.Ю., доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и процесса Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: borzilo@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borzilo E.Yu., PhD in Law, Professor at the Research Center of Private Law Named after S.S. Alexeev under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: borzilo@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2022;
одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 05.03.2022;
approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 18.03.2024*

Научная статья

УДК 347

doi: 10.17223/22253513/51/10

Экспертизы в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением

Валерия Андреевна Гончарова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, valeria.goncharova.93@bk.ru*

Аннотация. Определяется доказательственное значение судебных экспертиз в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, и выявляются проблемы в их практическом применении. На основе исследования существующих научных работ делается вывод об общем положительном потенциале подобных экспертных мероприятий. В то же время анализ процессуального законодательства свидетельствует о наличии препятствий в их адекватном и справедливом использовании.

Ключевые слова: моральный вред, судебная экспертиза, моральные страдания, достоинство личности, вред здоровью

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

Для цитирования: Гончарова В.А. Экспертизы в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 120–134. doi: 10.17223/22253513/51/10

Original article

doi: 10.17223/22253513/51/10

Expertise in cases of compensation for moral damage caused by a crime

Valeria A. Goncharova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
valeria.goncharova.93@bk.ru*

Abstract. On 15 November 2022, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation published Resolution No. 33 "On the Practice of Application by Courts of the Norms on Compensation for Moral Damage", which replaced the 1994 clarifications. The peculiarity of the new ruling was an expanded list of circumstances, which, in the opinion of the highest court, the courts should be guided by when deciding the most difficult issue of applying compensation for moral harm in general - determining its amount. Numerous doctrinal studies are also devoted to the solution of this problem, the authors of which propose the introduction of appropriate formulas for calculating

the amount of compensation, taking into account both the individual characteristics of the injured person and other circumstances relevant to the case (the degree of guilt of the offender, the intensity of the offence, etc.).

At the same time, both the guidelines formulated by the Supreme Court and the formulas proposed in science do not take into account the difficulty in establishing the most important circumstance for the case of compensation for moral harm, the basis for its award - the presence of moral suffering as such. No matter how many reference points there are and no matter how accurate and unfolded the formulas are, the suffering caused by the offender, its depth, the degree of influence of the violation on the victim will always remain inaccessible for objective reasons for the court. As a consequence, these sufferings will inevitably be assessed by specific law enforcers on the basis of their own life experience, through the prism of their own perceived experiences and value systems, which means that the final amount of compensation will by definition be extremely subjective. The foregoing actualises the need to find such a way of establishing the existence of moral harm and the degree of moral suffering actually incurred by a person, which would allow the court to form a real picture of the actual psychological state of the victim in the most possible exhaustive way.

The analysis of doctrinal studies shows a significant attention of authors to psychological and (or) psychiatric expertise - a mechanism, the use of which would significantly simplify the process of establishing the existence of grounds for compensation and, consequently, the determination of its amount. At the same time, despite a number of obvious advantages of such procedural measures, they also have a number of disadvantages: limited use in criminal proceedings, problems in the distribution of costs for their conduct and in the assessment of their evidentiary value in general. The use of forensic psychological and forensic psychiatric examinations is also complicated by the current narratives in law enforcement, which have become a consequence of contradictions in the positions of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation.

Keywords: moral harm, forensic expertise, moral suffering, dignity of a person, harm to health

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

For citation: Goncharova, V.A. (2024) Expertise in cases of compensation for moral damage caused by a crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 120–134. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/10

15 ноября 2022 г. Пленумом Верховного Суда РФ было опубликовано Постановление № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – постановление № 33), пришедшее на смену разъяснениям 1994 г. Примечательной особенностью нового постановления явилось значительное расширение Верховным Судом РФ перечня ориентиров для правоприменителей, которые следует учитывать при определении размера компенсации морального вреда. Так, по смыслу п. 26 постановления № 33 суду, помимо собственно действий или бездействия причинителя, причинно-следственной связи, формы, степени вины причинителя, следует принимать во внимание также полноту мер, принятых последним для снижения или вовсе исключения вреда. С учетом ранее сформулированных выводов Суд указывает на необходимость учета стремления причинителя добровольно, до обращения в суд потерпевшего компенсировать ему мораль-

ный вред, достаточность такого добровольного возмещения при его осуществлении, его ориентированность на непосредственное заглаживание моральных страданий пострадавшего (п. 24 постановления № 33), а также в целом существо и значимость прав и нематериальных благ потерпевшего, которым причинен вред, степень их умаления (интенсивность, кратность, масштаб и длительность посягательства), поведение самого потерпевшего при причинении вреда, тяжесть, степень и длительность расстройства его здоровья, возможность ведения им прежнего образа жизни, индивидуальные особенности пострадавшего (п. 27, 28 постановления).

Подобный – индивидуализированный и конкретизированный – подход начал формироваться на уровне решений Верховного Суда еще до публикации обновленных разъяснений. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2021 г.) Суд указал на недопустимость формального подхода к определению размера компенсации, отметив, что «судебными инстанциями не выяснялась тяжесть причиненных истцу физических и нравственных страданий в связи с полученными им травмами, не учтены реабилитационные мероприятия, назначенные Б. в связи с инвалидностью, а также не принята во внимание степень вины причинителя вреда». При этом, как подчеркнул Суд, в обоснование требований о компенсации морального вреда потерпевший ссылаясь на пережитый им в результате дорожно-транспортного происшествия сильнейший болевой шок, страх смерти, длительность нахождения в реанимации и в целом лечения, болезненность операций. Немаловажно и то, что в результате дорожно-транспортного происшествия потерпевший утратил возможность вести привычный для него как молодого человека активный образ жизни, а причинитель вреда не принес ему никаких извинений, не предпринял мер к компенсации причиненного вреда.

В приведенном деле суд первой инстанции, с которым в дальнейшем согласились апелляционный и кассационный суды и не согласился Верховный Суд, присудил потерпевшему компенсацию морального вреда в размере 400 000 руб., при том что последний заявлял требование о компенсации в размере 9 000 000 руб. В то же время Судом при постановлении его решения о передаче дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции было указано лишь на несоответствие закону решений нижестоящих инстанций, при этом закономерно, что никаких числовых и относительно определенных пределов необходимой в данном случае и приемлемой компенсации дано не было.

Этот пример ярко иллюстрирует современное состояние правоприменения при рассмотрении дел, связанных с компенсацией лицам моральных страданий, вызванных преступным повреждением их здоровья, причинением смерти их родственникам. На отсутствие единообразия в оценке причиненного морального вреда при посягательстве на одни и те же нематериальные блага, нарушении личных неимущественных прав неоднократно указывалось в научной и практической литературе. В частности, авторами методических рекомендаций по определению размера компенсации мораль-

ного вреда при посягательстве на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека отмечается, что «вопрос об определении размера компенсации морального вреда во всех странах неизбежно переходит в область судейского усмотрения и решается на основе этической интуиции суда (как сказано в п. 2 ст. 1101 ГК РФ, с учетом требований разумности и справедливости), сдерживаемой лишь необходимостью ориентироваться на сложившиеся в практике средние суммы присуждаемых компенсаций» [1. С. 10]. Обращая внимание на существующие трудности в определении размера компенсации, авторы указывают на проблемы корректирующей, а также вертикальной и горизонтальной справедливости, наличие которых обуславливает общественный и правоприменительный запрос на «мягкую стандартизацию» размеров компенсации морального вреда» [1. С. 13].

Предлагаемые в литературе пути «сглаживания» ситуации и унификации способов определения размеров компенсации в большинстве случаев предполагают использование правоприменителем разнообразных формул. Одним из первых ученых, кто допустил подобный способ расчета моральных страданий, был А.М. Эрделевский, по мнению которого, «для облегчения учета упомянутых критериев (представленных в законодательстве ориентиров для определения размера компенсации. – В.Г.) при определении размера компенсации действительного морального вреда можно рекомендовать применение формулы, объединяющей все эти критерии: $D = d \times fv \times i \times c \times (1 - fs)$ » [2]. В приведенной формуле размер компенсации действительного морального вреда (D) определяется как произведение размера компенсации презюмируемого морального вреда (d), степени вины причинителя вреда (fv), коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего (i), коэффициент учета заслуживающих внимания фактических обстоятельств причинения вреда (c), степень вины потерпевшего (fs).

В уже упоминавшихся методических рекомендациях предлагается схожая по существу формула, принимаемыми во внимание величинами в рамках которой должны выступать: БВК (базовая вменяемая компенсация морального вреда, примерные размеры которой предложены авторами), КСС (коэффициент индивидуальной степени страданий), ФВ (коэффициент формы вины), ИОО (коэффициент индивидуальных особенностей ответчика), ВП (коэффициент степени вины потерпевшего), ОВП (иные фактические обстоятельства). В результате умножения указанных величин, по мнению авторов, возможно наиболее достоверное определение размера компенсации моральных страданий [1. С. 37–52].

В то же время очевидно, что и в приведенных формулах не исключена определенная доля усмотрения, поскольку базовые для них показатели определяются авторами также произвольно, в привязке к размерам МРОТ и прожиточного минимума. Кроме того, представляется, что само введение формул для определения понесенных лицом моральных страданий привносит значительную долю формализма в определение размера компенсации, что вряд ли соответствует правовой природе анализируемого способа защиты.

В рамках данных формул и предлагаемых Судом ориентиров, приведенных ранее, не учитывается и еще одно немаловажное обстоятельство: определение размера компенсации неразрывно связано с определением в целом основания для ее применения – морального вреда как физических и нравственных страданий, негативных изменений в эмоциональной сфере лица. Данный вред по своей сути строго индивидуален, персонифицирован, не предполагает какой-либо универсализации и возможности единства в подсчете для всех лиц, а также, что наиболее важно, напрямую зависит от психоэмоционального состояния потерпевшего как до посягательства на его нематериальные блага, так и после. Одна и та же релевантная для права ситуация, даже связанная с причинением вреда здоровью, где наличие моральных страданий предполагается¹, у одних лиц может вызывать значительные страдания, а у других не вызывать никаких либо вызывать, но совсем несущественные. При этом очевидно, что в отсутствие страданий вести речь об учете вины правонарушителя, поведении самого потерпевшего, интенсивности нарушения и других обстоятельствах для целей определения размера компенсации уже бессмысленно. Именно вред, страдания, возникшие вследствие определенного неправомерного деяния причинителя, должны являться первоочередным и основным объектом внимания суда и лишь в дальнейшем – при установлении их наличия – приобретать конечный «денежный» вид с учетом иных условий гражданско-правовой ответственности и обстоятельств дела.

Уточнение ориентиров, которые судам следует принимать во внимание при определении размера компенсации, предпринятое Верховным Судом, хоть и следует в целом оценить положительно, не стоит рассматривать как окончательное решение проблемы. Сколько бы ни было ориентиров, вызванное нарушителем страдание, его глубина, степень влияния нарушения на потерпевшего всегда будут оставаться в недоступной по объективным причинам для суда плоскости, а следовательно, неминуемо будут оцениваться конкретными правоприменителями с опорой на их собственный жизненный опыт, через призму их собственных предполагаемых переживаний и систем ценностей, а значит, итоговые размеры компенсации по определению будут оставаться исключительно субъективными.

Изложенное актуализирует необходимость поиска такого способа установления наличия морального вреда и степени на самом деле понесенных лицом моральных страданий, который позволил бы максимально возможным исчерпывающим образом сформировать у суда действительную картину актуального психологического состояния потерпевшего, обратившегося за компенсацией. Интенсивность, кратность, масштаб и длительность посягательства, поведение самого потерпевшего при причинении вреда, причинителя после причинения вреда могут стать реальной опорой для правоприменителя в оценке обоснованности предъявляемых к возмещению

¹ Пункт 32 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

сумм, но при установлении наличия вреда в целом, т.е. условно уже на втором уровне.

Анализ доктринальных исследований прошлого десятилетия, посвященных процессуальным особенностям компенсации морального вреда, в том числе и при совершении в отношении лица преступления, свидетельствует о значительном внимании авторов к незаслуженно забытому в настоящее время механизму, применение которого как раз и позволило бы существенно упростить процесс установления наличия оснований для компенсации, а следовательно, и определения ее размера. Речь идет об экспертизах, проводимых при заявлении соответствующих требований в уголовном и гражданском процессах.

Существующие в доктрине позиции демонстрируют единообразие по вопросам как о положительном доказательственном потенциале таких экспертиз, так и об обязательности их использования судом при заявлении требований о компенсации моральных страданий при посягательстве на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность. Как отмечается Е.В. Козыревой, рассмотрение требований о компенсации морального вреда невозможно без проведения психологической, медицинской или психиатрической экспертизы [3]. Близкой к указанной позиции придерживается и М.А. Степанов, рассматривавший заключения экспертов как одно из основополагающих доказательств по гражданским делам о компенсации морального вреда: по мнению автора, однако, экспертиза (судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, судебно-психологическая, комплексная психолого-психиатрическая), проводимая в рамках гражданского судопроизводства, должна применяться ограниченно, и не столько для целей определения собственно оснований компенсации, сколько для выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для дела [4. С. 10]. Уточнял круг последних С.П. Олефиренко, отмечавший, что для установления обстоятельств, «выходящих за рамки главного факта, а именно: значимости утраченных благ для потерпевшего; причинной связи между физическим, имущественным вредом, вредом, причиненным нематериальным благам и психологическими переживаниями лица (нравственными и физическими страданиями); индивидуальных особенностей потерпевшего, влияющих на интенсивность его страданий, необходимо обязательное назначение и проведение экспертизы» [5. С. 6]. Последняя при этом может быть как судебно-психологической, так и комплексной психолого-психиатрической, медико-психологической. На важность экспертных мероприятий как доказательств, позволяющих получить информацию о причинно-следственной связи между неблагоприятными последствиями морального характера и преступным посягательством, указывал и И.А. Сухаревский [6].

Особое внимание экспертным мероприятиям по делам, связанным с компенсацией морального вреда при причинении преступления, уделяла А.Н. Калинина, подчеркивавшая психологическую природу морального вреда в целом. По мнению автора, поскольку содержанием нравственных

страданий в любом случае являются негативные изменения психической деятельности, постольку и раскрыт моральный вред в каждом конкретном случае может быть исключительно посредством проведения судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы [7. С. 8]. Как отмечает Калинина, экспертизы, предметом исследования которых являются моральные страдания, – относительно новый вид судебно-психологических экспертиз, имеющих собственные «задачи, экспертные понятия, специфический комплекс методов исследования... Предметом судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда являются фактические данные о негативных изменениях психической деятельности пострадавшего, наступивших в результате действий (бездействия) причинителя вреда, определяемые с помощью специальных психологических знаний. Объект – психическая деятельность пострадавшего в юридически значимый период. Экспертиза по делам о компенсации морального вреда занимает межродовое и межвидовое положение в общей системе СПЭ» [7. С. 8–9].

Современные исследования, посвященные доказательственному значению и особенностям экспертиз в делах о компенсации морального вреда, сосредоточены по большей части в периодических изданиях. Как и прежде, в настоящее время отмечается значительная роль экспертных мероприятий в рамках гражданского и уголовного судопроизводства, позволяющих прояснить наличие основания для компенсации морального вреда.

Примечательно, однако, то, что на уровне актуальных исследований авторы уделяют более пристальное внимание определению того, о какой, собственно, экспертизе применительно к оценке моральных страданий потерпевшего должна идти речь и какие вопросы должны ставиться судом перед экспертом. Так, по мнению О.Е. Беркович и Е.Б. Матрешиной, «закключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы более эффективно, полноценно и глубоко может отвечать на вопросы предварительного или судебного следствия» [8. С. 82], при этом на разрешение эксперта должны ставиться вопросы, ответы на которые позволят сформировать устойчивое представление как об индивидуально-психологических особенностях личности подэкспертного, предопределивших интенсивность моральных страданий, так и о влиянии на личность потерпевшего действий причинителя вреда. Ранее на необходимость комплексного исследования и с психологической, и с психиатрической позиций указывали Н.Ю. Рычкова и М.А. Лисняк, с точки зрения которых участие при производстве в равной степени и психолога, и психиатра способствует получению наиболее объективного искомого результата о степени влияния правонарушения на потерпевшего: «...так, объектом исследования психиатра является патологическая психическая деятельность лица. В его задачи входит выявление отклонений в психической деятельности лица, вызванных психическими расстройствами, как собственно патологическими, так и находящимися на грани нормы и патологии... при проведении экспертизы требуется участие

психолога, поскольку установление индивидуально-психологических особенностей личности непосредственно входит в его обязанности» [9. С. 200].

Экспертные мероприятия, проводимые по делам о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, положительно оцениваются и представителями профессионального медицинского сообщества, которые при этом указывают на востребованность именно судебно-психологических экспертиз [10, 11].

С процедурной точки зрения сама возможность организации и проведения судебно-психологических экспертиз (СПЭ) в делах о компенсации морального вреда законодательно не исключается. Так, как следует из ст. 1, 9, 11 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также утвержденного в соответствии с ними приказа Министерства юстиции РФ от 20 апреля 2023 г. № 72 психологические экспертизы, предполагающие в том числе исследование психологии человека, относятся к числу судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Согласно ГОСТ Р 57344-2016. «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения» судебно-психологическая экспертиза представляет собой одну из основных форм применения специальных психологических знаний в судопроизводстве, часть судебной психологии как раздела юридической психологии, объектом которой является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях (периодах времени, в которых протекает подвергаемая экспертному исследованию психическая деятельность подэкспертного лица), предметом – фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия, устанавливаемые с помощью специальных знаний и практических навыков эксперта в области психологии путем исследования объектов, представленных на исследование. Моральный вред (понимаемый в ГОСТ Р 57344-2016 как особенности психической деятельности субъекта, обусловленные нарушением неимущественного или нематериального права как психотравмирующим событием, выражающиеся в наличии изменений психического состояния, сопровождающихся преобладанием отрицательно эмоционально окрашенных переживаний, что влечет за собой нарушение социальной адаптации на различных уровнях, в одной или нескольких сферах деятельности личности, как психологическое содержание юридического понятия «моральный вред») прямо отнесен указанным национальным стандартом к предметной сфере СПЭ в гражданском процессе.

В уголовном же судопроизводстве, не исключая возможность предъявления потерпевшим гражданского иска о компенсации морального вреда (ст. 42, 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)), проведение СПЭ с целью установления наличия и степени моральных страданий потерпевшего, как представляется, исключается. По смыслу положений ч. 2 ст. 309 УПК РФ необходимость производства дополнительных расчетов, связанных с предъявленным в уголовном процессе гражданским иском и

требующих отложения судебного разбирательства, по инициативе суда может быть признана основанием для оставления гражданского иска без рассмотрения с признанием права на его удовлетворение в порядке гражданского судопроизводства. Закономерным исключением из данного законодательного подхода является ситуация, при которой оценка причиненного имущественного вреда значима для целей квалификации совершенного преступления и определения объема обвинения (п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»). Следовательно, для реализации возможности проведения СПЭ потерпевший по уголовному делу не лишен возможности предъявления соответствующих требований в порядке гражданского судопроизводства.

При определении круга вопросов, которые в рамках судебного разбирательства могут быть сформулированы для эксперта, авторами обращается внимание на необходимость выяснения, во-первых, изначальных индивидуальных особенностей подэкспертного лица, которые могли сказаться на интенсивности и глубине испытываемых им моральных страданий, во-вторых, актуального психологического состояния лица (переживаний лица и их выражения), степени и объема его деформации и, в-третьих, причинно-следственной связи между данной деформацией и деяниями ответчика [8, 12]. Указанные вопросы соответствуют сформулированному доктриной учению об основании и условиях гражданско-правовой ответственности в целом [13], однако, – в зависимости оттого, преступное посягательство на какое нематериальное благо или личное неимущественное право лица имело место, как представляется, не исключены их возможные уточнение и детализация. Не отрицается и ориентация на учет иных, отмеченных Судом в постановлении № 33 обстоятельств, имеющих значение для дела.

В то же время, несмотря на поддерживаемый очевидно положительный потенциал СПЭ как доказательств в рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства делах о компенсации морального вреда, следует признать, что даже при наличии заключения СПЭ и установлении в нем страданий вопрос о размере подлежащей присуждению компенсации так и остается нерешенным. Заключение эксперта способно лишь детально, насколько это возможно, описать состояние лица, установить реальность и степень влияния на него действий ответчика, но денежная оценка страданий, будучи вопросом права, остается компетенцией суда, рассматривающего дело, а следовательно, по-прежнему не исключена и свобода судебного усмотрения.

Кроме того, по смыслу упомянутого ранее ГОСТа метод экспертного исследования в рамках СПЭ характеризуется универсальностью и применяется в производстве всех видов и подвидов психологической экспертизы и на всех ее стадиях. При этом к общим методам СПЭ относятся наблюдение, беседа, психодиагностические методы, метод ретроспективного психологического анализа материалов дела. Ввиду описанных методов нельзя отри-

цать возможность определенной субъективности и неоднозначности формулируемых экспертом выводов, которые в дальнейшем могут стать основой и выводов суда.

Допустимо и иное: согласно ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, при этом никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. По смыслу данной нормы суд при принятии решения обязан отразить в нем мотивы, по которым одни доказательства приняты им в качестве основы для формулирования его позиции по делу, а другие отвергнуты, а также основания, по которым тем или иным доказательствам было отдано предпочтение. В подобной ситуации суд, при рассмотрении дела по ходатайству одной из сторон назначивший СПЭ и получивший соответствующее заключение, с которым с учетом иных обстоятельств причинения вреда он может быть не согласен, вынужден будет в решении вступать в заочную дискуссию с экспертом, опровергая его доводы и устанавливая иную – меньшую или большую – степень моральных страданий лица. В таком случае результаты СПЭ уже не помогают суду, а затрудняют его деятельность по вынесению соответствующего решения.

Схожие проблемы, как отмечается в литературе, возникают и по делам об оспаривании завещаний по мотиву отсутствия у завещателя воли на составление его в целом либо отдельных его частей, где эксперты-психиатры прибегают к «вероятностной модальности», указывая, что «с наибольшей вероятностью можно утверждать, что психическое расстройство, препятствовавшее завещателю понимать значение своих действий или руководить ими, все же было» [14, 15]. В подобных случаях судам приходится при вынесении решений «отбиваться» от таких, вероятностных и неопределенных по содержанию заключений, не вносящих ясности в сложившуюся ситуацию.

Закономерно возникновение вопросов и с точки зрения распределения расходов на проведение такой экспертизы. По смыслу ст. 94 и 96 ГПК РФ расходы, подлежащие выплате эксперту, относятся к разновидностям судебных издержек и предварительно вносятся на счет, открытый в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, соответствующего суда стороной, заявившей просьбу о проведении СПЭ. В случае, если указанная просьба заявлена обеими сторонами, требуемые суммы вносятся сторонами в равных частях. Согласно ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 ГПК РФ. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику – пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано. При этом, как отметил Верховный Суд РФ в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 №1 «О некоторых вопросах применения

законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», при разрешении исков неимущественного характера, в том числе имеющих денежную оценку требования, направленного на защиту личных неимущественных прав (например, о компенсации морального вреда), правила о пропорциональном возмещении расходов не применяются.

Буквальное толкование данных законодательных положений приводит к следующему выводу: если лицо обратилось в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного здоровью, в размере 200 000 руб. и по его ходатайству была назначена и СПЭ, в счет проведения которой он внес 40 000 руб. и опираясь на которую суд присудил лицу 100 000 руб., то такое лицо сможет получить с ответчика все 40 000 руб. в счет проведенной экспертизы. Если же экспертиза в период рассмотрения дела была проведена за счет ответчика и по его ходатайству, то при описанном решении он не имеет право на взыскание с истца каких-либо сумм. С одной стороны, представленное решение видится логичным и справедливым: при удовлетворении, даже частичном, требований о компенсации морального вреда очевидно, что судом при помощи СПЭ было установлено наличие самих моральных страданий и причинно-следственной связи между их возникновением и поведением ответчика. При этом на момент обращения, особенно в контексте небезызвестной сложившейся в России практики, зачастую предполагающей занижение сумм взыскиваемых компенсаций, истец заинтересован ставить значительные суммы, надеясь на удовлетворение требований хотя бы в подавляющей части и будучи уверенным в наличии у него страданий в целом.

В то же время возможна и негативная ситуация с перекосом в распределении расходов на проведение экспертизы: так, допустимо, что при тех же вводных ответчик признает, что причинил истцу моральные страдания, но оценивает их не в 200 000, а в 100 000 руб. Истец, не соглашаясь с подобной позицией ответчика и не пойдя на заключение мирового соглашения, ходатайствует о назначении СПЭ и оплачивает ее, затем получая решение о частичном удовлетворении его требований и о присуждении ему лишь 100 000 руб. в счет компенсации морального вреда. Складывается ситуация, при которой ответчик согласен был компенсировать истцу сумму, равную в дальнейшем присужденной, однако все равно по смыслу ст. 98 ГПК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ на него возлагается обязанность оплатить истцу полную сумму средств, затраченных на проведение экспертизы. Не исключена и возможность явного злоупотребления потерпевшим своим правом на защиту, при котором либо его страдания подтверждаются результатами СПЭ лишь в незначительной степени, либо само причинение ему указанных страданий сопровождалось его собственным поведением (ст. 1083 ГК РФ). Кроме того, при вынесении решения и распределении судом судебных расходов может оказаться, что сумма, подлежащая уплате экспертам, больше присуждаемой истцу в счет его моральных страданий.

Анализ судебной практики ожидаемо свидетельствует об общей невос требованности СПЭ, а также иных экспертиз в делах о компенсации мораль-

ного вреда. Одно из немногих выявленных дел, где суд применил результаты психолого-психиатрической экспертизы для установления оснований наличия моральных страданий, было рассмотрено в 2020 г. Савеловским районным судом г. Москвы (решение Савеловского районного суда г. Москвы по делу № 2-21/20). Основанием для предъявления иска истцом стали постоянные затопления его квартиры ответчиком – соседом сверху, что, по мнению истца, привело к формированию психотравмирующей ситуации, возникновению у него ряда заболеваний, ухудшению его здоровья. В заключении по результатам проведенной экспертизы психиатрами было установлено, что «на фоне длительной психотравмирующей ситуации, связанной с затоплением квартиры и конфликтом с ответчиком, у истца развилось смешанное тревожно-депрессивное расстройство (F41.2 по МКБ-10) со снижением настроения, тревогой, ипохондричностью, раздражительностью, плаксивостью, нарушением сна, фиксацией на психотравмирующей ситуации... Между указанной выше психотравмирующей ситуацией и возникновением психического расстройства... имеется прямая причинно-следственная связь». С психологической позиции было подтверждено наличие у истца снижения настроения, повышенной тревожности, раздражительности, вспыльчивости, нарушения внимания, чувства слабости, безнадежности, беспомощности и потери энергии, нервозности, беспокойства, плаксивости; причинно-следственная связь с действиями ответчика была также подтверждена.

В заключение стоит обратить внимание на еще одно значимое обстоятельство, способное повлиять на применение экспертиз в делах о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Речь идет о сложившейся на практике тенденции безграничной и опасной универсализации компенсации как способа защиты гражданских прав, обуславливающей возможность компенсировать моральные страдания, возникшие в результате практически любых преступных действий третьих лиц. Причиной подобного положения дел стали в совокупности противоречащие друг другу выводы высших судов, которые нашли свое отражение в постановлении № 33, определении Верховного Суда РФ от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7, постановлениях Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П и от 26.10.2021 № 45-П¹. Последним из опубликованных Верховным Судом РФ актов, свидетельствующих о данном нарративе, негативном для практики применения законодательства, является его кассационное определение № 46-УД23-10-К6, основанием для вынесения которого стала кассационная жалоба одного из потерпевших по уголовному делу о мошенничестве, выразившего в числе прочего несогласие с отказом в компенсации ему морального вреда, причиненного преступлением, со ссылкой на Постановление Конституционного Суда от 26.10.2021 № 45-П. По мнению потер-

¹ Рассмотрение данной тенденции, а также тенденции, связанной с нивелированием роли страданий как оснований для компенсации как таковых (см. постановление КС РФ №7-П от 02 марта 2023 г.), выходит за рамки настоящей работы и заслуживает самостоятельного и основательного исследования.

певшего, в результате совершения преступления ему были причинены значительные моральные страдания, выразившиеся в ухудшении здоровья, потере единственной квартиры и денег от ее продажи, необходимости получать кредит, нести дополнительные финансовые затраты. Верховным Судом со ссылкой на приведенное Постановление Конституционного Суда, а также на п. 13 Постановление Пленума от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» был сделан вывод о потенциально возможном в анализируемой ситуации посягательстве на принадлежащие потерпевшему нематериальные блага потерпевшего; дело было отправлено на новое рассмотрение. В то же время, как представляется, два приведенных Судом постановления противоречат друг другу, как раз и формируя недопустимую для правоприменения ситуацию: в постановлении Верховного Суда, посвященном гражданскому иску, действительно допускается применение компенсации при посягательстве на имущественные права, но лишь в случае, когда это посягательство одновременно и *в равной степени, непосредственно, прямо, а не косвенно* затрагивает и нематериальные блага (например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия). Постановление же Конституционного Суда РФ вводит своего рода презумпцию наличия моральных страданий у потерпевшего от любого преступления, что противоречит как законодательству, так и позициям Верховного Суда РФ. Все это выглядит как намеренный обход положений п. 2 ст. 1099 ГК РФ, принятие судами на себя не свойственных им функций.

Препятствий для оценки страданий, причиненных лицу в результате, в частности, имущественных преступлений, с использованием потенциала СПЭ в настоящее время нет, однако формально ее назначение по таким категориям дел, как в целом вышеупомянутые подходы судов, не соответствует законодательству, поскольку направлено на установление иррелевантных с позиции правового регулирования обстоятельств. Очевидно размытие границ в применении компенсации морального вреда как способа защиты гражданских прав, а следовательно, и в применении экспертиз по делам, связанным с ней.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что судебные экспертизы по делам о компенсации морального вреда обладают некоторым положительным потенциалом, поскольку способны сформировать у суда максимально приближенную к действительности картину психологического и (или) психического состояния потерпевшего лица. В то же время прояснения как на уровне доктрины, так и судебной практики требуют вопросы, связанные с оплатой расходов на проведение таких экспертиз, с четким определением их доказательственного значения, а также – что немаловажно – с ревизией института компенсации морального вреда в целом, что особенно актуально в контексте сложившихся противоречий в позициях высших судов.

Список источников

1. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. М. : М-Логос, 2023. 82 с.

2. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментариев законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007. 304 с.
3. Козырева Е.В. Процессуальные особенности рассмотрения судами гражданских дел о компенсации морального вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 24 с.
4. Степанов М.А. Доказывание по гражданским делам о компенсации морального вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 32 с.
5. Олефиренко С.П. Доказывание морального вреда и вреда, причиненного деловой репутации юридического лица, в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 29 с.
6. Сухаревский И.А. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 29 с.
7. Калинина А.Н. Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 248 с.
8. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б. Актуальные вопросы судебно-психологической экспертизы по делам о моральном вреде в рамках уголовного и гражданского судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 80–84.
9. Рычкова Н.Ю., Лисняк М.А. Экспертная оценка морального вреда // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 197–201.
10. Южанинова А.Л. К вопросу о структуре судебной психологической экспертизы // Российский психологический журнал. 2008. № 2. С. 39–46.
11. Енгальчев В.Ф., Южанинова А.Л. Некоторые особенности производства судебно-психологической экспертизы в гражданском судопроизводстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 2. С. 36–39.
12. Енгальчев В.Ф., Южанинова А.Л. О судебно-психологической экспертизе морального вреда // Российский психологический журнал. 2007. № 1. С. 29–37.
13. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учеб. пособие. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Шишков С.Н. Вероятные заключения судебных экспертов-психиатров // Законность. 2019. № 2 // СПС «Гарант».
15. Вершкова Е. Оспаривание завещания по основаниям ст.177 ГК РФ: проблемы доказывания // Жилищное право. 2015. № 4. С. 33–42.

References

1. Russian Lawyers Association. (2023) *Metodicheskie rekomendatsii po opredeleniyu razmera kompensatsii moral'nogo vreda pri posyagatel'stvakh na zhizn', zdorov'e i fizicheskuyu neprikosnovennost' cheloveka* [Methodological recommendations for determining the amount of compensation for moral damage in cases of attacks on the life, health and physical integrity of a person]. Moscow: M-Logos.
2. Erdelevskiy, A.M. (2007) *Kompensatsiya moral'nogo vreda: analiz i kommentariy zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki* [Compensation for moral damage: An analysis and commentary on legislation and judicial practice]. 3rd ed. Moscow: Wolters Kluwer.
3. Kozyreva, E.V. (2003) *Protsessual'nye osobennosti rassmotreniya sudami grazhdanskikh del o kompensatsii moral'nogo vreda* [Procedural features of consideration by courts of civil cases on compensation for moral damage]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
4. Stepanov, M.A. (2003) *Dokazyvanie po grazhdanskim delam o kompensatsii moral'nogo vreda* [Evidence in civil cases regarding compensation for moral damage]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petesburg.
5. Olefirenko, S.P. (2009) *Dokazyvanie moral'nogo vreda i vreda, prichinnennogo delovoy reputatsii yuridicheskogo litsa, v ugovnom sudoproizvodstve* [Proving moral harm and harm

caused to the business reputation of a legal entity in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.

6. Sukharevskiy, I.A. (2003) *Kompensatsiya moral'nogo vreda v ugovnom sudoproizvodstve* [Compensation for moral damage in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.

7. Kalinina, A.N. (2006) *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoy psikhologicheskoy ekspertizy po delam o kompensatsii moral'nogo vreda* [Theoretical and methodological foundations of forensic psychological examination in cases of compensation for moral harm]. Law Cand. Diss. Moscow.

8. Berkovich, O.E. & Matreshina, E.B. (2015) Aktual'nye voprosy sudebno-psikhologicheskoy ekspertizy po delam o moral'nom vrede v ramkakh ugovnogo i grazhdanskogo sudoproizvodstva [Current issues of forensic psychological examination in cases of moral harm in the framework of criminal and civil proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 4(32). pp. 80–84.

9. Rychkova, N.Yu. & Lisnyak, M.A. (2012) Ekspertnaya otsenka moral'nogo vreda [Expert assessment of moral harm]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii*. 1(10). pp. 197–201.

10. Yuzhaninova, A.L. (2008) K voprosu o strukture sudebnoy psikhologicheskoy ekspertizy [On the structure of forensic psychological examination]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*. 2. pp. 39–46.

11. Engalychev, V.F. & Yuzhaninova, A.L. (2007a) Nekotorye osobennosti proizvodstva sudobno-psikhologicheskoy ekspertizy v grazhdanskom sudoproizvodstve [Some features of the production of forensic psychological examination in civil proceedings]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2. pp. 36–39.

12. Engalychev, V.F. & Yuzhaninova, A.L. (2007b) O sudebno-psikhologicheskoy ekspertize moral'nogo vreda [On forensic psychological examination of moral harm]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*. 1. pp. 29–37.

13. Shevchenko, A.S. & Shevchenko, G.N. (2013) *Deliktnye obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave* [Tort Obligations in Russian Civil Law]. Moscow: Statut.

14. Shishkov, S.N. (2019) Veroyatnye zaklyucheniya sudebnykh ekspertov-psikhiatrov [Probable conclusions of forensic psychiatrists]. *Zakonnost'*. 2.

15. Vershkova, E. (2015) Osparivanie zaveshchaniya po osnovaniyam st.177 GK RF: problemy dokazyvaniya [Challenging a will on the grounds of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation: Problems of proof]. *Zhilishchnoe pravo*. 4. pp. 33–42.

Информация об авторе:

Гончарова В.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Goncharova V.A., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2023;
одобрена после рецензирования 13.12.2023; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 22.10.2023;
approved after reviewing 13.12.2023; accepted for publication 18.03.2024.

Научная статья
УДК 364.02/ 327.7
doi: 10.17223/22253513/51/11

Анализ инструментов обеспечения стрессоустойчивости ЕС и АСЕАН

Ирина Александровна Стрельникова¹, Ольга Александровна Харина²

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *istrelnikova@hse.ru*

² *oa.kharina@hse.ru*

Аннотация. Анализируется концепция стрессоустойчивости как часть критических исследований в области безопасности и внешней политики государств и межгосударственных объединений. Основная цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать и сравнить основные инструменты стрессоустойчивости таких структур, как ЕС и АСЕАН. Авторами предложено видение новых моделей устойчивости ЕС и АСЕАН, которые могут стать основой для дальнейшего развития и успешного функционирования интеграционных объединений.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, ЕС, АСЕАН, инструменты стрессоустойчивости

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01174).

Для цитирования: Стрельникова И.А., Харина О.А. Анализ инструментов обеспечения стрессоустойчивости ЕС и АСЕАН // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 135–148. doi: 10.17223/22253513/51/11

Original article
doi: 10.17223/22253513/51/11

Analysing EU and ASEAN stress resilience tools

Irina A. Strelnikova¹, Olga A. Kharina²

^{1,2} *National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation*

¹ *istrelnikova@hse.ru*

² *oa.kharina@hse.ru*

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the concept of stress resilience from a legal point of view, focusing on the role of this concept in ensuring the security and foreign policy of states and international associations. In this direction, it is important to find a balance between the normative component and the political context of the term "stress resilience". Against the background of the processes of fragmentation and polarisation taking place in the modern world, the analysis of stress resilience practices developed by integration associations over decades may lead to the

stabilisation of the common system. For Russia this seems particularly relevant in the context of increasing international tensions and popularisation of discriminatory measures. The main objective of the study is to examine, analyse and compare in detail the main legal instruments used to ensure stress resilience in the context of two key structures - the European Union (EU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN).

Prior to the COVID-19 pandemic outbreak, the main trend in this area was to focus on external challenges and threats. However, the pandemic has forced international actors and states to rethink their strategies and priorities, focusing on domestic issues and challenges. The authors of the article offer their vision of new resilience models for the EU and ASEAN, which are envisaged to be the basis for further effective functioning and development of these integration groupings.

The study also highlights that within the framework of integration processes, enhancing sustainability has attracted the attention of various countries and international organisations. In light of the current global transformations, the world is facing the most serious economic challenges, which opens new opportunities for research and development of new strategies for sustainability in the future.

Thus, this study represents an important contribution to understanding the role of legal mechanisms in ensuring stress resilience, as well as to the development of effective strategies for overcoming the challenges and threats facing states and international associations in the modern world. A stress-resilient state is a secure state, and security promotes prosperity and democracy, the rule of law and human rights. Based on the theoretical foundations of political neoliberalism, this study reflects the current problems and challenges faced by modern legal systems and international organisations.

Keywords: stress resilience, EU, ASEAN, stress resilience tools

Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-28-01174).

For citation: Strelnikova, I.A. & Kharina, O.A. (2024) Analysing EU and ASEAN stress resilience tools. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 135–148. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/11

Введение

«Стрессоустойчивость» является одним из терминов, который используется в различных областях и науках. Концепция устойчивости впервые возникла в экологии в 1970-х гг., но по мере развития общества, изменения отношений между нациями и распространения интеграционных процессов устойчивость стала появляться и в других социальных науках, преимущественно в экономике и психологии.

В начале 2010-х гг. концепция стрессоустойчивости вошла в лексикон критических исследований в области безопасности и нескольких областей внешней политики Европейского союза (ЕС), таких как процессы восстановления после конфликтов, управление стихийными бедствиями и гуманитарная помощь [1].

В последние годы количество и масштаб внешних вызовов для различных интеграционных объединений существенно выросли. Главными среди них являются обострение американо-китайского сотрудничества и вытека-

ющие из этого торговые войны, стремительное распространение односторонних санкций и иных дискриминационных мер как внешнеполитического инструмента. Пандемия коронавируса лишь ускорила эти тенденции, поставив под вопрос способность стран и интеграционных объединений мобилизовать силы и полагаться на внутренние резервы для реагирования на эти вызовы. В связи с этим теория экономической стрессоустойчивости получила широкие возможности для использования в таких случаях, как воздействие санкций на энергетику, металлургию, отдельные подотрасли машиностроения, сельское хозяйство и другие объекты.

Данный вопрос имеет прямое отношение к ЕС и АСЕАН, а именно к анализу того, в какой степени они способны обеспечить стрессоустойчивость и внутреннюю консолидацию в условиях кризиса системы многостороннего регулирования в межгосударственных отношениях. Для России данные вызовы представляются особенно актуальными в контексте усиления международной напряженности, популяризации дискриминационных мер, таких как односторонние санкции, торговые войны и иные инструменты конкурентной борьбы. Исследование заявленной тематики представляет весомый интерес и имеет большое стратегическое значение в силу международно-политической значимости интеграционных процессов на евразийском пространстве, например в рамках Евразийского экономического союза [2].

Теоретические разработки концепции стрессоустойчивости (особенно в социальных науках) опираются на теоретическую основу неолиберализма, и их объединяют несколько аспектов. Во-первых, стрессоустойчивость рассматривается как свойство, которое присуще любой системе. Во-вторых, устойчивость носит аналитический характер и не имеет нормативных коннотаций. В-третьих, вызовы, угрозы и ресурсы для борьбы с ними всегда составляют единую систему. В-четвертых, стрессоустойчивость – это реакция на внутреннее возмущение в системе и перегруппировка элементов для достижения баланса либо в старой, либо в новой точке [3]. Таким образом, можно говорить о разных системах и, в конечном счете, об уровнях этих систем.

Основным используемым методом в исследовании является метод тематического анализа, необходимый для системной разбивки и группировки исторических событий и действий международных акторов путем объединения обособленных суждений и цитат, что способствует обнаружению понятия стрессоустойчивости в ЕС и АСЕАН, а для изучения универсальности устойчивости рассматриваются меры, принятые ЕС и АСЕАН в их внешних отношениях и региональной политической безопасности.

Концепция устойчивости была официально введена ЕС в 2016 г. В последние годы появляется все больше исследований, посвященных этой концепции. Елена Коростелева и Трин Флокхарт утверждают, что устойчивость смещает акцент на местное и индивидуальное в процессе национального управления, бросая вызов традиционной модели управления «сверху вниз» [1].

Первоначально концепция была сосредоточена на политической безопасности в регионе, но, судя по содержанию соответствующих отчетов Ев-

ропейской комиссии за последние годы, видно, что ЕС постепенно наращивает устойчивость в области гуманитарной помощи, реагирования на стихийные бедствия и обеспечения продовольственной безопасности. Например, из отчетов «Повышение устойчивости: подход ЕС» и «Компендиум устойчивости ЕС – спасение жизней и средств к существованию» видно, что основанная на устойчивости практика оказания гуманитарной помощи ЕС в Африке постепенно привела к созданию зрелых систем, институтов и разработанных инструментов для повышения потенциала местных сообществ справляться с рисками.

В 1960-х гг. индонезийское правительство ввело политический лозунг о жизнестойкости, который в конечном итоге стал одной из ключевых концепций АСЕАН. Однако существуют различия в понимании устойчивости между ЕС и АСЕАН. Ли Фэн в книге «“Устойчивость” ЕС и “устойчивость” АСЕАН: сравнительное исследование основных региональных концепций» указывает на это различие: «ЕС ориентирован вовне, делая акцент на распространении от внутреннего к региональному и глобальному, в то время как АСЕАН ориентирована вовнутрь, делая акцент на распространении от внутреннего к региональному; ЕС “перетекает” в сферу политической безопасности с экономическим сотрудничеством, в то время как АСЕАН смотрит внутрь себя с помощью норм политической безопасности и построения порядка для содействия экономическому сотрудничеству» [4].

В рабочей тетради РСМД по устойчивости за 2019 г. отмечается, что устойчивость стран АСЕАН используется не для вмешательства во внутренние дела стран региона, а для содействия региональному сотрудничеству, которое основано на взаимном уважении, самодостаточности и солидарности [3].

Таким образом, в последние годы теория и практика устойчивости достигли определенных результатов, но она по-прежнему является всеобъемлющей темой в области международных отношений, и во многих странах и регионах исследования устойчивости все еще находятся на низком уровне разработанности. Поэтому, несмотря на различия в повышении устойчивости между ЕС и АСЕАН, причины и последствия устойчивости в обоих регионах по-прежнему важны для ее распространения в других регионах.

Понятие стрессоустойчивости

Для начала необходимо дать определение понятию «стрессоустойчивость», которое впервые было введено канадским экологом К. Холлингом в 1973 г. Он использовал термин «resilience» для объяснения адаптации среды к внешним вызовам и возможность ее восстановления после шоков [5].

Первоначально понятие использовалось в экологии и биологии, чтобы показать, что любая существующая система адаптируется к повторным толчкам. Постепенно этот термин становился все более популярным и распространился на многие области. В политологии и международных отношениях устойчивость понимается как «способность государств и обществ к ре-

формированию, тем самым выдерживая и восстанавливаясь после внутренних и внешних кризисов»¹. Иными словами, «устойчивость» – это реакция стран и обществ на нарушения в системе путем перестройки, восстановления ее первоначального статуса.

Что касается ЕС, то понятие «стрессоустойчивость» начинает фигурировать в документах и праве в 1980-х гг., в частности, в сферах внутренней деятельности, окружающей среды и экономики. В 1990-х гг. термин начинает применяться для отношений ЕС с третьими странами, преимущественно также в вопросах экономики и экологии. Затем, в 2006 г. в ЕС впервые обсуждалась устойчивость институтов и гражданского общества развивающихся стран, которые активно сталкивались с различными вызовами.

Несмотря на это, только в 2012 г. Европейская комиссия определила стрессоустойчивость как «способность индивида, домохозяйства, сообщества, страны или региона противостоять стрессам и шокам, адаптироваться к ним и быстро восстанавливаться после них»². Кроме того, ЕС выпустил ряд других документов по укреплению стрессоустойчивости «хрупких государств». Таким образом, сложилась система, в которую вошли ЕС и развивающиеся страны³.

Далее понятие «стрессоустойчивости» становится основополагающим для нормативно-правовой базы ЕС, поскольку в тексте Стратегии 2016 г. оно упоминается более около 40 раз, а целью Стратегии является укрепление стрессоустойчивости государств в ЕС и сопредельных государствах⁴. Более того, термин «стрессоустойчивость» был расширен, дополнен и трактовался как «способность государств и обществ реформироваться, сопротивляясь внешним и внутренним кризисам и восстанавливаясь после них» [6]. Также в Стратегии отмечалось, что стрессоустойчивость ЕС напрямую зависит от стрессоустойчивости соседних стран и их соседей.

¹ A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. (дата обращения: 14.02.2022).

² Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The EU Approach to Resilience: Learning From Food Security Crises. Brussels. COM(2012) 586 final. European commission. 03.10.2012. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/the_eu_approach_to_resilience_learning_from_food_security_crises-com2012_586_final.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

³ Council Conclusions on EU approach to resilience. 3241st Foreign Affairs Council meeting. 28.05.2013. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137319.pdf; European Commission Action Plan for Resilience in Crisis Prone Countries 2013-2020. Commission Staff Working Document. Brussels. SWD(2013) 227 final // European commission. 19.06.2013. URL: https://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/com_2013_227_ap_crisis_prone_countries_en.pdf; European Commission. Resilience Marker General Guidance. Brussels. Ref. Ares(2014)3883617 // European commission. 21.11.2014 (дата обращения: 15.02.2022).

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

ЕС и стрессоустойчивость

В октябре 2012 г. Европейская комиссия опубликовала «Подход ЕС к обеспечению устойчивости: уроки кризиса продовольственной безопасности», а затем «План действий по обеспечению устойчивости для стран, подверженных кризисам, на 2013–2020 годы». Он определяет направление будущего сотрудничества ЕС с другими государствами в укреплении устойчивости, включая гуманитарную деятельность¹. Это улучшило потенциал и устойчивость ЕС в области управления рисками, облегчило координацию и сотрудничество между департаментами, когда они сталкиваются с различными рисками. ЕС также упорядочил гуманитарное сотрудничество с другими странами и организациями.

Документы ЕС, которые содержат термин «стрессоустойчивость» также фиксируют необходимость внешнеполитической деятельности Европейского союза, прежде всего в направлении продвижения ценностей², поскольку «стрессоустойчивое государство – это безопасное государство, а безопасность – ключ к процветанию и демократии», а также «стрессоустойчивое общество с демократией, верой в институты и устойчивым развитием находится в основании стрессоустойчивого государства»³. Исходя из этого, понятия безопасности, демократии и стрессоустойчивости стали звеньями одной цепи, а ЕС во внешней деятельности продвигает демократию, верховенство права и права человека.

На данный момент ЕС применял устойчивость в первую очередь к вопросам, касающимся гуманитарных аспектов, и интерпретировал устойчивость как способность индивида, семьи, сообщества, государства или региона противостоять стрессам и потрясениям, адаптироваться и быстро оправляться от них. В «Плане действий по повышению устойчивости в странах, подверженных кризисам, на 2013–2020 годы» ЕС взял курс на повышение устойчивости, сочетая гуманитарные действия с политическим участием и долгосрочными проектами сотрудничества в целях развития. В 2016 г. за этим последовала публикация Глобальной стратегии ЕС, которая интегрирует устойчивость в основы внешней политики и политики безопасности с целью укрепления социальной устойчивости ЕС и его соседей и расширяет понимание устойчивости как способности государств реагировать на

¹ Building Resilience: The EU's approach. European Commission. 2016. URL: https://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/factsheets/thematic/EU_building_resilience_en.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

² Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action // European Union External Action. 07.06.2017. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/27711/A%20Strategic%20Approach%20to%20Resilience%20in%20the%20EU's%20External%20Action (дата обращения: 15.02.2022).

³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union. 02.06.2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

угрозы безопасности и восстанавливаться после них. К таким угрозам были отнесены терроризм и гибридная война¹.

ЕС – пример международной структуры, которая придала наибольшую устойчивость своей политике. Во-первых, в гуманитарном плане ЕС использует свою экономическую мощь для оказания помощи бедным странам, например, поддерживая устойчивость стран Африканского Рога (SHARE – 2012). В 2011 г. страны Африканского Рога пострадали от 60-летней засухи, которая лишила их доступа к продовольствию и вызвала голод. Европейская комиссия предложила государствам «Стратегию совместного использования», которая предусматривает финансирование для решения долгосрочных проблем в Африке, таких как риск засухи, отсутствие безопасности, нестабильность средств к существованию и т.д. План ЕС предусматривает несколько целей: расширение экономических возможностей, укрепление институционального управления, поддержание человеческого и социального капитала и улучшение здравоохранения, питания и водной безопасности. Стратегия привлекает местных фермеров, органы власти, национальные правительства и региональные учреждения к созданию резервной системы продовольственной безопасности, которая эффективно координирует систему распределения продовольствия и сокращает традиционное распределение продовольствия в чрезвычайных ситуациях².

Во-вторых, одной из целей повышения устойчивости является возможность укрепления потенциала организаций и систем на всех уровнях [7]. В этом отношении ЕС, ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), ВПП (Всемирная продовольственная программа ООН) и другие международные организации добились определенных успехов, например, они создали Техническую рабочую группу по измерению устойчивости и усилили анализ устойчивости на страновом уровне, чтобы помочь странам-получателям бороться с такими кризисами, как отсутствие продовольственной безопасности и недоедание. ЕС и ФАО совершенствуют информационную сеть по продовольственной безопасности и содействуют измерению и анализу устойчивости с помощью недавно созданной платформы заинтересованных сторон³. Эти усилия могут помочь ориентироваться в наиболее уязвимых и подверженных риску группах населения, выявлять и оценивать воздействие мер противодействия угрозам, а также анализировать экономическую эффективность мер противодействия угрозам.

¹ High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, “Shared Vision, Common Action”. EU.06.2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

² Press release: Disaster resilience in the Horn of Africa to be strengthened further with new aid injection from the European Commission. 31.07.2012. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_12_864 (дата обращения: 26.06.2022).

³ EU Resilience Compendium – Saving lives and livelihoods. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/eu_resilience_compendium_en.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

Желаемым результатом улучшения анализа устойчивости ЕС является стандартизация инструментов измерения, создание надежной системы оценки устойчивости и усиление координации между департаментами и организациями. Затем это может быть распространено на более широкий национальный и региональный диапазон и помочь другим организациям анализировать и оценивать устойчивость.

COVID-19 и ЕС

Кризис, вызванный COVID-19, показал, что ЕС приложил недостаточно усилий к упреждающему управлению и повышению стрессоустойчивости перед лицом рисков, связанных как с предсказуемыми, так и с непредвиденными событиями. Согласно исследованию, проведенному Исследовательской службой Европарламента совместно с Генеральным директором по внутренней политике (IPOL) и внешней политике, существует примерно 66 потенциальных структурных рисков, с которыми Европа может столкнуться в ближайшие десять лет. В этом исследовании определяются приоритеты для повышения устойчивости системы Союза на основе собственных решений и рекомендаций Европейского парламента, сделанных внешними экспертами и заинтересованными сторонами, а также другими институтами ЕС¹.

Пандемия COVID-19, возникшая в Китае в конце 2019 г. и распространившаяся по всему миру, вызвала большой шок, который привел к серьезным социально-экономическим последствиям в мировой экономике и экономике ЕС. Несмотря на быстрые и комплексные меры, в 2020 г. экономика ЕС сократилась на 6,1%, а экономика еврозоны – на 6,6%. Экономический спад и восстановление в ЕС следуют по несбалансированному курсу между странами. Упомянутое расхождение также представляет серьезную угрозу для единого рынка и еврозоны. Кроме того, основными проблемами в последнее время стали растущая безработица и нехватка финансирования, которые могут создать проблемы для компаний. На уровне ЕС были приняты беспрецедентные экономические меры, чтобы пандемия COVID-19 не нанесла непоправимый ущерб экономике стран-членов.

Многолетняя финансовая программа на 2021–2027 гг. и цифровизация

Программа, которая рассчитана 2021–2027 гг., имеет ключевое значение с точки зрения обеспечения восстановления экономики. В этом контексте предполагается создать новую финансовую основу для преодоления последствий кризиса и предстоящих трудностей. В рамках финансовой программы

¹Towards a more resilient Europe post-coronavirus Options to enhance the EU's resilience to structural risks, EPRS European Parliamentary Research Service with the Directorates-General for Internal Policies (IPOL) and External Policies (EXPO). April 2021. doi: 10.2861/675160 (дата обращения: 24.06.2022).

на 2021–2027 гг. большое значение будет придаваться содействию исследованиям и инновациям ЕС при распределении средств в рамках Единого рынка, инноваций и цифровых технологий. Долгосрочный бюджет на период 2021–2027 гг. и более половины ресурсов, выделенных в рамках ЕС «Новое поколение», направлены на поддержку модернизации. В этом контексте будет поддерживаться политика исследований и инноваций в рамках Horizon Europe, переход к цифровым технологиям в рамках Just Transition Fund и Digital Europe, Recovery and Resilience Facility, а также исследования восстановления и устойчивости в рамках RescEU и новой программы здравоохранения¹.

Высокая неопределенность в отношении восстановления после пандемии в предстоящий период является одним из важнейших рисков для экономики ЕС. Еще больше внимания стало уделяться экономическим приоритетам, таким как углубление экономического и валютного союза, усиление международной роли евро, развитие союза рынков капитала и банковского союза, а также ключевым областям политики, таким как подход зеленого бюджетирования, цифровизация, финансовая интеграция, реформа еврозоны.

В основе Плана восстановления ЕС лежит восстановление и устойчивость. Основная цель – уменьшить экономические и социальные последствия пандемии COVID-19 и подготовить ЕС к вызовам и возможностям перехода к «зеленым» и цифровым технологиям. В данном контексте в рамках этого механизма будет оказана поддержка реформам и инвестициям, сделанным государствами-членами.

АСЕАН

Впервые идея устойчивости была выражена Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г., в котором подчеркиваются принципы уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности и содействие региональному сотрудничеству, основанному на взаимном уважении и солидарности во имя общей цели мира и процветания [8].

АСЕАН считается уникальной формой регионализации, созданной с целью обеспечения стабильности в своем регионе и развития сотрудничества в экономической, политической и культурной областях. АСЕАН смогла удержаться и укрепиться в Юго-Восточной Азии, привлекая внимание крупных экономик как в региональном, так и в глобальном масштабах. В таком контексте это организация, предпринявшая чрезвычайно важные шаги в создании региональной идентичности [9].

¹ Questions and answers on the adoption of the EU's long-term budget for 2021–2027. European Commission. 22.12.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_20_2465 (дата обращения: 20.05.2022).

Доклад «Адаптация и устойчивость в АСЕАН» является частью всеобъемлющего проекта, разработанного в сотрудничестве с Сетью университетов COP26 и Высшей комиссией Великобритании в Сингапуре. Сеть объединила ведущих исследователей и академических деятелей из Великобритании и Сингапура для публикации четырех отчетов, в которых основное внимание уделяется следующим областям: 1) энергетический переход, 2) природные решения, 3) зеленые финансы и 4) адаптация и устойчивость [10].

Энергетический отчет COP26 по переходу к энергетике исследует связи между восстановлением экономики после COVID-19, потреблением энергии и интеграцией климатической повестки в планы АСЕАН по переходу к низкоуглеродной и устойчивой энергетике.

В Отчете о политике «зеленых» финансов рассматривается реакция финансовых рынков на компенсацию выбросов углерода, основанная на консультациях с отраслевыми партнерами, и дается обзор бухгалтерского учета, применяемый к углеродному финансированию. В нем рассматривается оценка рисков природе и процессам декарбонизации.

В сфере адаптации и устойчивости АСЕАН осознает важность цифровизации и новейших технологий. Успех АСЕАН в цифровой устойчивости был достигнут благодаря ее способности использовать информационные и коммуникационные системы. В этом контексте страны – члены АСЕАН также осознают важность цифровой устойчивости для противодействия пандемии.

Цифровые технологии в странах АСЕАН будут играть все более важную роль в создании новой и более устойчивой экономики, а также в содействии восстановлению экономики после кризиса, вызванного COVID-19. Об этом заявил глава экономики Национальной ассамблеи Камбоджи Хенг Самрин на первом пленарном заседании 23-й Генеральной ассамблеи Межпарламентской ассамблеи АСЕАН. Хенг Самрин подчеркнул, что правительство Камбоджи запустило Рамочный план развития цифровой экономики и цифрового общества на период 2021–2025 гг. для построения сильной цифровой экономики. В этом контексте цель состоит в побуждении общества к цифровой революции. Эта стратегия будет способствовать ускорению восстановления экономики после кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Роль права как необходимой предпосылки и инструмента для повышения стрессоустойчивости в ЕС

АСЕАН и ЕС являются примерами успешной интеграции на региональном уровне. Самым эффективным и передовым в нормативно-правовом контексте из этих региональных интеграционных объединений на сегодняшний момент является ЕС.

Первые упоминания о понятии «стрессоустойчивость» в документах Европейского экономического сообщества появились в 1980-х гг. В конце 1990-х гг. ЕС также стал использовать этот термин в отношениях с третьими странами, первоначально в экономической и экологической деятельности.

В 2012 г. Европейская комиссия опубликовала заявление, в котором «стрессоустойчивость» впервые определяется как способность сообщества, страны или региона выдерживать, адаптироваться и быстро восстанавливаться после стресса и потрясений. В данном направлении видится важным найти баланс между нормативной составляющей и политическим контекстом термина «стрессоустойчивость» [6].

В настоящее время Европейская комиссия рассматривает возможность внесения изменений в существующие нормативные акты для финансового сектора, касающиеся стрессоустойчивости к цифровым операциям, с целью унификации и укрепления правовой базы в этой области. Предлагаемое изменение законодательства внесет поправки в существующую Директиву по сетевой и информационной безопасности (NIS) и создаст новое положение о цифровой операционной устойчивости, известное как Закон о цифровой операционной устойчивости (DORA). Новые правила будут распространяться на 20 типов регулируемых финансовых организаций ЕС. С учетом общественных обсуждений новые правила будут отредактированы Европейской комиссией и представлены Европейскому парламенту и Совету с целью включения их в законодательные дебаты¹.

Понятие «стрессоустойчивость» упоминается в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. не менее 40 раз. В этом контексте одним из наиболее ярких различий между Глобальной стратегией ЕС 2016 г. и Европейской стратегией безопасности 2003 г. является распространение концепции стрессоустойчивости как новой задачи. В частности, ЕС в Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности понимает под стрессоустойчивостью деятельность институтов ЕС, направленную на устранение противоречий внутри Союза в пользу внутреннего нормативного единства².

Причина, по которой стрессоустойчивость так широко встречается в глобальной стратегии ЕС, заключается в том, что она относится к широкому кругу акторов: ЕС стремится «усилить стрессоустойчивость инфраструктуры, сетей и услуг». В этом контексте идет речь об инвестировании в стрессоустойчивость государств и обществ, простирающихся до Центральной Азии на востоке и Центральной Африки на юге [11]. В результате этот термин, который используется в официальных документах интеграционного объединения, интегрирован в систему повышения стрессоустойчивости ЕС с помощью правовых норм.

¹ Womersley Howard Smith, Philip Thomas, Karen Butler and Angelika Bialowas, A summary of the proposed European regulation on digital operational resilience. Reed Smith. 11.05.2021. URL: <https://www.technologylawdispatch.com/2021/05/regulatory/a-summary-of-the-proposed-european-regulation-on-digital-operational-resilience/> (дата обращения: 20.05.2022).

² Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. Европейская Комиссия. 28.06.2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf (дата обращения: 19.07.2022).

Выводы

Повышение устойчивости эволюционировало и привлекало внимание различных стран и международных объединений, среди которых ЕС, где устойчивость стала важной составляющей в его глобальной стратегии. АСЕАН же только начала активно наращивать ее на основе многосторонней торговой системы.

На фоне процессов фрагментации и поляризации, происходящих в современном мире, анализ практик стрессоустойчивости, наработанный интеграционными объединениями на протяжении десятилетий, может привести к стабилизации общей системы. Принятые ЕС меры по предотвращению внешних угроз могут вести его к финансово-экономической нестабильности и неустойчивости под воздействием нарастающего «национального эгоизма» США и Великобритании, но наработанный опыт и усовершенствование механизмов в области стрессоустойчивости могут тормозить эти процессы. Это приведет к новому региональному правовому порядку, стабильности и позволит «перенастроить» механизмы интеграции.

Таким образом, обобщая модели устойчивости ЕС и АСЕАН, отметим, что они могут стать универсальными в следующем:

1. Повышение устойчивости путем политического диалога и двусторонних инициатив на основе базовых институциональных и социальных преимуществ в соответствующих международных регионах с целью достижения долгосрочного устойчивого улучшения или обеспечения безопасности.

2. Внедрение стратегического метода повышения устойчивости. Устойчивость зависит от конкретного контекста и требует индивидуального подхода. Устойчивые системы имеют много общих характеристик, но конкретные случаи должны рассматриваться специалистами-практиками и местными субъектами. Роль ЕС и АСЕАН и других внешних игроков заключается в поддержке этого процесса.

3. Расширение вклада, который внешние действия ЕС и АСЕАН могут внести в укрепление устойчивости государства и общества в странах-партнерах путем повышения внимания к долгосрочным кризисам, рискам конфликтов и другим структурным последствиям, включая ухудшение состояния окружающей среды, изменение климата, а также миграцию и вынужденное перемещение.

4. Улучшение анализа рисков на страновом или региональном уровне. Существуют критические пробелы, например, в способности предвидеть влияние изменения климата, природных и других факторов на переходные процессы. ЕС и АСЕАН должны пользоваться возможностями, имея доступ к большому массиву данных и программ.

5. Более динамичный мониторинг внешнего давления для принятия мер на раннем этапе. ЕС и АСЕАН должны быть в состоянии отслеживать и реагировать на внешние факторы, влияющие на гибкость стран-партнеров в краткосрочной и среднесрочной перспективах.

6. Совместная разработка международной теории устойчивости. ЕС и АСЕАН тесно сотрудничают с крупнейшими мировыми партнерами, которые участвуют в создании общих правил функционирования системы международных отношений, что способствует созданию общего понимания и подходов к решению проблем.

7. Понимание факторов устойчивости. В данном контексте может помочь ЕС и АСЕАН более эффективно планировать действия против возникновения непредвиденных обстоятельств. Для этого требуется понимание работы структур, которые контролируют и поддерживают государства и сообщества, а также того, как они реагируют, сталкиваясь с внезапными потрясениями и стрессами.

Список источников

1. Korosteleva E.A., Flockhart T. Resilience in EU and international institutions: Redefining local ownership in a new global governance agenda // *Contemporary Security Policy*. 2020. № (41) 2. P. 153–175. doi: 10.1080/13523260.2020.1723973
2. Vovchenko N.G., Ivanova O.B., Khapilin A.F., Khapilin S.A., Kostoglodova E.D., Borlakova A.I. Transformation of Public Finance of the Eurasian Economic Union Member States in the Context of the COVID-19 Pandemic // *International Journal of Economics and Business Administration*. 2020. Vol. VIII, is. 4. P. 796–807.
3. Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019 / под ред. Т. Романовой, Е. Павловой, Е. Трещенкова, Н. Гудалова, Д. Тулупова, Ю. Колотаева, Г. Коцура, С. Мазаник, А. Маловой. М., 2019. 40 с.
4. Li F. EU's «Resilience» and ASEAN's «Resilience» – A Comparative Study of Regional Core Concepts // *European Integration Research*. 2018. № 4. P. 85–101.
5. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // *Annual review of ecology and systematics*. 1973. Vol. 4, № 1. P. 1–23.
6. Tocci N. Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World. London : Palgrave Macmillan, 2017.
7. Scannapieco D. Building resilience, creating new opportunities in the EU neighbourhood // *GREAT Insights Magazine*. 2018. Vol. 7, is. 1.
8. Camroux D. ASEAN-EU Relations: It Takes Two To Tango, EU-Asia Centre, Notre Europe, France, 2019.
9. Cairtriona H. Heinl. Regional Cybersecurity: Moving Toward a Resilient ASEAN Cybersecurity Regime // *Asia Policy*. 2014. № 18. P. 131–160.
10. Renaud F.G., Chardot L., Hamel P., Cremin E., Ng D.K.S., Balke T., Lallemand D., Friend R., Shi X., Lee J.S.H., Ng L.Y., Andiappan V., Le H., Djalante R., Tortajada C., Ebeler L., Horton B.P. Adaptation and Resilience in ASEAN: Managing Disaster Risks from Natural Hazards Government. UK-Singapore COP26 ASEAN Climate Policy Report Series. London, UK, 2021.
11. Wagner W., Anholt R. Resilience as the EU Global Strategy's new leitmotif: pragmatic, problematic or promising? // *Contemporary Security Policy*. 2016. № 37 (3). P. 414–430. doi: 10.1080/13523260.2016.1228034

References

1. Korosteleva, E.A. & Flockhart, T. (2020) Resilience in EU and international institutions: Redefining local ownership in a new global governance agenda. *Contemporary Security Policy*. 2(41). pp. 153–175. DOI: 10.1080/13523260.2020.1723973

2. Vovchenko, N.G., Ivanova, O.B., Khapilin, A.F., Khapilin, S.A., Kostoglodova, E.D. & Borlakova, A.I. (2020) Transformation of Public Finance of the Eurasian Economic Union Member States in the Context of the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Economics and Business Administration*. 8(4). pp. 796–807.
3. Romanova, T., Pavlova, E., Treshchenkov, E., Gudalov, N., Tulupov, D., Kolotaev, Yu., Kotsur, G., Mazanik, S. & Malova, A. (eds) (2019) *Kontseptsiya stressoustoychivosti (resilience): rekomendatsii dlya Rossii v kontekste vzaimodeystviya s Evropeyskim soyuzom: rabochaya tetrad' 55/2019* [The concept of stress resistance (resilience): recommendations for Russia in the context of interaction with the European Union: workbook 55/2019]. Moscow: [s.n.].
4. Li, F. (2018) EU's "Resilience" and ASEAN's "Resilience" – A Comparative Study of Regional Core Concepts. *European Integration Research*. 4. pp. 85–101.
5. Holling, C.S. (1973) Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 4(1). pp. 1–23.
6. Tocci, N. (2017) *Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World*. London: Palgrave Macmillan.
7. Scannapieco, D. (2018) Building resilience, creating new opportunities in the EU neighbourhood. *GREAT Insights Magazine*. 7(1).
8. Camroux, D. (2019) *ASEAN-EU Relations: It Takes Two To Tango*. EU-Asia Centre, Notre Europe, France.
9. Heinl, C.H. (2014) Regional Cybersecurity: Moving Toward a Resilient ASEAN Cybersecurity Regime. *Asia Policy*. 18. pp. 131–160.
10. Renaud, F.G., Chardot, L., Hamel, P., Ng, D.K.S., Balke, T. et al. (2021) *Adaptation and Resilience in ASEAN: Managing Disaster Risks from Natural Hazards Government*. UK-Singapore COP26 ASEAN Climate Policy Report Series. London, UK.
11. Wagner, W. & Anholt, R. Resilience as the EU Global Strategy's new leitmotif: pragmatic, problematic or promising? *Contemporary Security Policy*. 37(3). pp. 414–430. DOI: 10.1080/13523260.2016.1228034

Информация об авторах:

Стрельникова И.А., кандидат юридических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: istrelnikova@hse.ru

Харина О.А., кандидат политических наук, научный сотрудник департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: oa.kharina@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Strelnikova I.A., National Research University «Higher School of Economics» (Moscow, Russian Federation). E-mail: istrelnikova@hse.ru

Kharina O.A., National Research University «Higher School of Economics» (Moscow, Russian Federation). E-mail: oa.kharina@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023;
одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 22.01.2023;
approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 18.03.2024.

Научная статья
УДК 342.6
doi: 10.17223/22253513/51/12

Результаты реализации в Арктике государственных программ по ограничению выбросов парниковых газов

Сергей Николаевич Чернов¹, Татьяна Ивановна Чернова²

¹ Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия

¹ chernov@krc.karelia.ru

² tchernova@krc.karelia.ru

Аннотация. Углеродное регулирование в России – это складывающаяся законодательная система, нацеленная на контроль выбросов парниковых газов. Она воздействует на выбросы двумя способами – или ограничивает хозяйствующие субъекты за негативное влияние на окружающую среду, или стимулирует, предоставляя возможность экономически поощрить за новые технологии. На помощь государству приходит установление налога (carbon tax), или квотирования (carbon cap). Выбросы превращаются в ощутимый ресурс, так как обладают реально установленной ценой. Мало того, к этой системе подключается механизм торговли (carbon trade). Особенно это актуально в Арктической зоне Российской Федерации, где очень хрупкая экологическая среда.

Ключевые слова: ограничение выбросов парниковых газов, углеродное регулирование, выбросы парниковых газов

Для цитирования: Чернов С.Н., Чернова Т.И. Результаты реализации в Арктике государственных программ по ограничению выбросов парниковых газов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 149–162. doi: 10.17223/22253513/51/12

Original article
doi: 10.17223/22253513/51/12

Results of state programmes for limiting greenhouse gas emissions in the Arctic

Sergey N. Chernov¹, Tatiana I. Chernova²

¹ Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

Petrozavodsk, Russian Federation

¹ chernov@krc.karelia.ru

² tchernova@krc.karelia.ru

Abstract. Among climate programmes, the most important area is limiting greenhouse gas emissions in the Arctic zone. The solution of this task will have a significant impact on climate change in the world, on the preservation of the speed of sea currents. The Russian Federation participates in the world's most important climate agreements, which determine the Strategic Climate Direction. These include the United Nations

Framework Convention on Climate Change, the Kyoto Protocol to the Framework Convention and the Paris Agreement. On 29 July 2021, the European Climate Act came into force, <https://ru.euronews.com/2021/06/24/eu-parliament-cli> is the basis for European climate legislation.

Thus, the process of adopting international and national norms has begun, which should make significant changes in environmental, economic, and social legislation. The climate law is mandatory for all EU states and will cost the community 1 trillion euros. It will lead to changes not only in European legislation, but will significantly affect the strategy and tactics of Russia's development until 2050. Since autumn 2022, Russia has had a carbon unit registry, operated by Kontur. A carbon unit is a verified result of a climate project, expressed as a mass of greenhouse gases equivalent to one tonne of carbon dioxide. The Russian National Commodity Exchange opened trading in carbon units at auctions.

The prospects for trading will depend on the world's shortage of resources. Economists and financiers are actively working on this problem. Bank "green" and social loans in the banking sector of the Russian Federation reached 1.2 trillion rubles. After the outbreak of hostilities in Ukraine, interest in ESG - instruments fell. Despite the difficult international and economic problems, no country in the world has yet abandoned its climate policy goals by the end of 2022. However, these goals have now moved to the background.

Russia's climate policy is based on a just energy transition, and technological neutrality. The state supports greenhouse gas sequestration projects and the creation of emerging carbon markets. The foundations of climate legislation are being created in Russia. The Sakhalin experiment to reduce greenhouse gas emissions is of great scientific and organisational importance. The State Corporation for Development of Russia and scientists from the Academy of Sciences have created a new area of research - taxonomy. It is based on the principles and practice of scientific systematisation of green projects. This is very important for determining the place and position of Russia in the international environmental. This position was officially confirmed at the summit in Glasgow in November 2021. In Russia, one of the main directions in this plan is the creation of a system of accounting for greenhouse gas emissions. For the Arctic zone, this is a major material and organisational expense - continuous and long-term high-frequency measurements are required.

Keywords: limitation of greenhouse gas emissions, carbon regulation, greenhouse gas emissions

For citation: Chernov, S.N. & Chernova, T.I. (2024) Results of state programmes for limiting greenhouse gas emissions in the Arctic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 51. pp. 149–162. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/51/12

Российская Федерация участвует в важнейших мировых климатических соглашениях, которые определяют Стратегическое направление по климату. К ним относятся Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций по изменению климата, Киотский протокол к Рамочной конвенции и Парижское соглашение.

29 июля 2021 г. вступил в силу Европейский климатический закон (<https://ru.euronews.com/2021/06/24/eu-parliament-cli>) – основа европейского климатического законодательства. Таким образом, начался процесс принятия международных и национальных норм, которые должны внести суще-

ственные изменения в экологическое, экономическое и социальное законодательство. Климатический закон обязателен для всех государств ЕС, он обойдется сообществу в 1 трлн евро. Считается, что он приведет к изменению не только европейское законодательств, но существенно повлияет на стратегию и тактику развития России до 2050 г. С осени 2022 г. в России начал действовать реестр углеродных единиц, оператором которого является компания «Контур». Реестр создан для того, чтобы в электронном виде собирать сведения об отчетности юридических лиц, которые выделяют в атмосферу более 150 тыс. т CO₂ в год. Этот реестр должен дать представление о достижении Россией позиции углеродной нейтральности к 2060 г. Если возникнут трудности, будут приняты дополнительные нормативные акты, усилятся контрольные и надзорные мероприятия, меры ответственности за невыполнение этих мер. Особенно пристальное внимание Правительство Российской Федерации уделяет Арктической зоне. Действующее законодательство об ограничении выбросов парниковых газов предполагает, что с 2023 г. крупные предприятия (выбрасывающие более 150 тыс. т CO₂ в год) начнут предоставлять обязательную отчетность о своих выбросах. Эта отчетность должна сдаваться до 1 июля каждого года. С 2025 г. начнут отчитываться средние предприятия, те, кто выбрасывает более 50 тысяч тонн эквивалента CO₂ в год [1]. Углеродная единица – это верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа.

Российская Национальная товарная биржа на аукционах открыла торги углеродными единицами. Перспективы торгов будут зависеть от дефицита ресурсов в мире. Над этой проблемой активно работают экономисты и финансисты. Банковские «зеленые» и социальные кредиты в банковском секторе РФ достигли 1,2 трлн руб. После начала боевых действий на Украине интерес к ESG-инструментам упал. Однако в проектах присутствует оптимизм. Несмотря на сложные международные и экономические проблемы, к концу 2022 г. ни одна страна в мире пока не отказалась от своих целей в климатической политике, но ясно видно, что сейчас эти цели отошли на второй план. В основе российской климатической политики – справедливый энергопереход и технологическая нейтральность. Государство поддерживает проекты по поглощению парниковых газов и создание формирующихся углеродных рынков. В России создаются основы климатического законодательства. Большое научное и организационное значение имеет сахалинский эксперимент по сокращению выбросов парниковых газов. Какую цель преследуют организаторы в этом удаленном регионе? Силами Государственной корпорации развития России и ученых Академии наук создано новое направление – учение о таксономии. Оно опирается на принципы и практику научной систематизации зеленых проектов. Что очень важно для определения места и позиции России в международной политике – страна смогла утвердить свою позицию в международном сообществе. Официально эта позиция была подтверждена на саммите в Глазго в ноябре 2021 г. Стало оче-

видно, что у Российской Федерации есть план борьбы с парниковыми газами в Арктической зоне РФ. Одно из основных направлений в этом плане – создание системы учета объема выбросов парниковых газов. Для Арктической зоны это большие материальные и организационные затраты – требуется постоянно осуществлять непрерывные и длительные высокочастотные измерения.

Усилиями Минприроды в Арктике на мысе Баранова и архипелаге Шпицберген созданы полигоны, которые осуществляют мониторинг за уровнем парниковых газов, отработывают информационную технологию со скважин. Минприроды надеется к 2025 г. открыть по всей Арктике 140 таких станций-скважин. [2]

С 1 сентября 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» [3] и достижения в них углеродной нейтральности. Он напрямую связан с исследованиями в Арктике и на Дальнем Востоке. В качестве пилотного региона выступает Сахалинская область, в которой эксперимент пройдет с 1 сентября 2022 г. по 31 декабря 2028 г. включительно. Иные регионы, в том числе регионы Арктической зоны включаются в эксперимент путем внесения изменений в закон. В начале организационного процесса Министерство экологии и устойчивого развития Сахалинской области сформировало перечень региональных регулируемых организаций и передало его на утверждение губернатору региона. После согласования списка региональная программа эксперимента была утверждена. Под эксперимент подпало около 40 организаций. Это те компании, которые выбрасывают партии парниковых газов в объеме 20 и более тыс. т CO₂ в год. [4]. Эти юрлица по итогам 2022 г. должны предоставить первую верифицированную отчетность о выбросах в срок до 1 июля 2023 г.

На основании этих данных будут определены индивидуальные квоты для эмитентов, где будет учитываться ряд показателей, необходимых для выхода на углеродную нейтральность, и дополнительные сведения от юридических лиц об уровне технологической готовности к реализации квот и налоговой эффективности реализации. Будут учитывать изменение объемов производства на предприятиях – соответствующий коэффициент вписан в методику определения квот [5]. Углеродное регулирование – это такая законодательная система, которая контролирует выбросы парниковых газов. Задача системы – обеспечить развитие низкоуглеродных секторов экономики и обеспечить их капиталом. Система углеродного регулирования приводит к тому, что выбросы становятся платными. Это осуществляется или через установление налога (carbon tax), или в результате квотирования (carbon cap). Так, выбросы, которые трудно почувствовать физически, становятся уже осязаемым ресурсом со своей собственной ценой. Некоторые юристы выделяют еще один механизм регулирования – механизм торговли (carbon trade) [6].

Если разобраться в технологии, система регистрации и учета достаточно сложная: во-первых, это инвентаризация выбросов и поглощений парнико-

вых газов; во-вторых, квотирование выбросов; в-третьих, обязательная углеродная отчетность, которая подлежит верификации. Жесткий контроль и учет – данные по квоте, по операциям с единицами ее выполнения – организаторы будут вноситься в реестр углеродных единиц. Введена плата за превышение квоты, есть методика, которая отслеживает нарушения, отработан и утвержден механизм.

У Арктической зоны РФ и территорий Дальнего Востока много общих проблем, которые ждут разрешения. Часть из них связана с серьезными климатическими изменениями, приспособлением к ним и попытками снизить разрушительное влияние на климатические процессы. Россия ратифицировала Парижское соглашение и строит свою деятельность таким образом, чтобы достичь углеродной нейтральности в промышленности и сельском хозяйстве. Для снижения выбросов парниковых газов необходимо решать комплексно несколько задач. Научные организации проводят всесторонние исследования методов определения выбросов парниковых газов с полигонов для твердых бытовых (коммунальных) отходов, используя самые современные методы мониторинга и лучшие мировые практики.

Для снижения выбросов необходим переход отраслей экономики на путь низкоуглеродного устойчивого развития. Обращение с отходами определено Правительством Российской Федерации в качестве одного из основных направлений устойчивого зеленого развития Российской Федерации (РП от 14.07.2021 № 1912-р). В перечень инициатив социального-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. в раздел «Экология» включены инициативы: «Экономика замкнутого цикла» и «Политика низкоуглеродного развития» (РП от 06.10.2021 № 2816-р). В России принят Федеральный закон, который в том числе устанавливает обязанность регулируемых организаций представлять, начиная со следующего года, отчеты о выбросах парниковых газов (ФЗ от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»).

Минэкономразвития под эгидой Правительства РФ разработало законопроект, который законодательно закрепит условия проведения сахалинского эксперимента по достижению углеродной нейтральности в субъектах Российской Федерации. В соответствии с законопроектом к эксперименту может присоединиться по желанию любой регион. В законопроекте отработан понятийный аппарат, очень важным моментом является описание методов учета. Четко раскрываются инструменты регулирования выбросов и поглощения парниковых газов. Необходимо выработать критерии компаний, которые могут участвовать в эксперименте. Это необходимо для более удобного анализа получаемых в ходе эксперимента фактов. Принятый в июле 2021 г. Закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» вводит «мягкое» регулирование выбросов парниковых газов. Первый этап «мягкого» регулирования – углеродная отчетность. Далее следует включение регионов в «жесткое» регулирование выбросов. Следующими этапами будут квотирование и плата за превышение квот [7].

Еще один законопроект подготовило Минэкономразвития, который вводит на территории регионов обязательную верификацию отчетности, он

устанавливает квоты (можно будет засчитывать углеродные единицы) на выбросы. Регионы несут финансовую ответственность и финансовые сборы за невыполнение условий. Это проявление первых признаков «жесткого» регулирования и путь к развитию общегосударственного регулирования.

Для Сахалинской области была разработана модель достижения углеродной нейтральности до конца 2025 г. Разница в выбросе и поглощении парниковых газов в Сахалинской области была в 2022 г. – выброс 12,3 млн т, поглощение 11,1 млн т. Задача в ходе эксперимента – сократить разницу между выбросом и поглощением (1,2 млн т). Будут предприняты попытки перевести до 2025 г. около 150 котельных с угля на газ, половину автотранспорта – на газ и электричество. Правительство разрабатывает программу увеличения доли возобновляемых источников энергии. Хотя есть противоречивые мнения о полезности перевода экономики на водород, прорабатывается новая программа – в регионе будет запущен кластер по производству водорода [8].

Показатель активности Российской Федерации в сфере ограничения выбросов парниковых газов в том, что осенью 2022 г. на Московской торговой бирже состоялись первые торги, которые были связаны с продажей углеродных единиц, их было продано около двадцати. Торги начались с 900 руб. за единицу, окончательная цена – 1000 руб. В сентябре 2022 г. появился реестр рынка углеродных единиц, который позволяет регистрировать в стране климатические проекты, выпускать углеродные единицы в обращение и осуществлять сделки с ними. Оператором реестра выступает АО «Контур» [9]. Так как Арктика является «кухней» погоды всего мира, Россия, исходя из большого опыта, создает систему добровольных судовых метеонаблюдений вдоль Северного морского пути, который играет все большую роль в экономике и политике. Можно отметить, что гидрометеорологическая наблюдательная сеть в Арктике состоит сегодня из 240 станций Росгидромета [10].

Правительство Сахалина разработало и разрабатывает программы по совершенствованию газификации, утилизации отходов. Бизнес активно включается в реализацию программы, берет на себя часть нагрузки – это четверть миллиона тонн. В соответствии с программой определили эмитентов, которые дают 75% выбросов на Сахалине. Установлены квоты для более чем 20 организаций, которые выбрасывают более 20 000 т парникового газа в год [11].

В начале марта 2022 г. Президентом Российской Федерации подписан закон «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации. Закон вступил в силу с 1 сентября 2022 г. Он должен сделать так, чтобы на территории субъектов РФ была установлена углеродная нейтральность. То есть это ситуация, когда наступает равенство (или близкое равенство) между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением. В этом случае выбросы парниковых газов не превышают массы их поглощения. Причем расчет ведется за календарный год, для того чтобы составить полную картину влияния всех предусмотренных действий правительства на окружающую среду. Особенно ожидаем был Закон и его апробация в Арктической зоне РФ, так

как на этой территории климатические процессы протекают большими темпами, чем на остальной территории России. Не случаен и выбор территории проведения эксперимента – Сахалинская область – территория, в какой-то степени схожая с арктической. Срок проведения эксперимента в области – с 1 сентября 2022 г. по 31 декабря 2028 г. включительно. Есть порядок подключения к эксперименту других субъектов РФ. Эксперимент должен способствовать совершенствованию и внедрению новых технологий, которые ведут к сокращению выбросов парниковых газов. Нужны технологии, которые способствовали бы увеличению их поглощения. Должны сформироваться система независимой верификации, системы обращения углеродных единиц и единиц выполнения квоты [12].

В ходе эксперимента совершенствуются методы инвентаризации выбросов парниковых газов и их поглощений, осуществляется квотирование выбросов парниковых газов, обязательная отчетность региональных регулируемых организаций (углеродная отчетность), а также верификация углеродной отчетности, подготовка, утверждение и реализация программы проведения эксперимента и другие методы учета и инструменты регулирования [13].

Для участия в эксперименте новые участники должны провести инвентаризацию выбросов и поглощения парниковых газов. Специальная комиссия оценивает последствия эксперимента для бюджета региона. Определяются последствия для бизнеса, ожидаемые плюсы и минусы снижения выбросов парниковых газов. Очень важны и подходы к распределению квот между организациями [14]. Совершенствование экологического и административного законодательства помогло установить перечень сведений, которые должны обязательно включаться в реестр выбросов парниковых газов. Приказом Минэкономразвития России от 21.11.2022 № 637 «Об утверждении структуры реестра выбросов парниковых газов, требований к алгоритмам обработки и формату информации, используемой в реестре выбросов парниковых газов» утверждены: структура реестра выбросов парниковых газов; обработка данных о показателях производственных процессов, видах деятельности и массе выбросов парниковых газов. Правительство РФ ответило на ряд важных для ведения экономики вопросов. Разъяснены особенности выполнения расчетов рассеивания выбросов загрязняющих веществ в атмосферном воздухе.

Правительство планирует обновление перечня загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования в области охраны окружающей среды [15]. С 1 сентября 2023 г. меняется Положение о предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух [16]. Внесены изменения в Перечень показателей данных, которые необходимы для снижения рисков нарушения обязательных требований по федеральному государственному экологическому контролю (надзору) [17]. Требования приведены в соответствии с приказом Минприроды России от 10.01.2023 № 5 «О внесении изменений в перечень

индикаторов риска нарушения обязательных требований по федеральному государственному экологическому контролю (надзору), утвержденный приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации) [18].

Из пяти станций, которые собирают в России данные о концентрации парниковых газов, три находятся в Арктической зоне – в Териберке, Тикси и Новом Порту. Станции в Териберке и Тикси входят в систему станций Всемирной метеорологической организации. На основании собранных данных, больше всего выбросов осуществляет энергетический сектор (77,9%). Далее идут промышленные процессы и использование продукции (11,8%). Сельское хозяйство на третьем месте – 5,7% выбросов, отходы, как промышленные, так и бытовые, – 4,6% [19].

План Российской Федерации по борьбе с парниковыми газами включает три основных направления-блока: первый – необходимость формирования системы учета объема выбросов парниковых газов; второй – оценка и прогноз объема выбросов парниковых газов на период до 2030 г., куда входит оценка по основным секторам экономики и третий – разработка правовых и организационных мер государственного регулирования объема выбросов парниковых газов. Основная сложность мониторинга парниковых газов в Арктической зоне – организация постоянных измерений, связанная с объективными трудностями материально-технического, финансового и логистического обеспечения исследований. В 2022 г. в Ямало-Ненецком автономном округе при поддержке Экспертного совета при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации открылся первый в российской Арктике карбоновый полигон, который создан на базе международной научно-исследовательской станции «Снежинка» и получил название «Семь лиственниц». Вследствие создания карбонового полигона на Ямале будут вестись наблюдения экосистем лесотундры, северной тайги, пойменных и заболоченных земель низовьев реки Оби. В ближайшие годы такие полигоны появятся и в других арктических регионах.

Карбоновые полигоны представляют из себя территории с уникальной природной экосистемой, они создаются для реализации мер контроля климатических активных газов с участием университетов и научных организаций [20]. На опытных полигонах на мысе Баранова и архипелаге Шпицберген ученые и специалисты отрабатывают технологию получения информации со скважин о состоянии вечной мерзлоты и парниковых газов. К 2025 г., по данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ, появится более 150 таких станций-скважин для мониторинга мерзлоты во всей Арктике [21].

Государство привлекает для решения климатических проектов как государственные, так и негосударственные организации. В июне 2021 г. «Роснано» заключило соглашение с Мурманской областью (ключевой территорией по решению многих экологических, экономических и политических проектов) на реализацию на ее территории пилотных проектов по сокраще-

нию выбросов парниковых газов Carbon Free Zone. В соглашении предусматривается реализация комплекса мероприятий по внедрению технологий, которые или уже готовы к реализации, или разрабатываются и направлены на эффективное снижение выбросов парниковых газов. Эти мероприятия должны привести к снижению влияния трансграничного углеродного регулирования на российских экспортеров. Одна из целей программ – Арктическая зона должна получить «зеленый» имидж для привлечения новых инвесторов.

Задача государства – создать новые высокотехнологичные рабочие места, а значит, повысить качество жизни населения северных районов России. Есть технологии, с помощью которых можно перевести многие производственные процессы в экономике, транспорт (в том числе воздушный) на водород. В России отмечается большая потребность в изучении влияния этого перехода на климатическую программу [22].

Мурманская область стала одним из первых регионов по созданию Carbon Free Zone, поскольку здесь будет реализован пилотный проект «Роснано» по производству, а также экспорту в страны ЕС «зеленого» водорода, вырабатываемого с использованием ветроэлектростанции. В рамках проекта будет производиться 12 тыс. т водорода в год начиная с 2025 г. [22].

Подводя итоги исследования проблемы, связанной с результатами реализации в Арктике государственных программ по ограничению выбросов парниковых газов, можно сделать следующие выводы:

1. Правительству, Министерству природных ресурсов совместно с региональными научными центрами РАН, университетами и институтами с учетом уже сложившегося опыта как отечественных, так и зарубежных учебных и научных центров подготовить предложения по созданию Единой системы мониторинга выбросов и поглощения парниковых газов в Арктике.

2. Финансировать гранты, научные темы, государственные задания, связанные с активизацией деятельности отраслевых аналитических центров, в задачу которых входил бы сбор и анализ информации о выбросах парниковых газов в Арктике. Обратить особое внимание на разработку расчетов «углеродного следа» продукции, произведенных на территории Российской Федерации.

3. Разработать порядок формирования, проверки и регистрации статистики парниковых газов; усовершенствовать порядок определения объемов выбросов парниковых газов предприятиями транспортной отрасли; обратить внимание, с учетом развития климатической повестки в Российской Федерации, на политику в отношении лесного хозяйства, в том числе расширить авиалесоохрану, стимулировать работы по лесовосстановлению и т.д. Учитывая большой организационный и научный опыт Республики Карелия, провести эксперимент на ее лесохозяйственной – научно-производственной базе.

4. В соответствии с Киотским протоколом к Рамочной конвенции ООН об изменении климата для осуществления операций купли продажи единиц сокращения/поглощения выбросов между компаниями Российской Федера-

ции и зарубежными заново создать закрытый ранее Центр обмена климатическими знаниями, правилами регистрации и обмена результатами климатических проектов (ст. 6 Парижского соглашения – Internationally Transferred Mitigation Outcomes)

5. Для максимального учета выбросов и нейтрализации парникового газа от хозяйствующих субъектов транспортного сектора, который является одним из активных источников выбросов, Министерству транспорта Российской Федерации необходимо представить свои предложения по внесению изменений в российское законодательство. В области строительства, реконструкции и содержания зданий провести с участием органов государственного строительного контроля (надзора) и заинтересованных представителей бизнес-объединений мониторинг стандартов и требований, связанных с оценкой фактического эффекта понижения уровня выбросов парниковых газов в процессе производства.

6. Доработать современные стандарты и требования, меры поддержки сокращения выбросов парниковых газов от объектов электро- и теплоэнергетики. Для экспортеров энергоемкой продукции выработать механизмы торговли электроэнергией с низким углеродным следом.

Список источников

1. В России зарегистрировали первые углеродные единицы, выпущенные от климатического проекта. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_rossii_zaregistririvali_pervye_uglerodnye_edinicy_vypushchennye_ot_klimaticheskogo_proekta.html?ysclid=liijwva5

2. Проект – Арктика. Совещание по вопросам развития Арктической зоны. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/6/1031/?ysclid=lahzva0sad421755994

3. О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации // СЗ ФЗ. 2022. № 10, ст. 1391. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/89/events/67932> (дата обращения: 12.10.2022).

4. Кто и как должен отчитываться о выбросах парниковых газов в 2023 году. URL: <https://www.finkont.ru/blog/kto-i-kak-dolzhen-otchityvatsya-o-vybrosakh-parnikovyykh-gazov-v-2>

5. Затаив выдыхание: какими будут первые шаги России в низкоуглеродную экономику. Обзор. URL: <https://www.interfax.ru/business/860320>

6. Сахалинский эксперимент: как создается первый в мире регион нулевых выбросов. URL: <https://ecosphere.press/2022/10/31/sahalinskij-eksperiment-kak-sozdaetsya-pervyj-v-mire-region-nulevyh-vybrosov/>

7. Регионы смогут присоединиться к углеродному эксперименту вслед за Сахалином. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/regiony_smogut_prisoedinitnya_k_uglerodnomu_eksperimentu_vsled_za_sahalinom.html?ysclid

8. Кабмин одобрил законопроект об эксперименте по ограничению выбросов парниковых газов. URL: <https://www.pnp.ru/news/gosduma-rassmotrit-zakonoproekt-ob-ogranichenii-vybrosov-co2-v-regionakh.html>

9. В РЭО рассказали об эксперименте по контролю выбросов парниковых газов на полигоне в Арктике. URL: <https://reo.ru/tpost/956rhj9mm1-v-reo-rasskazali-ob-eksperimente-po-kont>

10. Фомичев М. РФ налаживает систему добровольных судовых метеонаблюдений на Севморпути. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/rf-nalazhivaet-sistemu-dobrovolnyh-sudovyh-meteorablyudeny-na-sevmorputi?ysclid=liisjskzpc77428381>

11. Сахалин хотят декарбонизировать за счет газа, ВИЭ и электромобилей. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/15/900715-sahalin-hotyat-dekarbonizirovat>
12. В РФ впервые стартовали торги по продаже углеродных единиц. URL: <https://teknoblog.ru/2022/09/26/119248>
13. Ради экологии: как в Арктике будут бороться с загрязнением воздуха. Первый карбоновый полигон в Заполярье появится на Ямале. URL: <https://arctic-russia.com/article/radi-ekologii-kak-v-arktike-budut-borotsya-s-zagryazneniem4>
14. Сахалин хотят декарбонизировать за счет газа, ВИЭ и электромобилей. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/15/900715-sahalin-hotyat-dekarbonizirovat>
15. Гогунская О. Эксперт назвал систему продажи углеродных единиц безопасной для клиентов. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15903307>
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.02.2023 № 174 «О внесении изменений в Положение о предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух».
17. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 01.11.2023 № 724 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований, используемых при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за проведением работ по активным воздействиям на гидрометеорологические процессы» (зарегистрирован 01.02.2024 № 77107). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402020007>
18. Расширен перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований по ГЭН // Экологическое законодательство за февраль 2023: сведения для реестра выбросов парниковых газов. URL: <https://journal.ecostandard.ru/eco/razbor-zakonodatelstva/ekologicheskoe-zakonodatelstvo-za-fevral-2023-svedeniya-dlya-reestra-vybrosov-parnikovyykh-gazov-upro/>
19. Вступил в силу закон о проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов. URL: dmtyumen.ru/ogv_ru/about/ecology/eco_news/more_new.htm?id=11982504@egNew
20. Ради экологии: как в Арктике будут бороться с загрязнением воздуха. Первый карбоновый полигон в Заполярье появится на Ямале. URL: <https://arctic-russia.com/article/radi-ekologii-kak-v-arktike-budut-borotsya-s-zagryazneniem>
21. Проект – Арктика. Совещание по вопросам развития Арктической зоны. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/6/1031/?ysclid=lahzva0sad421755994
22. «Роснано» создаст углеродно-нейтральную территорию в Мурманской области. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11548583>

References

1. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (n.d.) *V Rossii zaregistrovali pervye uglerodnye edinity, vypushchennye ot klimaticheskogo proekta* [The first carbon units issued from the climate project were registered in Russia]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_rossii_zaregistrovali_pervye_uglerodnye_edinity_vypushchennye_ot_klimaticheskogo_proekta.html?ysclid=liijwva5
2. Central Dispatch Department of Fuel and Energy Complex. (2022) *Proekt – Arktika. Soveshchanie po voprosam razvitiya Arkticheskoy zony* [Project – Arctic. Meeting on the development of the Arctic zone]. [Online] Available from: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/6/1031/?ysclid=lahzva0sad421755994
3. Russian Federation. (2022) *O provedenii eksperimenta po ogranicheniyu vybrosov parnikovyykh gazov v otde'lnykh sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii* [On conducting an

experiment to limit greenhouse gas emissions in certain constituent entities of the Russian Federation]. *SZ FZ*. 10. Art. 1391. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/89/events/67932> (Accessed: 12th October 2022).

4. Finkont. (n.d.) *Kto i kak dolzhen otchityvat'sya o vybrosakh parnikovyykh gazov v 2023 godu* [Who and how should report on greenhouse gas emissions in 2023]. [Online] Available from: <https://www.finkont.ru/blog/kto-i-kak-dolzhen-otchityvatsya-o-vybrosakh-parnikovyykh-gazov-v-2>

5. Interfax.ru. (n.d.) *Zataiv vydykhanie: kakimi budut pervye shagi Rossii v nizkouglerodnuyu ekonomiku. Obzor* [Holding your breath: what will be Russia's first steps into a low-carbon economy]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/business/860320>

6. Ekosfera. (2022) *Sakhalinskiy eksperiment: kak sozdaetsya pervyy v mire region nulevykh vybrosov* [Sakhalin experiment: How the world's first zero-emissions region is being created]. [Online] Available from: <https://ecosphere.press/2022/10/31/sahalinskij-eksperiment-kak-sozdaetsya-pervyy-v-mire-region-nulevykh-vybrosov/>

7. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (n.d.) *Regiony smogut prisoedinit'sya k uglerodnomu eksperimentu vsled za Sakhalinom* [Regions will be able to join the carbon experiment after Sakhalin]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/news/regiony_smogut_prisoedinit'sya_k_uglerod-nomu_eksperimentu_vsled_za_sahalinom.html?ysclid

8. Komarova, V. (2021) *Kabmin odobril zakonoproekt ob eksperimente po ogranicheniyu vybrosov parnikovyykh gazov* [The Cabinet of Ministers approved a bill on an experiment to limit greenhouse gas emissions]. [Online] Available from: <https://www.pnp.ru/news/gosduma-rassmotrit-zakonoproekt-ob-ogranichenii-vybrosov-co2-v-regionakh.html>

9. REO. (2022) *V REO rasskazali ob eksperimente po kontrolyu vybrosov parnikovyykh gazov na poligone v Arktike* [The REO talked about an experiment to control greenhouse gas emissions at a test site in the Arctic]. [Online] Available from: <https://reo.ru/tpost/956rhj9mm1-v-reo-rasskazali-ob-eksperimente-po-kont>

10. Fomichev, M. (2022) *RF nalazhivaet sistemu dobrovol'nykh sudovykh meteorablyudeniya na Sevmorputi* [The Russian Federation is establishing a system of voluntary ship weather observations on the Northern Sea Route]. [Online] Available from: <https://www.interfax-russia.ru/main/rf-nalazhivaet-sistemu-dobrovolnykh-sudovykh-meteorablyudeniya-na-sevmorputi?ysclid=liisjskzpc77428381>

11. Volobuev, A. (2021a) *Sakhalin khoyat dekarbonizirovat' za schet gaza, VIE i elektromobiley* [They want to decarbonize Sakhalin using gas, renewable energy sources and electric vehicles]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/15/900715-sahalin-hotyat-dekarbonizirovat>

12. Davydov, D. (2022) *V RF vpervye startovali torgi po prodazhe uglerodnykh edinit* [The Russian Federation has launched trading for the sale of carbon units for the first time]. [Online] Available from: <https://teknoblog.ru/2022/09/26/119248>

13. Arctic Russia. (n.d.) *Radi ekologii: kak v Arktike budut borot'sya s zagryazneniem vozdukh. Pervyy karbonovyy poligon v Zapolyar'e poyavitsya na Yamale* [For the sake of the environment: how air pollution will be combated in the Arctic. The first carbon test site in the Arctic will appear in Yamal]. [Online] Available from: <https://arctic-russia.com/article/radi-ekologii-kak-v-arktike-budut-borotsya-s-zagryazneniem4>

14. Volobuev, A. (2021b) *Sakhalin khoyat dekarbonizirovat' za schet gaza, VIE i elektromobiley* [They want to decarbonize Sakhalin using gas, renewable energy sources and electric vehicles]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/15/900715-sahalin-hotyat-dekarbonizirovat>

15. Gogunskaya, O. (2022) *Ekspert nazval sistemu prodazhi uglerodnykh edinit bezopasnoy dlya klientov* [The expert called the system for selling carbon units safe for clients]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/15903307>

16. Russian Federation. (2023) *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 08.02.2023 № 174 O vnesenii izmeneniy v Polozhenie o predel'no dopustimyykh vybrosakh, vremenno raz-reshennykh vybrosakh, predel'no dopustimyykh normativakh vrednykh fizicheskikh voz-deystviy na atmosfernyy vozdukh i razresheniyyakh na vybrosy zagryaznyayushchikh veshchestv v atmosfernyy vozdukh* [Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/08/2023 No. 174 On amendments to the Regulations on maximum permissible emissions, temporarily permitted emissions, maximum permissible standards for harmful physical effects on atmospheric air and permits for emissions of pollutants into atmospheric air].

17. Russian Federation. (2023) *Prikaz Ministerstva prirodnnykh resursov i ekologii Rossiyskoy Federatsii ot 01.11.2023 № 724 "Ob utverzhdenii perechnya indikatorov riska narusheniya obyazatel'nykh trebovaniy, ispol'zuemykh pri osushchestvlenii federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) za provedeniem rabot po aktivnym vozdeystviyam na gidrometeorologicheskie protsessy"* (zaregistrovan 01.02.2024 № 77107) [Order No. 724 of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation dated November 1, 2023, "On approval of the list of risk indicators of violation of mandatory requirements used in the implementation of federal state control (supervision) over the work on active impacts on hydrometeorological processes" (registered 02/01/2024 No. 77107)]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402020007>

18. Ecostandard Journal. (2023) *Rasshiren perechen' indikatorov riska narusheniya obyazatel'nykh trebovaniy po GEN* [The list of indicators of the risk of violation of mandatory requirements for the State Economic Regulation has been expanded]. [Online] Available from: <https://journal.ecostandard.ru/eco/razbor-zakonodatelstva/ekologicheskoe-zakonodatelstvo-za-fevral-2023-svedeniya-dlya-reestra-vybrosov-parnikovyykh-gazov-upro/>

19. Dmtyumen.ru. (n.d.) *Vstupil v silu zakon o provedenii eksperimenta po ogranicheniyu vybrosov parnikovyykh gazov* [The law on conducting an experiment to limit greenhouse gas emissions came into force]. [Online] Available from: dmtyumen.ru/ogv_ru/about/ecology/eco_news/more_new.htm?id=11982504@egNew

20. Arctic Russia. (n.d.) *Radi ekologii: kak v Arktike budut borot'sya s zagryazneniem vozdukha. Pervyy karbonovyy poligon v Zapolyar'e poyavitsya na Yamale* [For the sake of the environment: how air pollution will be combated in the Arctic. The first carbon test site in the Arctic will appear in Yamal]. [Online] Available from: <https://arctic-russia.com/article/radi-ekologii-kak-v-arktike-budut-borotsya-s-zagryazneniem>

21. Central Dispatch Department of Fuel and Energy Complex. (2022) *Proekt – Arktika. Soveshchanie po voprosam razvitiya Arkticheskoy zony* [Project – Arctic. Meeting on the development of the Arctic zone]. [Online] Available from: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/6/1031/?ysclid=lahzva0sad421755994

22. TASS. (2021) *"Rosnano" sozdat uglerodno-neytral'nyuyu territoriyu v Murmanskoy obla-sti* [Rusnano will create a carbon-neutral territory in Murmansk region]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/11548583>

Информация об авторах:

Чернов С.Н., профессор, доктор юридических наук, доктор исторических наук, руководитель Центра правовых междисциплинарных исследований, главный научный сотрудник Карельского научного центра Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Карелия (Петрозаводск, Россия). E-mail: chernov@krc.karelia.ru

Чернова Т.И., соискатель Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия); главный специалист лаборатории экологического мониторинга и моделирования Отдела комплексных научных исследований Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия). E-mail: tchernova@krc.karelia.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chernov S.N., Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: chernov@krc.karelia.ru

Chernova T.I., Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: tchernova@krc.karelia.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.09.2023;
одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 18.03.2024.*

*The article was submitted 12.09.2023;
approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 18.03.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81.

Факс: 8 (382-2) 52-98-68.

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2024. № 51

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 18.03.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 10,2. Усл. печ. л. 13,3. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 5833.

Дата выхода в свет 09.04.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru